

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

№ 2 (101)

Рига 2026

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Кулешова

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Редактор *М. Каменская*

Литературный редактор *А. Роцина*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (101) 2026

К читателю

Малые – и те, кто еще этого не понял
Алекс Юсупов 5

Тема номера

Чему Венгрия может научиться у Польши
Славомир Сераковский 9

*Что ждет мир после прекращения
американской гегемонии?*
Роберт Скидельски 13

Поиск понимания

Как Америка будет дальше обходиться с Россией?
Мария Снеговая 19

Проблема ИИ

Испытание интеллектом
Зелимхан Яхиханов 36

Опыт истории

Вот вам телеграмма!
Андрей Колесников 40

Архив

*Московское интервью. Ю. Хабермас
отвечает на вопросы Ю. Сенокосова* 49

Дискуссия

Об эволюции правосознания
Г. Куйдин 56

Книги

Послесловие. Светлая книга о темном опыте
Руслан Лошаков 67

Контрапункт
Максим Горюнов 76

Nota bene

- «Ты, сеятель, храни свою соху...»*
Сравнительные размышления к юбилеям
Анджея Вайды и Вацлава Гавела
Иван Беляев 84

In Memoriam

- Юрген Хабермас*
Незавершенный проект и незатянувшаяся рана.
Памяти Юргена Хабермаса
Михаил Минаков 96
- Памяти мыслителя*
Анатолий Михайлов 114
- Роберт Скидельски* 119

Малые – и те, кто еще этого не понял

«В Европе есть только два типа стран: малые страны и те, которые еще не поняли, что они малые». Эту фразу обычно приписывают Полю-Анри Спааку, одному из отцов европейской интеграции. Долгое время она воспринималась как ирония над европейскими метрополиями, не способными смириться с утратой имперского размаха. Сегодня смысл высказывания меняется. Европейцам приходится наконец признать свою скромную величину в глобальном измерении. Но что из этого следует?

Трансформацию либерального миропорядка, которую мы сейчас проживаем, обычно описывают в терминах потери: старый мир закончился, новый еще не наступил, Запад слабеет, международное право сбоит, институты теряют авторитет и ресурсы. Все это в значительной степени верно. Но в этом же распаде проступает субъект, которого раньше не было видно. Речь идет о средних державах как политическом классе активных игроков.

Чтобы понять, почему это важно, достаточно вспомнить холодную войну и то, чем она отличается от текущего момента, несмотря на весь соблазн исторических аналогий. В биполярном мире пространство между полюсами было чрезвычайно узким: субъектность большинства стран существовала в тени сверхдержав, а гарантий от их превращения в очередной театр столкновения Вашингтона и Москвы было немного. Сегодня многополярность как концепцию часто сводят к одному вопросу: сколько будет новых полюсов и какого они будут веса, по сути ленинское «кто кого» — США или Китай? Успеет ли Трамп сыграть роль «обратного Киссинджера» с Россией? Кто с кем заключит сделку, кого оторвут от какого блока? Разговор о новом мире выглядит

*Алекс Юсуфов,
политолог, фонд
им. Фридриха Эберта*

как компьютерная игра с постоянной проверкой сил и ресурсов пары-тройки фракций. Отсюда и регулярная критика ЕС как игрока, выпадающего из первой лиги.

Но мировой порядок всегда определялся бóльшим числом параметров, чем просто ранжированием держав по мощи. Берлинский ученый Михаэль Цюрн описывает нынешнюю трансформацию не только как откат к биполярности, но и как более сложную конфигурацию, где сам факт существования широкой прослойки средних держав способен изменить всю статику.

Марк Карни, экономист и политик, выступая в Давосе в январе 2026 года, сформулировал ту же мысль, правда, с неожиданной для западного либерального политика прямотой. Его главная заслуга в том, что он снял стигму с разговора о многополярности в центристских, мейнстримных политических кругах, в которых сомнения в непоколебимости трансатлантизма до второго президентства Трампа могли просто восприниматься как предательское путинферштееровство. Карни говорил не просто о кризисе правил, а о коллективном театральном

*Разговор о новом мире
выглядит как компьютерная
игра с постоянной проверкой
сил и ресурсов пары-тройки
фракций*

самообмане вокруг их избирательного применения. Важно уточнить, о каких именно правилах шла речь. Международный порядок после 1945 года строился на международном праве, но к концу столетия его постепенно начал дополнять, а потом и вытеснять «порядок, основанный на правилах»

(rules-based international order). Разница не просто терминологическая. «Правилами» оказался набор принципов, не обязательно закрепленных в международных правовых договорах, но определенных западными странами — достаточно сильными, чтобы стать их учредителями, и достаточно гибкими, чтобы освободить самих себя от их действия при необходимости. Иракская война 2003 года стала для значительной части глобального Юга поворотным событием, после которого эту непоследовательность нельзя было больше игнорировать. Неспособность Запада собрать убедительную антироссийскую коалицию глобального Юга после 2022 года объясняется в первую очередь именно этой двадцатилетней эрозией универсалистского посыла.

Почему речь Карни — это больше чем удачный риторический текст? Его призыв состоит в том, чтобы признать мир таким, какой он есть, и строить коалиции, основываясь не на культурных симпатиях или ностальгии по прежнему укладу, а на анализе совпадающих интересов, ценностей и зависимостей. Это неудобная стратегия для европейских столиц — она подразумевает признание того, что Европа просто один из регионов мира, а не глобальный золотой стандарт. В Европе тоже случаются войны, которые не удастся предотвратить, происходит деградация

До Хо Су (Do Ho Suh). Общественные фигуры. 1998

электоральных систем в персоналистские режимы, бывает системная коррупция и осязаемый разрыв между элитами и обществами. А макро-вызовы совсем нерегинальные: климатический кризис, последствия роботизации, атомизация публичного пространства алгоритмами соцсетей, устаревание социальных систем прошлого века — все это в разных формах бьет и по Латинской Америке, и по тропической Африке, и по Юго-Восточной Азии. Иммуитета нет ни у кого.

Именно здесь средние державы могут и должны держаться вместе. Коллективно они способны балансировать между полюсами, не попадая в полную зависимость от одного из них. Их пересекающийся интерес состоит не в гегемонии и эксклюзивных сферах влияния, а в сохранении пространства маневра и открытости к миру. Торговые, научные, общественные переплетения и безграничность взаимодействия — для них в первую очередь источник выгоды и прогресса, а не угроза суверенитету и самобытности.

Таких акторов сегодня значительно больше, чем принято думать: Норвегия, Канада, Австралия, Бразилия, Южная Африка, Индонезия, Индия, Турция, Южная Корея, Япония, Мексика, ОАЭ и отдельно, в особом смысле, Европейский союз. Их объединяет понимание того, что минимальный, но стабильный набор соблюдаемых правил является предпосылкой их существования, развития и процветания. Великие державы могут игнорировать правила, потому что претендуют на их

написание. Средние — нет. В этом их относительная слабость и одновременно их честность: при правильном выстраивании новых альянсов им не грозят ловушки двойных стандартов и морализаторской внешней политики.

ЕС — это экосистема стран, которые постепенно обнаружили, что поодиночке они слишком малы. Германия, Италия, Испания, Франция, Польша, Нидерланды, страны Балтии и Скандинавии — каждая обладает ресурсами, историей, амбициями и своими фантомными болями. Но

Великие державы могут игнорировать правила, потому что претендуют на их написание.

Средние — нет

вместе они образуют нечто редкое: добровольное объединение государств, которые переплели часть своего суверенитета ради совместного проекта. Европейский проект как политическая форма устроен без отсылки к великому прошлому: его легитимность не строится на обещании возвращения в золотой век.

Make Europe Great Again — далеко не мажоритарная идея, несмотря на рост правых популистов.

Конечно, у Европы есть свои риски цивилизационной гордыни. Бывший верховный представитель ЕС Жозеп Боррель описывал Европу как «цветущий сад», окруженный «джунглями». Метафора симптоматичная: признающая хрупкость европейского постмодерна, но при этом воспроизводящая иерархический взгляд на внешний мир. Такая оптика легко превращает идею европейской субъектности в концепцию осажденной крепости — это уже электоральное обслуживание страхов и политических ностальгий, а не стратегия на следующие три четверти XXI века.

Карни сформулировал это так: средние державы должны действовать вместе, потому что «если они не за столом, то они в меню». На деле это означает строить коалиции не ради реставрации «порядка, основанного на правилах» в его прежнем смысле, а ради чего-то другого: совместной выработки норм, которые будут иметь силу именно потому, что за ними стоит широкий консенсус стран, понимающих свои интересы, а не гегемониальное принуждение или соблазн финансовой глобализации.

В начале XX века слова о малых странах звучали как приговор. В начале XXI века они могут звучать иначе. Малые — это те, кто не тратит силы на фантомы, кто строит союзы, а не сферы влияния, кто помнит, чем заканчивается игра в величие. Европа начинает понимать, что она — небольшая часть мира. И это неплохо.

О проблемах, стоящих перед новым венгерским правительством после выборов, и параллелях между сегодняшним днем и Польшей 2023 года, когда Дональд Туск одержал победу над Ярославом Качиньским.

Чему Венгрия может научиться у Польши*

После 16 лет нелиберального правления Виктора Орбана венгерский народ проголосовал за главную оппозиционную партию «Тиса», что стало поворотным моментом для страны. Но не стоит заблуждаться: лидеру «Тисы» Петеру Мадьяру предстоят серьезные испытания в деле восстановления демократических норм.

Мадьяру есть чему поучиться у польского премьер-министра Дональда Туска, который вернулся к власти в 2023 году после восьми лет популистского правления партии «Право и справедливость» (PiS). Несмотря на оперативные меры — ограничение пропаганды в государственных СМИ, разблокирование 137 млрд евро (160 млрд долларов) замороженных средств Европейского союза за счет реформ в сфере верховенства права и сохранение устойчивого экономического роста — правительство Туска столкнулось с низким уровнем общественной поддержки.

К сожалению, демократические преемники крайне правых популистов почти неизбежно сталкиваются с разочарованием — во многом из-за завышенных ожиданий, сопровождающих их победы. Недовольство правительством Туска во многом отражает последствия политики партии «Право и справедливость» которая системно искажала работу государственных институтов, превращая их в инструмент преследования политических оппонентов и подавления инакомыслия. С аналогичной проблемой сталкивается в Венгрии Мадьяр.

Славомир Сераковский,
журналист, социолог

* Sierakowski S. What Hungary Can Learn From Poland // Project-syndicate. 13 Apr. 2026. <https://www.project-syndicate.org/commentary/peter-magyar-new-government-hungary-must-learn-from-donald-tusk-poland-by-slawomir-sierakowski-2026-04>

В обеих странах системные изменения требуют парламентского большинства, президента, готового к сотрудничеству, и независимого конституционного суда. Не по своей вине Туск не смог выполнить ни одно из этих условий. Мадьяру же удалось обеспечить конституционное большинство, что позволяет перестроить систему с нуля. Однако в Венгрии нелиберализм укоренился значительно глубже, чем в Польше. Поэтому восстановление потребует времени, а ожидания избирателей должны быть оправданы как можно скорее.

В Венгрии первоочередной задачей должно стать разблокирование средств ЕС, замороженных из-за системных нарушений принципов верховенства права при Орбане. Однако, при всей их необходимости, эти

В Венгрии нелиберализм укоренился значительно глубже, чем в Польше.

Поэтому восстановление потребует времени

средства неизбежно станут объектом политических атак на новое правительство. Достаточно направить часть финансирования, например, на поддержку меньшинств, чтобы сторонники Orbana раздули из этого громкий скандал. Польский опыт уже показал: на первых порах подобные решения вызывали

общественное негодование, а правительство не получало дивидендов в виде роста рейтингов. Лишь когда граждане начали ощущать конкретные, ощутимые улучшения, общественное мнение стало постепенно меняться.

Как в Венгрии, так и в Польше восстановление правопорядка оказывается куда более сложной задачей, чем демонтаж институтов, предпринятый крайне правыми. В судебной системе осталось немного по-настоящему независимых кадров, а нелиберально настроенные президент или верховный суд способны блокировать назначение новых судей. Показателен польский пример: президент Кароль Навроцкий, поддерживающий партию «Право и справедливость», с момента вступления в должность не утвердил назначения 46 судей, а 88 дипломатических постов остаются вакантными.

Подобные структурные барьеры тормозят реформы и одновременно ставят их под пристальное общественное наблюдение. Либеральный электорат склонен болезненно реагировать на любые просчеты. По мере восстановления независимости ключевых СМИ каждое упущение нового правительства будет подвергаться жесткой критике — такова их институциональная роль, даже если это порождает взаимное разочарование. В этой атмосфере усиливаются позиции циников, утверждающих, что новые власти ничем не отличаются от прежних. В результате часть избирателей, поддержавших продемократические силы, может просто не прийти на следующие выборы. В Польше нарастающие антисистемные настроения, усиление терпимости к «сильной руке» и все более прагматичное отношение к ЕС привели к избранию Навроцкого всего через два года после триумфального возвращения Туска. Аналогичное отчуждение может проявиться и в Венгрии.

Ласло Лакнер (László Lakner). *Послушно*. 1966

После многих лет коррумпированного правления Орбана общество будет ожидать от новых властей реального привлечения его и его союзников к ответственности. Польский опыт это подтверждает: уже через год после победы Туска две трети респондентов (включая каждого третьего избирателя партии PiS) считали, что представители прежней власти заслуживают тюремного наказания. Однако на практике никто из них не понес юридической ответственности.

Однако польский опыт показывает: когда прежняя власть успела закрепить свои позиции в законодательстве, а от нового продемократического правительства ожидают безупречной приверженности верховенству права на каждом шагу, попытки привлечь крайне правых к ответственности нередко заходят в тупик. Более того, президентское помилование способно одним росчерком пера свести на нет усилия правосудия — что наглядно продемонстрировал президент США Дональд Трамп. Альтернативный сценарий не менее показателен: фигуры могут просто скрыться от правосудия. Так, бывший министр юстиции Польши Збигнев Зебро покинул страну и получил политическое убежище в Венгрии, где, по всей видимости, подыскивает новое место для жизни.

С учетом всего этого главный урок для Венгрии состоит в том, что быстрого решения не существует. Даже Орбану понадобился год, чтобы переписать конституцию — Основной закон был принят лишь в

По мере восстановления независимости ключевых СМИ каждое упущение нового правительства будет подвергаться жесткой критике

2011 году, — причем, будучи популистом, он не был связан строгим соблюдением правил. Венгерским властям следует как можно раньше и ясно донести эту реальность до общества. Более того, им, вероятно, придется быть готовыми к экспериментам и нетривиальным решениям — по крайней мере до тех пор, пока демократические институты не будут полноценно восстановлены. Туск, в свою очередь, рассчитывал избежать этого пути, если кандидат от его партии победит на президентских выборах. В результате он потерял два года.

Еще одна сфера, требующая оперативных реформ, — общественные СМИ. Подход правительства Туска служит показательным примером возможных действий. Понимая, что для деполитизации государствен-

*Национальное возрождение
случается раз в поколение,
и окно возможностей не будет
открыто бесконечно*

ных вещателей необходима поддержка президента — и что получить ее не удастся, — власти пошли на прямые меры: сняли с эфира наиболее одиозный канал TVP Info, сменили его руководство, а также приостано-

ли работу Польского радио и Польского информационного агентства. Шаги были жесткими, но оказались эффективными.

Правительство Туска прибегало и к другим обходным решениям. Так, парламент избрал шесть новых судей Конституционного трибунала, однако Навроцкий, стремясь повлиять на его состав и спровоцировать политический конфликт, пригласил в президентский дворец для принесения присяги — формально церемониальной процедуры — лишь двоих из них. В ответ оставшиеся четверо принесли присягу в парламенте, фактически обойдя президента.

Хотя этот шаг фактически восстановил работоспособность Трибунала, новым судьям, возможно, придется вступать в должность под полицейской защитой: председатель Верховного суда в прошлом занимал пост старшего прокурора в правительстве PiS и считается союзником покинувшего страну Зёбро. Когда разложение зашло так далеко, шанс на успех сохраняется лишь у смелой администрации, которая ясно обозначит и ставки, и сроки.

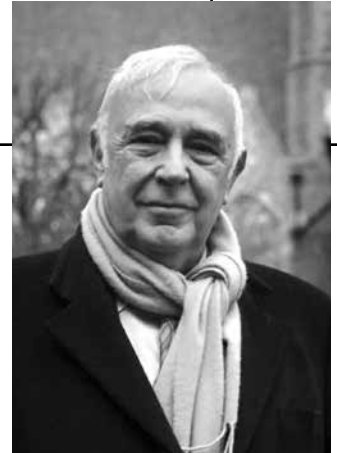
В целом, национальное возрождение случается раз в поколение, а не раз за один срок полномочий, и окно возможностей не будет открыто бесконечно. Поэтому обещания должны быть скромными. Не следует ждать ни укрепления власти, ни полного восстановления либеральной демократии, чтобы начать действовать. Действовать нужно уже сейчас — и, там, где это юридически допустимо, не бояться прибегать к чрезвычайным мерам. При этом стоит сосредоточиться на нескольких ярких проектах, связанных с достоинством, потому что в Восточной Европе оно по-прежнему остается главной политической валютой.

16 апреля 2026 года на 87-м году жизни скончался постоянный эксперт и друг Школы, профессор политической экономики университета Warwick, член Палаты лордов и Британской академии, сэр Роберт Скидельски. В марте вышло его последнее эссе, где он рассуждает о том, как выглядит будущее международного порядка, основанного на правилах, что стоит за отступлением США от роли мирового гегемона и какие перспективы для всего мира оно открывает.

Что ждет мир после прекращения американской гегемонии?*

Что происходит с «международным порядком, основанным на правилах», к которому так отчаянно взывают растерянные европейские лидеры? В самом общем виде ответ таков: мы переживаем период отступления американской гегемонии, замаскированного бахвальством и отмеченного противоречиями. Это отступление имеет два аспекта: экономический и геополитический. Экономисты говорят о том, что пошлины Трампа разрушают систему свободной торговли; геополитики — о том, что «доктрина Трампа» (Trump Corollary) разваливает систему НАТО. Все это части единой, вполне последовательной истории. Однако сам процесс отступления не так прост, как кажется. Как в него вписываются бомбардировки Ирана?

Что вообще имеют в виду, когда говорят о глобальном «порядке, основанном на правилах»? Отправной точкой должен служить Устав ООН, подписанный в Сан-Франциско в 1945 году и теоретически обязательный для всех 193 государств — членов организации. Устав закрепляет суверенное равенство (статья 2.1), мирное разрешение споров (статья 2.3) и запрет угрозы силой или ее применения (статья 2.4), за исключением случаев самообороны (статья 51) или санкции, одобренной Советом Безопасности (глава VII). Безопасность на суше, на море и в воздухе

Роберт Скидельски

*Skidelsky R. What comes after America's retreat? // The Spectator. 3 March 2026. <https://spectator.com/article/what-comes-after-americas-retreat/>

является источником всех прочих договоров и конвенций, составляющих тот самый «мир, основанный на правилах».

Но у всех международных соглашений, какими бы торжественными они ни были, есть один общий изъян: не существует мирового правительства, которое могло бы принудить к их исполнению. Так как же на практике функционирует наш «порядок, основанный на правилах»?

На это есть два ответа. Уставы, договоры и конвенции действительно обладают некоторой обязательной силой для тех, кто их подписал, подобно тому, как верховенство права внутри государств зависит не только от усилий полиции. Государства берут на себя договорные обязательства, которые им выгодно соблюдать, поскольку это делает их отношения более стабильными и предсказуемыми.

Однако, как я утверждал ранее, международное верховенство права критически зависит от существования ведущей державы, способной и желающей гарантировать эти правила и обеспечивать их соблюдение

*Международное верховенство
права зависит
от существования ведущей
державы, способной
гарантировать правила*

по мере необходимости. Эту роль гегемона Соединенные Штаты переняли у Великобритании после 1945 года; «порядок, основанный на правилах», об уходе которого так сокрушаются, по сути, был англо-американским творением. В эпоху холодной войны

он никогда не был по-настоящему глобальным, представляя собой скорее дуополию сверхдержав. Но примерно в течение десятилетия после краха коммунизма в 1990 году глобальная роль Соединенных Штатов была неоспоримой. Мы называем этот короткий период «однополярным моментом».

Есть и еще одно важное обстоятельство: хотя верховенство права формально распространялось на все государства, гегемон фактически сохранял за собой право нарушать его всякий раз, когда это отвечало его интересам — поскольку никаких внешних ограничений для этого не существовало. Только он был по-настоящему суверенным в мире якобы равных суверенов и потому на практике оставался безнаказанным.

Но ни одна держава не может играть эту роль бесконечно. В какой-то момент обязательства начинают превосходить имеющиеся ресурсы, гегемон сбрасывает с себя бремя ответственности — и «мировой порядок», который он поддерживал, начинает распадаться. Нам внушают, что факел гегемонии беспрепятственно перешел от Британии к Соединенным Штатам. Мы забываем о двух мировых войнах, которые критически подорвали британскую мощь. Теперь же Соединенные Штаты отказываются от ответственности, унаследованной от Британии. Очевидного преемника нет. Перед человечеством стоит выбор: либо ленинские «войны за раздел и передел мира», либо новый глобальный пакт, способный обеспечить безопасность и процветание планеты.

Обоснование тарифной политики Трампа было кратко изложено в торговой повестке дня от 3 марта 2025 года (2025 Trade Policy Agenda). Утверждалось, что хронический торговый дефицит США подрывает американскую промышленность. Ответственность возлагалась на «глобалистские элиты», которые, экспортируя производство, обогащались за счет американских работников. Тарифная защита при этом призвана заменить идеологию глобализма так называемой философией продуктивизма. «Американцы — это нечто большее, чем просто то, что они потребляют, — говорится в документе. — Американская экономика — это нечто большее, чем просто “перекладывание денег”».

Сквозной темой повестки стал отказ от гегемонистской роли доллара. Соединенные Штаты имеют дефицит торгового баланса с 1975 года — на протяжении 50 лет. Торговые партнеры Америки были готовы финансировать избыток американского импорта в обмен на предоставляемые Соединенными Штатами услуги — своего рода добровольный налог. Обеспечивая мир надежной резервной валютой, США могли оплачивать большую часть расходов альянса НАТО и, благодаря своему колоссальному потреблению, поддерживать подъем мировой экономики. Однако расплатой за это стала нарастающая переоцененность доллара, которая подорвала индустриальную экономику Америки и создала глобальную финансовую систему с чрезмерной закредитованностью. Оказавшись перед выбором между долларовой гегемонией и сильной национальной экономикой, администрация Трампа выбрала последнее.

Оказавшись между долларовой гегемонией и сильной национальной экономикой, администрация Трампа выбрала последнее

Нечто подобное происходило в 1930-е годы. В 1932 году Британия отказалась от векового принципа свободной торговли, чтобы создать систему имперских преференций. Соединенные Штаты, в свою очередь, еще в 1930 году повернули к протекционизму, приняв тарифный акт Смута — Хоули. В результате мир раскололся на экономические блоки: уже сложившиеся — у Британии, США и Франции, и лишь намечавшиеся — у Германии, Японии и Италии. Итогом стала Вторая мировая война. История не повторяется, но она рифмуется.

Стратегия национальной безопасности администрации Трампа от 4 декабря 2025 года представляет собой геополитическое дополнение к торговой повестке. Она открывается прямым одобрением доктрины Монро. Там сказано: «2 декабря 1823 года доктрина американского суверенитета была увековечена в прозе, когда президент Джеймс Монро провозгласил перед нацией простую истину, эхом отозвавшуюся сквозь века: Соединенные Штаты никогда не дрогнут в защите нашей родины, наших интересов или благополучия наших граждан. Сегодня моя администрация с гордостью подтверждает это обещание в рамках “доктрины

Сэмюел Морзе (Samuel Morse). Портрет Джеймса Монро. 1819

Трампа” [в продолжение] к доктрине Монро: американский народ — а не иностранные государства или глобалистские институты — будет всегда сам распоряжаться своей судьбой в нашем полушарии».

Далее следует пространное рассуждение о том, как Соединенные Штаты оберегали американский континент от «коммунизма, фашизма и иностранного вмешательства», и как Трамп будет «агрессивно» проводить политику «Америка прежде всего» с помощью «мира с позиции силы».

За всем этим стоит отступление США от роли мирового лидера. Стратегия национальной безопасности отвергла те самые «глобалистские институты», которые Соединенные Штаты (при помощи Британии) создали после Второй мировой войны как инструменты реализации своей гегемонии: Организацию Объединенных Наций с ее специализированными учреждениями, а также Бреттон-Вудские институты. Особенно важным в геополитическом плане стал пересмотр военных обязательств США: европейская безопасность больше не является главным приоритетом; США не станут больше гарантировать оборону Европы. Россия упоминается только в контексте Европы, о Китае говорится, что он представляет собой экономический, а не стратегический вызов, на который следует отвечать торговыми сделками.

Фокус документа Трампа главным образом сосредоточен на Западном полушарии: «Моя администрация также останавливает смертоносный наркотрафик, идущий через Мексику, прекращает вторжение

нелегальных мигрантов вдоль нашей южной границы и ликвидирует наркотеррористические сети по всему Западному полушарию».

И торговая повестка дня, и Стратегия национальной безопасности задают курс на отход Америки от мировой гегемонии, осуществляемой через «глобалистские институты», к региональному империализму, подерживаемому американской мощью.

А что насчет Ближнего Востока? Как бомбардировки Ирана вписываются в «доктрину Трампа»? С одной стороны, это вполне соответствует его стилю — демонстрировать военную мощь США там, где он посчитает нужным по всему миру. Но, с другой стороны, еще в 2016 году, сразу после победы на выборах, Трамп заявлял: «Мы перестанем одержимо свергать иностранные режимы, о которых мы ничего не знаем и в дела которых нам не следует вмешиваться».

Так что же Соединенные Штаты делают на Ближнем Востоке? В эпоху холодной войны Ближний Восток был ареной американо-советского соперничества. Однако после распада Советского Союза Россию вряд ли стоило считать стратегическим противником в исламском мире. В 1970-е годы США зависели от ближневосточной нефти, но после сланцевой революции 2008–2009 годов, особенно начиная с 2019 года США полностью обеспечивают себя нефтью и природным газом. Ответ — Израиль. Почему Израиль подпадает под «защиту нашей родины»?

Объяснение, как и следовало ожидать, непростое. Оно включает в себя евангелический протестантизм ядра сторонников Трампа, связанный с христианским сионизмом и пророческими верованиями; давние особые военные и разведывательные отношения Америки с Израилем; тесные личные связи американской и израильской элит; а также влияние израильского лобби на политику США. Здесь важно отметить, что если в других аспектах Трамп отказывается от «глобалистской» политики своих предшественников, то в этом вопросе он прямо следует ей. Обязуясь обеспечить выживание Израиля, США делают для него то, что они не готовы впредь делать для своих союзников по НАТО. Тот факт, что это неизбежно вовлечет США в «свержение иностранных режимов, о которых мы ничего не знаем и в дела которых нам не следует вмешиваться», представляет собой центральное противоречие «доктрины Трампа».

Что же дальше? Стандартный аргумент сводится к тому, что глобальный порядок, основанный на правилах, в идеале предполагает наличие мирового правительства. Однако в мире национальных государств, каждое из которых настаивает на собственном суверенитете, это недостижимо. Послевоенные институты, такие как Совет Безопасности ООН, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, задумывались как квазигосударственные структуры, способные

*Обязуясь обеспечить
выживание Израиля,
США делают то,
что не готовы делать
для своих союзников
по НАТО*

принуждать своих членов к соблюдению правил. Но реальными механизмами принуждения они не обладали — особенно когда речь шла о «крупных зверях в джунглях».

В результате на практике обязанность обеспечивать достаточное сочетание «кнутов и пряников», чтобы государства следовали правилам, легла на ведущую сверхдержаву. При этом, помимо того что лидер сохранял за собой право нарушать правила, когда ему это было выгодно, сама подобная конструкция содержала внутреннее противоречие: со временем поддержание такого порядка неизбежно истощает ресурсы

Первостепенная задача нашего времени — выйти за рамки нарратива, который ставит мир под угрозу уничтожения

лидера, необходимые для сохранения этой системы. Тем самым система обречена на распад — с погружением в хаос и, скорее всего, в войну — до тех пор, пока не появится новый мировой лидер. Первосте-

пенная задача нашего времени — выйти за рамки нарратива, который ставит мир под угрозу уничтожения. Нам следует всерьез задуматься о том, как работа по созданию, обеспечению и соблюдению международных правил может быть передана от угасающего гегемона коалиции ведущих держав. Человечество не раз приближалось к такому идеалу, но лишь для того, чтобы снова скатиться к войне. Отчасти это происходит из-за «доктрины Канта»: вечный мир предполагает всеобщее республиканское правление. Однако стремление к этому идеалу оборачивается своей противоположностью — бесконечными войнами, которые подпитываются моральным пылом и оправдываются необходимостью смены режимов во имя того же вечного мира.

История, однако, показывает, к относительно устойчивому миру ведут разные пути. В годы холодной войны США и Советский Союз выработали правила сосуществования. В Европе система баланса сил на протяжении большей части XIX века действовала почти без сбоев, а «Европейский концерт» поддерживался активной дипломатией. Сегодня эти механизмы поддержания мира пришли в упадок.

В своем рождественском послании Папа Лев XIV призвал стороны, вовлеченные в конфликты на Ближнем Востоке и в других регионах, «найти в себе мужество для диалога, мира и примирения ради общего блага». Как минимум, это означает восстановление заблокированных дипломатических каналов. Чтобы вести подлинный диалог с «другим», лидерам необходимо перестать мыслить в парадигме, где информация нужна лишь для наведения ударов с беспилотников. Они должны изучать новые языки и историю, посещать новые территории и страны и уважать обычаи тех, кого сегодня считают противниками. Именно такую перспективу открывает отступление от гегемонии. Альтернатива слишком туманна, чтобы даже задумываться о ней.

Пер. с англ. Н. Корченковой

Серия переговоров между США и Россией по вопросу об Украине так ни к чему и не привела. Что будет дальше? Будет ли Трамп продолжать обхаживать Путина? Как далеко может зайти Россия в своих аппетитах? Сможет ли Европа преодолеть кризис безопасности? На эти и другие вопросы в большом интервью Republic ответила политолог, старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, адъюнкт-профессор Университета Джорджтауна Мария Снеговая.

Как Америка будет дальше обходиться с Россией?*

Мария Снеговая

Егор Сеньчин: Трамп целый год обхаживал Кремль, любезничал с Путиным, давил и продолжает давить на Зеленского, возник даже такой термин «дух Анкориджа», также продолжают проводиться переговоры, например, в Абу-Даби. Одним словом, за последний год стратегия США в отношении России изменилась. Как вы оцениваете ее результаты? Если они, конечно, есть.

Мария Снеговая: Происходит возвращение к эпохе соперничества великих держав. Выстраивание внешней политики происходит не на основе нормативных правил, а результаты достигаются с помощью кнута и пряника. Трамп все время подчеркивает, что для него все моральные вопросы вторичны. И премьер-министр Канады Марк Карни в Давосе недавно хорошо суммировал все эти тренды.

Что касается России, то мы видим продолжение тенденций, которые отчасти проявились еще в первый срок Трампа. Это не первая его неудачная попытка договориться с Путиным. Подчеркну, что это не ноу-хау Трампа, все администрации США за последние 20 лет старались перезагрузить отношения с Россией. Даже администрация Байдена в 2021 году пыталась «припарковать» Россию — то есть нормализовать, как-то снизить эскалацию в отношениях.

* В Белом доме Россию сбросили со счетов. <https://republicmag.io/>. 17 февраля 2026.

Однако Путин каждый раз не позволяет этого сделать, что ярко проявляется на фоне провала попыток мирных переговоров. На текущий момент происходит уже, кажется, седьмая за год попытка США перезапустить мирные переговоры между Украиной и Россией. Но поскольку участники этих переговоров совершенно по-разному понимают свои интересы и цели, а Россия по-прежнему настроена агрессивно, то ничего не получается.

И в итоге США при Трампе вынуждены, даже сами того не желая, переходить к более жесткому курсу в отношении России. Уже в середине 2025 года Трамп стал говорить о том, что Путин, похоже, пытается водить его за нос вместо того, чтобы всерьез договариваться. После этого он стал ужесточать политику. Ввел высокие тарифы на индийские товары

Трамп выступает резким триггером многих процессов, которые существовали еще до его второго прихода к власти

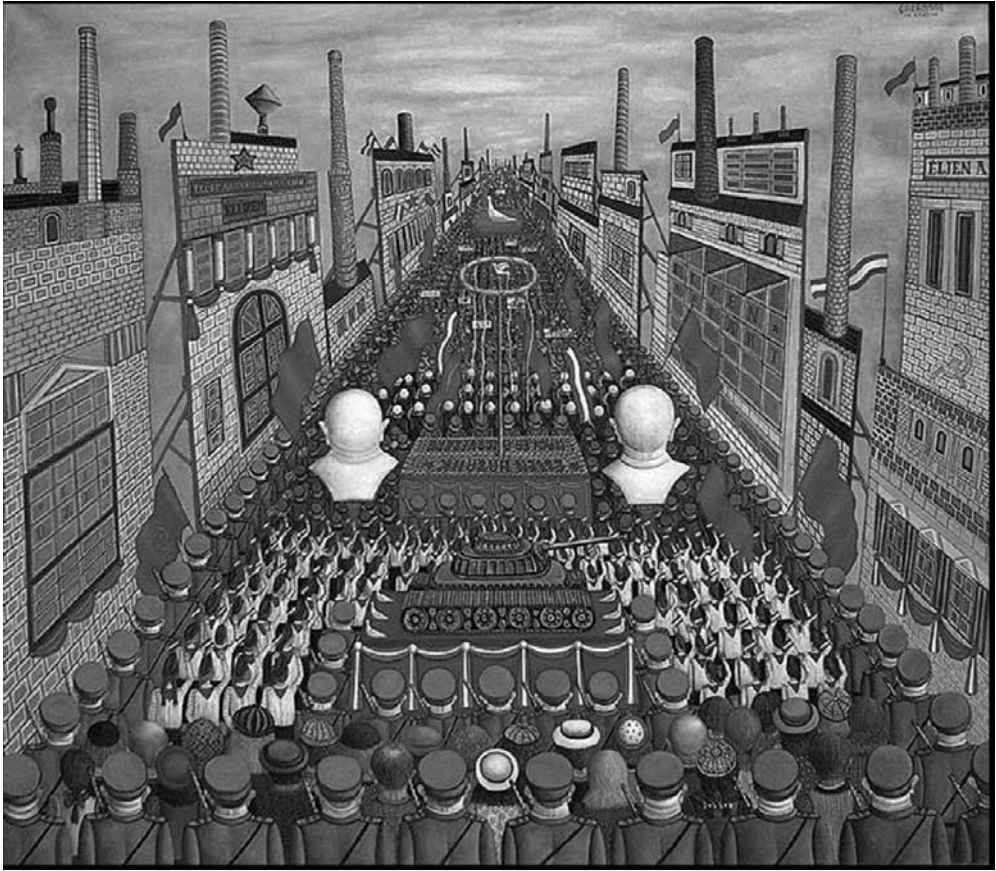
за покупку российской нефти (сейчас они снимаются на фоне резкого сокращения Индией закупок российской нефти). Затем Трамп ввел серьезные санкции против «Роснефти» и «Лукойла», что привело к падению доходов российского бюджета.

То есть началось за здравие, а продолжаем примерно там же, где и предыдущая администрация, но в ситуации, которая оказалась гораздо более болезненной для Украины (на фоне сокращения объемов поставок оружия со стороны США). Динамика в этом плане очень напоминает первый срок Трампа, когда войны не было, но попытки перезагрузить отношения с Россией со стороны Трампа в итоге все равно закончились неудачей и поставками джавелинов в Украину.

Я не вижу больших возможностей этот тренд изменить, поскольку Трамп и Путин принципиально по-разному видят свои цели и задачи. Для Путина это война идеологическая и реваншистская. А для Трампа — попытка коммерциализированного подхода: всем дать по кусочку территории, которую они хотят иметь, «всем сестрам по серьгам». И тогда все помирятся. Но, к сожалению, в данном случае так не работает.

В более общем плане Трамп выступает резким триггером многих процессов, которые существовали еще до его второго прихода к власти. И эти процессы, во-первых, включают в себя постепенный уход США из Европы, смену фокуса на Тихоокеанский регион. Это предполагалось сделать еще со времен Обамы. Но агрессивная политика Путина в Европе этому постоянно мешала. Во второй срок Трампа этот процесс очевидно пошел быстрее, в том числе из-за резкого обострения ситуации вокруг Тайваня.

Во-вторых, происходит ослабление либеральных институтов. Число мировых конфликтов растет, а роль ООН при этом становится все менее значимой. Это часть общей тенденции, при которой существующие международные институты, к сожалению, больше не выполняют

Тамаш Галамбош (Tamás Galambos). Эй, наше знамя... 1974

свои функции. И отчасти текущая позиция США усиливает этот тренд. Трамп пытается создать собственную площадку — Совет мира — как альтернативу Совету Безопасности ООН.

Трамп также отказывается от бремени ответственности за мировой порядок, которое долгое время несли на себе Штаты. Например, Европа теперь сама должна отвечать за свою безопасность. Хотя у США сохраняется материальное превосходство по тратам на оборону в мире, но нормативно-институциональное лидерство явно утрачивается. Кроме того, с конца 2000-х годов, особенно после кризиса 2008 года, начался устойчивый сдвиг относительного баланса сил в пользу Китая.

И, увы, результатом этого будет рост неопределенности, рост конкуренции великих держав (о чем говорил Карни), многополярный мир, который обычно отличается нестабильностью, уход США от нормативного лидерства в мире и опора на силовые методы решения проблем. Поэтому, скорее всего, то, что мы наблюдаем, — это долгосрочные процессы. Трамп — всего лишь триггер.

Е. С.: Трамп известен тем, что разбрасывается противоречивыми и эпатажными заявлениями. Но вот в прошлом году была принята Стратегия нацбезопасности США. А затем в январе уже этого года появилась Стратегия национальной обороны. То есть вряд ли действия Трампа хаотичны. Есть стратегия — и видно, что политика Трампа с ней согласуется, что бы он там ни говорил. Какие у вас соображения по этому поводу?

М. С.: Сегодня в США популярна поговорка: принимайте Трампа всерьез, но не буквально. Очевидно, многое из того, что он говорит, нужно пропускать через определенный фильтр. Но, безусловно, в его действиях прослеживается четкая линия.

Прежде всего, это — популистская внешняя политика как реакция на глобализацию. В предыдущие десятилетия утвердилась установка, возникшая еще в конце 1970-х годов и окончательно восторжествовавшая после распада Советского Союза. Считалось, что за счет взаимной торговли можно будет втягивать страны в либерально-демократическую орбиту и что в итоге все выиграют. Однако на практике все совсем иначе.

Оказалось, что глобализация для самих западных стран — это далеко не такое благо, как думали ранее

Во-первых, оказалось, что глобализация для самих западных стран — это далеко не такое благо, как думали ранее. Появились проблемы культурного

плана. Страны не успевают ассимилировать столь большие потоки миграции, внутри них возникают социальные трения и растет поддержка право-популистских политиков, настроенных на закрытие границ.

Во-вторых, выяснилось, что глобализация — это обоюдоострый меч. Да, она повышает доходы. Но только доходы определенных групп — это прежде всего белые воротнички, средний класс и выше, а вот синие воротнички становятся лузерами этого процесса (по мере того, как их рабочие места экспортируются в страны с более низкой стоимостью рабочей силы). И они как раз и стали основной базой поддержки правых популистов.

Кроме того, свобода торговли серьезно подрывает национальную безопасность. Условно говоря, вот вы в США производите ракеты. А компоненты для них производятся в Китае, который является вашим стратегическим противником. С точки зрения национальной безопасности — это риски. Если Китай перестанет продавать вам необходимые для ваших ракет компоненты, то и вы перестанете производить ракеты. Это удар по вашей национальной безопасности.

Сами западные элиты при этом расколоты. Часть (центристы и мейнстримные левые партии) до сих пор ориентируются на предыдущий порядок, основанный на глобализации, а часть — правые популисты — открыто выступают против глобализации, пытаются предложить альтернативу. Их поддержка растет. И Трамп является как бы неким

флагманом переосмысления второй группой элит этой новой реальности. Правда, четкой альтернативы пока не просматривается.

Новые Стратегии национальной безопасности и национальной обороны США — попытки сформулировать эту альтернативу. Но, надо сказать, что она пока не выглядит достаточно последовательной и четкой.

Очевидно, что мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны на Западе, закончился. С середины XX века Европа существовала в условиях ограниченного суверенитета, передав значительную часть ответственности за оборону США. Хотя Соединенные Штаты сами способствовали формированию такого порядка, сегодня, ослабев на фоне нарастающей угрозы со стороны Китая, Белый дом уже не способен эффективно действовать на всех направлениях одновременно. Произошел сдвиг фокуса внимания в сторону Тихоокеанского региона. И этот разворот был задуман и начат вовсе не Трампом.

Как я уже говорила, он лишь стал триггером, однако, увы, это случилось на фоне крупнейшего кризиса безопасности в Европе (именно тогда, когда Европе особенно нужна поддержка).

Также любопытно, что в этих Стратегиях прослеживается усиление внимания к западному полушарию. Это так называемая «доктрина Донро» по аналогии с доктриной Монро (Донро — от имени Дональд). В политике Трампа мы видим элементы этой стратегии: акцент на Гренландию, Венесуэлу и Кубу, контроль над Панамским каналом. США де-факто признают, что больше не способны управлять процессами во всем мире, но при этом стремятся сохранить доминирование на американском континенте. Это перефокусировка с глобальной гегемонии на сферы влияния в собственном регионе.

Основной фокус внешней политики США — сдерживание Китая. Правда, стоит заметить, что в Стратегии национальной обороны достаточно мягко сформулировано про Китай: «Мы будем сдерживать Китай, но мы не собираемся эскалировать ситуацию». В Стратегии национальной безопасности также говорится, мол, мы все время поощряли инвестиции в Китай, ошибочно полагая, что он втянется в наш миропорядок, основанный на правилах, а Китай использовал это в своих интересах.

Но удивительно, что та же логика не применяется в отношении России. Хотя, на мой взгляд, Россия также использовала глобализацию в собственных целях и против Запада. По-видимому, у США все еще сохраняется надежда вовлечь Россию в сферу своих интересов, и отсюда попытки договориться с Путиным. То есть это некий обратный Киссинджер (по аналогии с 1970-ми, когда США сблизилась с Китаем против СССР, — это попытка сближения США с Россией против Китая): «Договоримся с Путиным, как-то по-быстрому уладим ситуацию в Украине и будем вместе с ним выстраивать противовес Китаю». Но я уверена, что

*Мировой порядок,
сложившийся после
Второй мировой войны
на Западе, закончился*

такой подход основан на ошибочной интерпретации политики Путина. Его цели и задачи в этой войне совершенно другие: идейная, реваншистская война не только против Украины, но и против Запада в целом. На этом фоне мы видим резкое укрепление российско-китайского блока

*У США сохраняется
надежда вовлечь Россию
в сферу своих интересов,
отсюда попытки
договориться с Путиным*

с 2022 года. И такая недооценка потенциальных противников очень опасна.

Вообще, Россия в Стратегии национальной обороны Трампа упоминается мало. В то время как при Байдене на России был сделан большой акцент (и в Стратегии национальной обороны Байдена Россия рас-

сматривалась как «острейшая» угроза). Сегодня в Белом доме Россию, по сути, сбросили со счетов. Она наглядно продемонстрировала свою конвенциональную слабость на поле боя и потому больше не воспринимается как серьезная угроза. Это даже иллюстрируется: приводятся графики, показывающие, насколько экономический потенциал стран НАТО без участия США превосходит российский. Отсюда вывод, что Европа должна заниматься этой проблемой самостоятельно, поскольку с экономической точки зрения Россия выглядит несопоставимо слабой.

Но, на мой взгляд, при этом недооцениваются и другие факторы. Сам транзакционистский подход Трампа, заставляющий его рассматривать мир исключительно через призму сделок и выгоды (игнорирующий роль ценностей и идеологии), представляется ошибочным и довольно близоруким. Тем не менее у членов его администрации есть достаточно цельное мировоззрение, которое они стремятся воплотить в последовательной политике. И это четко прослеживается в обоих документах.

Е. С.: *Вы говорите, что экономический потенциал стран НАТО без участия США превосходит российский. Тем не менее недавно генсек НАТО Марк Рютте заявил в ходе дискуссии с евродепутатами: «И если кто-то здесь снова думает, что Европейский союз или Европа в целом может защитить себя без США, продолжайте мечтать. Вы не можете. Мы не можем. Мы нужны друг другу...» В ответ его обвинили в том, что он льстит Трампу. Но что может реально сделать НАТО без США? Например, как поведет себя блок, если вдруг Россия решится вторгнуться в страны Балтии?*

М. С.: Проблема в том, что у США объективно не хватает ресурсов для одновременного противодействия всем угрозам. Аналитики Пентагона неоднократно указывали на уязвимость американских позиций на Тихоокеанском направлении, что напрямую отражает дефицит ресурсов. Россия, по отдельным оценкам, производит в три раза больше артиллерийских боеприпасов, чем страны НАТО вместе взятые. Хотя Россия и Китай уступают Западу в качестве вооружений, по объему средств, необходимых для ведения затяжной войны, они его превосходят — и именно в этом заключается ключевая проблема.

В случае длительного конфликта США объективно не хватит ресурсов для ведения войны на двух фронтах. При этом по ряду типов вооружений Китай уже приблизился к США. Это пока только формирующийся, но неприятный для Вашингтона тренд, с вызовом такого масштаба США не сталкивались со времен холодной войны.

Что мы увидели за последний год? С одной стороны, США, к сожалению, снизили поставки вооружений в Украину. Не хватает систем ПВО, включая комплексы Patriot, и целого ряда других вооружений. С другой, США не ушли из Украины и продолжили поставлять разведданные, очень важные для Украины, и продавать оружие через Европу. То есть поддержка продолжается, просто она не такая активная, как была. Отчасти это связано с политикой Трампа, отчасти — с объективными ограничениями американского ВПК.

Но несмотря на то, что сегодня Украине, безусловно, очень тяжело, особенно в связи с чудовищными обстрелами Россией ее энергетической инфраструктуры, дорожная карта движения вперед понятна. Даже при ограниченной поддержке США, но с продолжающейся поддержкой Европы Россия уже не сможет полностью оккупировать Украину и выиграть эту войну. То есть уже примерно ясно, каким образом будет дальше развиваться трек. Конечно, он болезненный. Но хорошая новость в том, что даже при этом плохом для Украины сценарии она выживет.

В более общем плане, на фоне растущего дистанцирования США от Европы будет продолжаться тренд на фрагментированную многополярность и отстаивание национальных интересов, введение тарифов и усиление санкций. По оценкам аналитиков, на конец 2024 года совокупный теневой флот нефтяных танкеров в мире составлял 17%. И это не только Россия, но и Венесуэла, и Иран, а теперь еще и Китай. Будет происходить активизация роли так называемых средних держав: Турции, Индии, стран Персидского залива, к которым Трамп активно апеллирует.

На фоне ослабления международных институтов будут возникать и усиливаться военно-политические блоки. Мы уже видим, например, формирование «оси нестабильности», или CRINK (Китай, Россия, Иран, Северная Корея). Взаимодействие Китая и России укрепляется не только в экономическом плане, но и в плане безопасности. Китай, например, активно заимствует у России дроновые технологии и другой опыт.

Поэтому, с одной стороны, ситуация не очень благоприятная. С другой стороны, Европа постепенно мобилизуется, что в долгосрочной перспективе ведет к усилению европейской безопасности. Мы видим,

*В случае длительного
конфликта США
объективно не хватит
ресурсов для ведения
войны на двух фронтах*

---

*Хорошая новость в том,
что даже при этом
плохом для Украины
сценарии она выживет*

что страны Евросоюза понимают, что отдавать свою безопасность на аутсорсинг США больше нельзя. Просто все эти процессы, к сожалению, происходят медленно.

Так что, я думаю, НАТО не только сохранится, но в будущем и выиграет, найдет новую экономическую модель, при которой сможет развивать свою индустриальную базу и инвестировать в производство оружия. Возможно, восстановление индустриальной базы под ВПК отчасти решит проблему недовольных синих воротничков, которые сейчас часто поддерживают правых популистов.

Что произойдет, если Россия попытается атаковать балтийские страны, спрашиваете вы. Это вряд ли случится в ближайшие месяцы. Просто потому, что у России сегодня мало сил. На текущем этапе она с большим трудом и очень медленно продвигается даже в Украине. Так что начинать

*Путин может просчитаться
и непреднамеренно
спровоцировать
полномасштабную войну
против Европы*

конвенциональную войну с НАТО потенциально опасно. Гибридная операция, скорее всего, будет возможна, когда будет достигнуто какое-то перемирие по Украине. Россия сможет перегруппироваться и нарастить силы. Особенно если одновременно США

будут отвлечены на тихоокеанском направлении в случае атаки Китая на Тайвань. И вот тогда у Европы могут возникнуть большие проблемы.

Особая опасность заключается в том, что Путин может просчитаться и непреднамеренно спровоцировать полномасштабную войну против Европы. Февраль 2022 года показал, что он не получает адекватной информации о происходящем в мире — в частности, о реальном уровне поддержки России внутри Украины. Внутри самой России нет сдержек его действий ни со стороны общества, ни со стороны элит. Более того, ситуация усугубляется по мере того, как Путин окружает себя все более узким кругом лояльных советников, стремящихся угодить ему, а не донести правдивую информацию.

Остается надеяться, что у Европы будет достаточно времени, чтобы нарастить свои военные возможности до того, как такой сценарий реализуется. Увы, у России много вооружения, хоть и не самого лучшего. А также у нее армия в 700 тысяч человек. И это гораздо больше того, что есть у Европы. И опасность состоит в том, что если будет какой-то затяжной конфликт, то Европа в самом начале израсходует высококачественное высокоточное оружие, а дальше Россия, которую, как мы видим, мало заботят человеческие потери, будет иметь преимущество. Также Россия, разумеется, будет угрожать ядерной эскалацией, желая сдерживать более активное сопротивление Европы.

Е. С.: У вас есть концепция, что холодная война продолжается, и в Белом доме должны понимать, что имеют дело практически с тем же самым

политическим классом, что был в СССР. Как теперь быть в свете текущей политики Трампа?

М. С.: Хотя Трамп и Путин примерно одного возраста, они живут в принципиально разных мирах. Трамп мыслит категориями сделок: давайте помиримся, будем торговать и становиться богаче. Судя по всему, у него есть определенные контакты с представителями российских элит, и новые материалы по делу Эпштейна позволяют узнать об этом больше. Отсюда и его убежденность в том, что с этими людьми всегда можно договориться. Не случайно тот же Стив Уиткофф, ранее занимавшийся сделками с недвижимостью в окружении Трампа, сегодня участвует в переговорах с Кремлем по Украине.

Но, увы, Кремль видит мир совершенно иначе. Все потому, что во многом у руля в постсоветской России удержались представители советских элит (номенклатуры второго и третьего звена). И эти люди сформированы определенной системой ценностей и мировоззрением. Под конец Советского Союза мало кто из них серьезно верил в марксизм. Но зато они сохранили веру в то, что Запад — враг. А главное в этом мире — это военная сила, особенно, в политике. Разговоры о ценностях, о том, что страны могут просто мирно жить и торговать между собой, для них просто разводка. В реальности же мир опасен и жесток, побеждает сильный. А Россия — великая держава с «особым путем». Условием ее величия является влияние на соседние страны и контроль над их внешней политикой. Кроме того, Россия, с этой точки зрения, должна обладать правом вето по ключевым вопросам европейской безопасности.

Для этих групп в Кремле крушение СССР стало совершенно чудовищной катастрофой. Хотя оно и произошло в результате случайных ошибок Горбачева, а не целенаправленно. То есть это такая «демократия по ошибке» (концепт Д. Трейсмана). Но в глазах кремлевских старцев все было совершенно не так. С их точки зрения, Запад воспользовался слабостью России и отобрал у нее лакомые куски ее законных сфер влияния в Европе. И, самое страшное, даже стал покушаться на святое — на Украину!

Но за 30 лет после краха СССР Россия смогла нарастить жирок, вернула часть своей прежней силы в результате благоприятной нефтяной конъюнктуры и в итоге захотела отобрать часть того, что, с точки зрения Кремля, ей принадлежит по праву. И именно так надо понимать ситуацию в Украине. Это не война, где контроль и управление конкретной территорией являются ключевыми факторами. Эта война, например, совершенно не похожа на конфликт Израиля и Газы. Когда Трамп видит

*Россия ведет идеологическую
и реваншистскую войну.
И Кремлю не так важно,
сколько территории
Украины он заберет*

Ласло Лакнер (László Lakner). Типография мануфактурного типа. 1960

в этих конфликтах схожий характер, он ошибается. Россия ведет идеологическую и реваншистскую войну. И Кремлю не так важно, сколько территории Украины он заберет. Ему принципиально важно, чтобы ближайшие к нему страны, находящиеся в сфере его влияния, не могли самостоятельно решать, в какие международные альянсы им вступать и не обладали полным суверенитетом в своей внешней политике. А если попытаются — то будут жестко наказаны, как Украина.

Более того, Кремль еще и требует ревизии всей европейской системы безопасности, как она сложилась после холодной войны. Как мы помим, перед атакой Украины в 2022 году Кремль выдвигал требования, чтобы НАТО вернулось на границы 1997 года и все в таком духе. И все это не началось с Путина, а идет еще со времен Ельцина. В Кремле твердо уверены, что у них Запад забрал то, что принадлежит им по праву. И поэтому они не остановятся, пока либо не получат то, что хотят, либо пока у них не закончатся ресурсы. И политика Запада должна быть направлена на то, чтобы Кремль растратил как можно быстрее свои ресурсы.

Также надо добавить, что исторически так сложилось, что именно в Украине веками сталкивались западное и российское влияние. Поэтому

закономерно, что этот цивилизационный разлом, или *fault line*, прошел именно по Украине. Ее уникальное местоположение и история, увы, сделали ее территорией «столкновения цивилизаций».

Поэтому мы действительно во многом вернулись в контекст холодной войны, только более напряженный. При этом с ослабленной, но и одновременно более агрессивной Россией. И, увы, такая война может вестись очень долго. Еще раз повторюсь: для Кремля она идейная, идеологическая. Все сложнее, чем просто отобрать еще один кусок территории.

Е. С.: *Но ведь Трамп — это не навсегда. Ему остается еще три года у руля Америки. Как вы оцениваете потенциал трампизма после ухода Трампа?*

М. С.: Это важный вопрос, потому что эти правопопулистские течения относительно новые. Они недостаточно долго были у власти, и мы плохо понимаем, что будет после них. Они пытаются предложить альтернативу существующему мировому порядку, но эта альтернатива пока выглядит слабо проработанной и малоустойчивой. Например, тарифная война с Китаем, которую начал Трамп. Понятно, почему начал. Но, по сути, проиграл и в итоге вынужден был отступить назад. Сильнейшая инерция институтов, оставшихся от предыдущей версии миропорядка, препятствует изменениям. В итоге Трамп отступает: замах большой, а особого результата пока нет.

*Мы во многом вернулись
в контекст холодной войны,
только более напряженный*

Однако, как я уже говорила, Трамп не задает процессы, а, прежде всего, триггерит те, которые намечались еще до него. Принципиальным трендом даже после Трампа останется перефокусировка США на Тихоокеанское направление — это безусловно.

А что касается транзакционализма и ухода от нормативной роли США в мире, то тут сложнее ответить. Глобальная роль США в мире в вильсоновском понимании (как распространителя универсальных ценностей и норм — демократии, прав человека, верховенства права) насчитывает уже порядка ста лет. И трудно себе представить, что она закончится вместе с Трампом.

При этом очевидно, что Трамп — не причина, а результат более глубоких проблем и раскола в американском обществе. Эти проблемы, как и присутствие движения *MAGA* внутри Республиканской партии, сохранятся независимо от того, кто находится у власти. Поэтому определенный изоляционистский курс будет продолжаться. Однако, скорее всего, специфические черты трамповского стиля будут скорректированы при следующей администрации, поскольку его внешняя политика остается непопулярной среди американцев. Рейтинги Трампа снижаются, особенно среди независимых избирателей. Так, американский электорат в целом поддерживает Украину и не поддерживает попытки переагрукки

отношений с Россией. В то же время многое будет зависеть от того, как завершится второй срок Трампа. С начала его второго срока прошел всего один год!

Наконец, за войной в Украине и действиями Запада крайне внимательно наблюдает Китай: есть убедительные свидетельства того, что Пекин детально изучает российский опыт противостояния санкциям и стремится заимствовать военные инновации. И от того, как завершится этот конфликт, во многом будет зависеть его поведение в отношении Тайваня. Нерешительность Запада и недостаточная помощь Украине — прежде всего, со стороны США — могут подтолкнуть Пекин к попытке аннексии Тайваня. И это еще одна серьезная опасность, связанная с текущим курсом администрации Трампа.

Е. С.: Говоря о политическом наследии Трампа, также стоит вспомнить и про создание новой структуры — Совета мира, который вы уже упомянули. Предполагается направить деятельность этой организации на решение глобальных конфликтов, включая украинский. С одной стороны, это вроде бы противоречит американскому изоляционизму Трампа и снова ставит США во главу мировых политических процессов в качестве некоего надсмотрщика. Хотя с другой — удовлетворяет амбиции Трампа и приближает

Специфические черты трамповского стиля будут скорректированы при следующей администрации

его к заветной мечте — Нобелевской премии. Будет ли толк от этого Совета мира? Кстати, также хочу заметить, что недавно генсек ООН Антониу Гутерриш заявил, что ООН грозит «неминуемый финансовый крах».

М. С.: Мы наблюдаем не просто кризис ООН, а вообще всего мирового порядка, возникшего после Второй мировой войны. И, увы, когда система международного миропорядка перестает функционировать, часто случаются масштабные войны, которые приводят к ее ревизии. Хотя мы пока явно не на том этапе, война России против Украины может послужить началом такой мощной ревизии мирового порядка, что приведет в том числе и к появлению новой структуры, альтернативной ООН.

ООН — важная площадка просто потому, что это хоть какое-то место, где самые разные страны встречаются и разговаривают друг с другом. Однако ее способность предотвращать мировые конфликты всегда была слабой в силу структуры. В Совет Безопасности ООН входят страны с принципиально разным видением мира. Китай и СССР (а затем Россия) всю историю существования ООН регулярно блокировали содержательные инициативы западных стран, что препятствовало эффективному функционированию этой организации.

ООН — важная площадка просто потому, что это хоть какое-то место, где самые разные страны встречаются и разговаривают друг с другом. Однако ее способность предотвращать мировые конфликты всегда была слабой в силу структуры. В Совет Безопасности ООН входят страны с принципиально разным видением мира. Китай и СССР (а затем Россия) всю историю существования ООН регулярно блокировали содержательные инициативы западных стран, что препятствовало эффективному функционированию этой организации.

Но что касается Совета мира, инициированного Трампом, то его шансы стать реальной альтернативой ООН мне видятся невысокими.

Мало кто относится к этой инициативе всерьез. Трамп также не обладает необходимым авторитетом и легитимностью на мировой сцене. И не стоит забывать, что есть большое количество желающих, чтобы ООН сохранилось. Естественно, Россия и Китай очень заинтересованы в том, чтобы ООН продолжал блокировать разнообразные инициативы западных стран.

Е. С.: *В свете сказанного, какой должна быть дальней политика Европы в отношении России и российско-украинской войны. Здесь можно упомянуть недавнее заявление премьер-министра Словакии Роберта Фицо: «Когда закончится военный конфликт, все поломают себе ноги, так будут бежать в Россию делать бизнес». Что вы думаете?*

М. С.: Как мы увидели, даже Трамп разочаровывается в договороспособности Путина. В итоге он вводит санкции против России. Но и до того, как они были введены, было понятно, что даже в случае ослабления американских санкций европейские в основном останутся. В Европе кризис безопасности, созданный Россией, очевидно только усугубляется. То есть сейчас самый лучший и маловероятный сценарий для России — это частичное снятие каких-то санкций, но не полная их отмена. Кроме того, санкции со временем приобретают собственную инерцию. Достаточно вспомнить поправку Джексона-Вэника, введенную в 1970-е годы и просуществовавшую до 2012 года. Советского Союза уже два десятилетия как не было, а она продолжала действовать, причем в период, когда Россия находилась в партнерских отношениях с Западом. Это наглядно показывает: санкции ввести относительно легко, а вот отменить их крайне сложно.

При этом надо помнить, что в России чудовищный инвестиционный климат.

После начала войны Путин отобрал кучу активов у западных компаний. Также в России идет масштабная ренационализация. С 2022 года власти РФ конфисковали порядка 50 млрд долларов частных активов.

Скорее всего, исходя из текущей динамики, война закончится каким-то статус-кво, а не разгромом России. И даже если будет какой-то мирный договор с Украиной, то возникнет вопрос репараций. От которых Россия, естественно, будет отказываться.

Все это говорит о том, что любая попытка как-то легализовать торговлю с Россией упрется в огромное количество институциональных препятствий. Максимум слегка улучшится инвестиционный климат. Но не стоит полагать, что ситуация вернется к тому, что было до 2022 года. Плюс, скорее всего, Россия продолжит инвестировать в ВПК, потому что для экономики будет нужен инвестиционный импульс. Напомню, что даже Китай не торопится в Россию активно инвестировать. Товары оттуда идут, но инвестиции — нет.

*Трамп не обладает
необходимым авторитетом
и легитимностью
на мировой сцене*

Здесь можно вспомнить ситуацию с Ираном. Тогда, в середине десятых годов, было заключено соглашение по иранской ядерной программе (JCPOA), и взамен была снята часть санкций. И ситуация чуть-чуть наладилась, какие-то компании пошли работать в Иран, но их было немного. Экономика чуть ожила, но принципиально мало что поменялось. Скорее всего, и Россию ждет подобный сценарий.

Скорее всего, война закончится каким-то статус-кво, а не разгромом России

Вообще всю историю взаимодействия России и Запада в сфере экономики хорошо описал Маршалл Голдман (Petrostate: Putin, Power, and the New Russia). Каждый раз Россия открывается перед западными компаниями, они приходят, приносят свои технологии, строят, производят и развивают, а потом через некоторое время Россия их выкидывает и национализирует их активы, забирая технологии. И все это происходит примерно с интервалом в несколько десятилетий. Мы наблюдаем такой типичный для российской истории цикл. Возможно, что когда-нибудь ситуация снова улучшится, но это не вопрос ближайшего десятилетия.

Е. С.: Каковы ваши ожидания по внутренней политике России? 2026 год, очевидно, будет сложным для российской экономики, людей больше волнует собственное благосостояние, война надоела многим. Могут ли такие настроения отразиться на политике Кремля, в том числе внешней?

М. С.: Как я уже сказала, Кремль начал войну по идеологическим и реваншистским мотивам, решив, что подходящий момент настал, поскольку Запад ослаб, а Россия накопила ресурсы. И это не было связано, например, с попыткой удержать власть или повысить рейтинг.

Существует популярное мнение, что Путину была нужна «маленькая победоносная война» для роста поддержки. Однако анализ данных показывает иную картину: Россия, как правило, прибегает к военной силе тогда, когда располагает необходимыми ресурсами и когда внутренняя ситуация относительно стабильна. Напротив, в периоды ослабления власти и роста общественного недовольства Москва обычно избегает войн с соседними странами. В этом смысле война является производной внутренней стабильности, а не кризиса.

При этом российское общество само по себе оказывает ограниченное влияние на внешнюю политику Кремля: ключевую роль играют другие, более значимые факторы, определяющие его военные авантюры. Россияне редко открыто выражают недовольство внешнеполитическими действиями власти и чаще приспосабливаются к заданной логике: если Кремль начинает очередную войну, значит «так надо», а «мы — люди маленькие».

Пока инерционный сценарий — самый вероятный. Но при этом внутри страны экономическая ситуация ухудшается, и лучше она уже не будет. Пройден пик роста на фоне военного кейнсианства, наступило

похмелье. Если кого-то что-то не будет устраивать, то для них есть машина репрессий и машина пропаганды. Они будут нивелировать недовольство атомизированного общества.

То же самое касается и элит. Российские элиты не способны на переворот. Да, была история с Пригожиным, но случай Пригожина особый, у него был военный ресурс, абсолютно беспрецедентная ситуация. Сегодня в Кремле элиты — это по большей части обслуга Кремля. В дополнение к существенной доли советских элит (или их потомства), которые, как я говорила выше, воспроизводятся в российской системе власти и разделяют многие политические взгляды Путина, Кириенко за последние десять лет воссоздавал механизмы жесткой селекции элит по советскому образцу. Это подбор самых лояльных, самых бесхребетных людей, которые не имеют собственного мнения. Как мы видим, те же Набиуллина и Мишустин активно помогают Путину в его войне. И всех их дополнительно запугивают репрессиями. При этом, конечно, репрессии не сталинские — просто аккумулятивно и постепенно закручиваются гайки. Но это исключает возможность госпереворота. И на данный момент наиболее вероятным сценарием остается то, что Путин покинет власть естественным путем — как это обычно происходило с российскими и советскими руководителями.

На данный момент наиболее вероятным сценарием остается то, что Путин покинет власть естественным путем

Вообще, когда мы говорим про некий переворот элит, то мы предполагаем, что российские элиты как-то похожи на западные. Вот был там король, а у него есть близкие к нему какие-то аристократы, дворяне, которые имеют некую свою самостоятельность и субъектность. В российском же случае это бюрократия, просто исполнители, еще и специально отобранные по принципу наибольшей лояльности. У них никакого своего политического капитала нет, они просто исполняют поручения.

Е. С.: *Как можно описать мировую политику в 2026 году? Мир наконец стал многополярным, пришло время сильных держав и зон их влияния? Или это поломка на магистральном пути политической глобализации?*

М. С.: Представления о магистральном пути политической глобализации, горбачевское «новое мышление» и все прочие подобные идеи, возникшие в 1970–1980-е годы, сегодня кажутся достаточно наивными. И лучшее подтверждение — идущая сегодня война, забравшая уже порядка двух миллионов жизней с обеих сторон, с которой мир ничего не может сделать. Это абсолютно беспрецедентно для Европы со времен Второй мировой войны. И международная система безопасности не справилась с этим вызовом.

Кроме того, мы видим, что Запад преждевременно отвел себе роль победителя в холодной войне. Это, скорее, Советский Союз проиграл в силу чудовищной экономической неэффективности и ошибок

политического руководства под руководством Горбачева. Тогда о какой победе в холодной войне можно говорить, если Запад не может победить Россию даже в Украине, при всей самоотверженности украинского общества? Безусловно, политика Запада усугубила проблемы Советского Союза, что в итоге способствовало его распаду. Но говорить о том, что Запад выиграл, было преждевременно. И мы сегодня по сути являемся свидетелями последствий «головокружения от побед» на Западе.

Что мы видим сегодня? Здесь я обращусь к работе Роберта Кейгана 2008 года *The Return of History and the End of Dreams*. В ней он как

*Россия сейчас делает
все возможное, чтобы
подорвать гегемонию Запада,
продемонстрировать
его слабость*

раз описывает, что для Запада конец холодной войны был таким периодом эйфории, когда сбылись предсказания о торжестве либеральных демократических систем над коммунистической диктатурой. Но для Кремля это выглядело совершенно иначе. Он увидел

в этом демократическом либерализме доминирование однополярного мира, который угрожает его существованию. Аналогично на эти процессы смотрели и в Пекине.

Глобальный финансовый кризис 2008 года стал переломным моментом, выявив уязвимость западной экономической модели и подведя итог этому периоду. Ирония заключалась в том, что страны, наиболее последовательно следовавшие западным рекомендациям (например, Венгрия), пострадали от кризиса сильнее всего: инвестиции из страны ушли практически мгновенно. Поэтому, когда мы слышим заявления Виктора Орбана о Западе, России и Украине, важно помнить, что его страна во многом ощущает себя обманутой.

А России и Китаю 2008 год продемонстрировал то, что все западные идеи оказались далеко не такими эффективными, как про них рассказывали. Идеи Запада утратили для части стран свою привлекательность. И вот тогда и произошел сдвиг с усилением Китая и России, и в конечном итоге завершение периода однополярного мира, который существовал порядка двадцати лет. Стал оформляться многополярный мир — возвращение к традиционной политике силы, доминированию национальных интересов и конкуренции за влияние во внешней политике; этот тренд продолжается и сегодня. Увы, многополярный мир — это очень нестабильная система. По данным *Global Peace Index 2025*, уровень глобальной безопасности снижается уже 13-й год подряд, достигнув минимального значения со времен Второй мировой войны: в мире насчитывается 59 активных конфликтов.

Субодх Гупта (Subodh Gupta). Контрольная линия. 2008

При этом Россия сейчас делает все возможное, чтобы подорвать гегемонию Запада, продемонстрировать его слабость. И куда мы сегодня идем, в какую новую систему, пока сказать сложно. Есть западный альянс. Но сейчас он ослаблен. Есть формирующийся альтернативный альянс, уже упоминавшаяся «ось нестабильности»: Китай, Россия и примкнувшие к ним Северная Корея и Иран. Хотя связи между этими странами пока еще слабые, неоформившиеся, это неслучайный тренд.

Мы наблюдаем некую фундаментальную ревизию международной системы безопасности с конца Второй мировой войны. И, скорее всего, этот период будет долгим, нестабильным, неприятным. Будем надеяться, что новая альтернатива, когда она оформится, будет не хуже того периода, который мы наблюдали во второй половине XX века. Тот ушедший период был беспрецедентно мирным в истории человечества.

В 1950 году британский математик и логик Алан Тьюринг завершил свою знаменитую статью «Вычислительные машины и разум» словами, которые и сегодня звучат удивительно актуально: «Мы можем заглядывать вперед лишь на очень небольшое расстояние, но уже сейчас очевидно, что нам предстоит еще очень многое сделать». Это было написано задолго до появления современных компьютерных технологий, интернета и нейросетей. Однако именно эти слова выражают внутреннее состояние человечества перед вызовами, которые ставит искусственный интеллект: мы понимаем, что впереди огромные перемены, но до конца еще не осознаем их масштаб и последствия.

Зелимхан Яхиханов,
выпускник Школы
гражданского просвещения
2009 года

Испытание интеллектом

Способен ли алгоритм способствовать утверждению принципов справедливости в условиях человеческих противоречий?

Человек — единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть.

Альбер Камю. *Бунтующий человек*. 1951

Разговор об искусственном интеллекте часто начинается с обсуждения технологий — алгоритмов, архитектуры нейронных сетей и растущей вычислительной мощности современных систем. Но гораздо более серьезный вопрос лежит в другой плоскости. Он касается не столько самой машины, сколько человека. Искусственный интеллект все чаще описывают как силу, способную изменить мир. Однако решающим остается другое: станет ли он инструментом добра или источником новых форм несправедливости? Ответ на этот вопрос кроется не в машине, а в человеке.

Сам по себе искусственный интеллект не рождается добрым или злым. Он лишен совести, страха, зависти, милосердия или ответственности. Все это появляется благодаря человеку — целям, которые он ставит перед системой, правилам, которыми он ее ограничивает, ценностям общества, в котором эта технология развивается. Именно поэтому разговор об ИИ неизбежно превращается в разговор о нравственном состоянии самого человечества.

Эту мысль еще в середине XX века сформулировал основатель кибернетики Норберт Винер. В статье «Некоторые моральные и технические последствия автоматизации», опубликованной в журнале Science в 1960 году, он писал: «Мы должны быть абсолютно уверены, что цель, которую мы закладываем в машину, действительно является той целью, к которой мы стремимся». Предупреждение Винера звучит сегодня особенно актуально. Машина может действовать быстро, точно и последовательно. Но если цель, заложенная в ее основе, окажется несправедливой или разрушительной, точность лишь усугубит последствия ошибки.

Для верующего человека разговор о будущем технологий невозможно отделить от более широкой картины мира. Любое открытие, любое знание и любая возможность, которую получает человечество, существует не само по себе. Все они вписаны в порядок мира. Искусственный интеллект, как и многие другие достижения человеческой мысли, можно рассматривать как одну из возможностей, которые Бог открыл человеку. Но возможность сама по себе не гарантирует результата. Она лишь ставит человека перед выбором.

В Коране сказано: «Воистину, Аллах не изменит положение людей, пока они не изменят самих себя» (сура Ар-Ра'д, 13:11). Эта мысль удивительно точно ложится и на разговор об искусственном интеллекте. Никакая технология сама по себе не сделает человека лучше. Она может лишь усилить те качества, которые уже присутствуют в человеческом обществе. История технологий подтверждает это с беспощадной ясностью. Порох изменил способы ведения войны. Атомная энергия дала человечеству и разрушительные бомбы, и мощные источники энергии. Интернет открыл доступ к знаниям, но одновременно стал пространством манипуляций и информационных войн.

Искусственный интеллект не станет исключением. Однако в отличие от многих предыдущих технологий он способен влиять не только на материальную сторону жизни, но и на сферу мышления, решений и моральных ориентиров. Уже сегодня ИИ используется в медицине, науке, образовании, управлении и экономике. По данным отчета «Индекс искусственного интеллекта — 2024», подготовленного Стэнфордским институтом человеко-ориентированного искусственного интеллекта (HAI), около 78% организаций сообщили об использовании ИИ в своей деятельности, тогда как годом ранее этот показатель составлял примерно 55%. Это означает, что технология перестает быть лишь далекой перспективой и становится реальностью, стремительно входящей в повседневную жизнь.

Разговор об ИИ неизбежно превращается в разговор о нравственном состоянии самого человечества

Интернет открыл доступ к знаниям, но одновременно стал пространством манипуляций и информационных войн

Одновременно растет и понимание того, что ИИ может усиливать способности человека. Экономисты Эрик Бриньольфссон, Даниэль Ли и Линдси Рэймонд в исследовании «Генеративный искусственный интеллект на рабочем месте», опубликованном в *The Quarterly Journal of Economics*, показали, что использование ИИ-ассистента увеличило производительность сотрудников колл-центров примерно на 15% в среднем. Особенно заметным эффект оказался для менее опытных работников. Это означает, что искусственный интеллект способен не только ускорять процессы, но и помогать людям быстрее решать сложные задачи.

*Может ли внешний разум –
пусть даже созданный
человеком – помочь людям
увидеть совершенную ими
несправедливость?*

Но даже здесь возникает важный вопрос: может ли внешний разум — пусть даже созданный человеком — помочь людям увидеть совершенную ими несправедливость? Теоретически это возможно. Искусственный интеллект способен анализировать огромные объемы

информации, выявлять закономерности и показывать последствия решений, которые человеку трудно просчитать. В этом смысле он может стать своеобразным зеркалом общества.

Однако зеркало не меняет лицо. Оно лишь показывает его таким, каким оно является на самом деле. Человек может прослушать убедительную проповедь, согласиться с каждым словом и при этом продолжать жить так, будто ничего не было. С искусственным интеллектом возможно нечто подобное. Он может указать на несправедливость, предложить более разумные решения, показать последствия человеческих ошибок. Одни люди задумаются и постараются измениться. Другие останутся прежними.

Именно поэтому надежда на то, что ИИ полностью исправит человеческую природу, выглядит наивной. В человеческом обществе всегда будут существовать люди, стремящиеся к добру, и люди, сознательно выбирающие зло. Тем не менее это не означает, что стремление к лучшему бессмысленно.

Человеческая цивилизация во многом строилась на идеях, которые сначала казались утопическими. Образование, права человека, научное знание и социальный прогресс тоже когда-то казались многим недостижимой мечтой. Поэтому естественно надеяться, что искусственный интеллект станет инструментом, который поможет человечеству сделать следующий шаг вперед. Но вместе с надеждой возникает и необходимость обсуждения границ.

Есть решения, которые, вероятно, нельзя полностью передать машине: вопросы суда, ведения войн, политики, воспитания детей. Даже самая совершенная система не может снять с человека моральную ответственность за судьбу общества. Об этом говорил и выдающийся физик Стивен Хокинг. На церемонии открытия Центра будущего интеллекта в

Кембридже в 2016 году он заметил: «Успех в создании искусственного интеллекта может стать величайшим событием в истории нашей цивилизации. Но он может оказаться и последним». В этих словах нет дешевого алармизма. В них есть понимание масштаба.

Разговор об ИИ неизбежно приводит и к вопросам этики. В 2021 году ЮНЕСКО — специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры — приняла первую глобальную «Рекомендацию по этике искусственного интеллекта», одобренную государствами-членами ЮНЕСКО. В центре документа — защита человеческого достоинства, справедливость, прозрачность алгоритмов и необходимость человеческого контроля над ключевыми решениями.

Но даже самые продуманные правила не способны решить все автоматически. Искусственный интеллект будет развиваться в мире, где уже существуют политические интересы, экономические конфликты и различия между странами. Уже сегодня можно увидеть, как доступ

к передовым технологиям регулируется не только научными, но и политическими соображениями. Это напоминает о простой истине: технологии сами по себе не делают мир справедливее. Справедливость зависит от того, как люди используют возможности, которые получают.

Эту мысль хорошо выразил писатель, популяризатор науки Айзек Азимов: «Самая печальная особенность нашего времени заключается в том, что наука накапливает знания быстрее, чем общество накапливает мудрость». Искусственный интеллект способен еще больше ускорить развитие научного знания, но вопрос мудрости остается открытым.

Поэтому главный вызов будущего звучит довольно просто: сможет ли человек стать нравственно взрослее той силы, которую он сам создаст? Если да — искусственный интеллект станет одним из инструментов развития цивилизации. Если нет — проблема не в искусственном интеллекте. Она, как и прежде, в человеке.

*Даже самая совершенная
система не может снять
с человека моральную
ответственность за судьбу
общества*

Источники

Wiener N. Some Moral and Technical Consequences of Automation // Science. 1960. Vol. 131. No. 3410.

Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. P. 433–460.

Hawking S. Speech at the opening of the Leverhulme Centre for the Future of Intelligence. University of Cambridge. 2016.

Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI). Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford University.

Brynjolfsson E., Li D., Raymond L. Generative AI at work // The Quarterly Journal of Economics. 2025. Vol. 140. Issue 2. P. 889–942.

UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021.

Коран. Сура Ар-Ра'д (13:11).

Вот вам телеграмма!*

Андрей Колесников,
обозреватель «Новой
газеты»

Старый анекдот. Приходит телеграмма: «Начинай беспокоиться. Подробности письмом». 42-летний сотрудник посольства США в Москве Джордж Кеннан соединил в своем знаменитом тексте, надиктованном в лежачем положении (так ему лучше думалось) и затем переданном 22 февраля 1946 года из шифровальной комнаты на Моховой улице в Госдеп, телеграмму и письмо.

Вроде бы всего лишь ситуативный анализ, стимулом для которого стало выступление Сталина в Большом театре 9 февраля, где тиран обозначил самодостаточность Советского Союза, неожиданно оказался долгосрочным прогнозом. Настолько долгосрочным, что основные тезисы «длинной телеграммы» заново обрели актуальность еще до спецоперации, не говоря уже о последних четырех годах.

Текст Кеннана был отправлен незадолго до Фултонской речи Черчилля, от которой принято отсчитывать начало холодной войны, и ответов Сталина газете «Правда» (союзники хотят «заменить господство гитлеров господством черчиллей»). То есть вовремя — его читали все, от министра военно-морских сил США Джеймса Форрестала до президента Гарри Трумэна. От «длинной телеграммы» отсчитывают начало реализации доктрины сдерживания, хотя это понятие было сформулировано Кеннаном в июле 1947 года в статье «Истоки советского поведения» для *Foreign Affairs* за подписью X.

Эту концепцию каждый американский президент трактовал на свой лад. Включая Трампа, который заявляет, что Гренландия ему нужна для «сдерживания» Китая и России. Последующие работы Кеннана показали, что он сам очень осторожно использовал собственную концепцию, настаивая на

* <https://novayagazeta.ru/articles/2026/02/21/vot-vam-telegramma>

рациональности во внешнеполитических шагах. Но в то же время разделял понятия containment — «сдерживание» и appeasement — «умиротворение»: сдерживание — это не умиротворение.

Сдерживание было основано в том числе на идее, согласно которой самоедский автократический режим рано или поздно помрет сам, а надо только жестко, но не переводя дело в стадию горячей войны, сдерживать его (по большому счету в долгосрочной перспективе, к концу 1980-х, так и случилось).

В «длинной телеграмме» Кеннан, влюбленный в Россию и считавший, что мировоззрение власти «не является естественным для русского народа», развил свои давние мысли о советском режиме. Еще в 1937 году он писал о том, что «в соответствии с теориями, которые лежат в основании советского государства, весь внешний мир является враждебным и ни один иностранец не заслуживает доверия». Он и до этого, начиная с самых ранних лет своей дипломатической службы, весьма проницательно оценивал характер сталинской политики, а посла США Аверелла Гарримана, имевшего прямую телефонную линию с тираном, предупреждал о том, что Сталин никогда не прекращал вести политику «в терминах сфер влияния».

Запад и сталинский СССР перешли к практической конфронтации в 1947-м. Доктрина Трумэна была провозглашена в марте этого года («мы должны помогать свободным людям формировать свою собственную судьбу так, как им самим хотелось бы»), затем настал черед плана помощи Европе («план Маршалла»). Сталин просто проглядел превращение Соединенных Штатов в сверхдержаву, сосредоточившись на «черчиллях».

Столкнувшись с такого рода решительными шагами США, генералиссимус во время своей встречи с Джорджем Маршаллом в апреле 1947 года заговорил о возможности компромиссов. Но лишь убедил нового государственного секретаря США в том, что они более невозможны. «Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, — писал Генри Киссинджер в книге «Дипломатия». — Ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал “план Маршалла”, Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов».

Разговор с дьяволом

Джордж Кеннан при всей своей почти философской глубине и тонком понимании России — такой же реалист, как и Киссинджер или Бжезинский. Вот образец предельной прагматики в помощь мягкому сдерживанию с элементами вовлечения противоположной стороны в сотрудничество.

*От «длинной телеграммы»
отсчитывают начало
реализации доктрины
сдерживания*

---

*Сталин просто проглядел
превращение Соединенных
Штатов в сверхдержаву,
сосредоточившись на
«черчиллях»*

В сентябре 1973 года Кеннан в письме Генри Киссинджеру в связи с назначением его госсекретарем выражал неудовольствие чрезмерной активностью Александра Солженицына и Андрея Сахарова и их апелляциями к помощи и реакции США: с его точки зрения, чрезмерная критика советского режима подрывала хрупкие основы разрядки международной напряженности, положительного вектора в развитии отношений брежневского СССР с Соединенными Штатами и в целом западным миром. Цинизм? Нет — расстановка приоритетов. В таком представлении детант был важнее внутренней ситуации с правами человека и цензурой в Советском Союзе, потому что помогал избежать ядерной войны.

В такой же логике классик американской внешней политики, уже будучи 91-летним патриархом, относился к расширению НАТО на Восток. Кеннан всю плешь проел ближайшему советнику президента Билла Клинтона и заму госсекретаря Стробу Тэлботту (известному публикацией мемуаров Никиты Хрущева и вообще основательным знанием России), настаивая на отказе от продвижения альянса в восточном направлении, потому что оно разжигает антизападные настроения.

Тэлботт отчасти понимал аргументы Кеннана, но в практической политике администрация США не могла не учитывать и позицию восточноевропейских и балтийских стран, для которых альянс, как и ЕС, были якорями, обозначившими принадлежность западному миру, и гарантией безопасности на тот случай, если в России после Бориса Ельцина к власти придет авторитарный лидер.

Можно назвать это дилеммой Клинтона-Тэлботта: отказаться от расширения невозможно, потому что оно является антидотом на случай возвратного авторитаризма в России, но в то же время именно прием в НАТО бывших стран Восточного блока может запустить механизм реализации такого сценария.

У Кеннана не было никаких сомнений в том, что эффект движения Альянса на Восток окажется катастрофическим. Спустя более полувека после «длинной телеграммы» он подготовил статью для *The New York Times*, о чем честно предупредил Тэлботта. Она увидела свет 5 февраля 1997 года под заголовком *A Fateful Error* — «Роковая ошибка».

Аргументы классика совпадали с позицией ельцинской стороны: «Расширение НАТО стало бы самой роковой ошибкой американской политики за всю послевоенную эпоху. Можно ожидать, что такое решение приведет к усилению националистических, антизападных и милитаристских тенденций в российском общественном мнении, негативно скажется на развитии российской демократии, вернет в отношения между Востоком и Западом атмосферу холодной войны и направит российскую внешнюю политику в сторону, которая нам явно не по душе».

Сдерживание по-кеннановски означало и самосдерживание американской стороны. В 1944 году, как писал тот же Строб Тэлботт в книге

Андрей Сахаров. 1989

о выдающемся американском дипломате Поле Нитце «Магистр игры», Кеннан, находясь по делам в США, случайно встретился в поезде с Нитце, которого три года спустя пытался предложить в качестве своего зама в отделе политического планирования Госдепартамента, а впоследствии в его лице получил непримиримого оппонента по самым важным вопросам внешней политики.

Эти два человека, оказавшие существенное влияние на внешнеполитический курс Соединенных Штатов, в ходе того разговора в поезде, почти за два года до «длинной телеграммы», сошлись в реалистическом понимании будущего: никаких союзнических отношений со сталинским СССР по окончании войны не будет, западный мир получит в лице Советского Союза главного врага. В последующие годы позиция Нитце сводилась к тому, что США должны наращивать свою военную мощь, чтобы уравновешивать СССР, Кеннан, напротив, настаивал на том, что мир сможет избежать катастрофы, только если две сверхдержавы станут договариваться о контроле над вооружениями.

В практической политике в конце 1940-х, тем более с тех пор, как Нитце заменил Кеннана на посту главы отдела политического планирования Госдепартамента, победила позиция, согласно которой Америка не должна была заниматься самосдерживанием. Ставший в 1949 году госсекретарем Дин Ачесон встал на сторону Нитце: «Как вы можете убедить параноидального противника разоружиться, используя свой

*В практической политике
в конце 1940-х победила
позиция, согласно которой
Америка не должна была
заниматься самосдерживанием*

пример?» Правда, именно такой тактики впоследствии придерживался Пол Нитце, когда вел переговоры с СССР о договоре о ракетах средней и меньшей дальности; в историю же он вошел благодаря «блужданию в лесу» со своим советским коллегой Юлием Квицинским в попытках достичь компромисса.

Все эти эпизоды из разных периодов истории XX века показывают особенности политической позиции Кеннана и его веры в объективную и иногда субъективную сдержанность Советского Союза даже в эпоху позднего Сталина — во всяком случае, политический гуру не верил в то,

«Мы должны быть готовы к разговору с самим дьяволом, если он контролирует существенную часть мира»

что советский тиран может начать войну, а раздел Европы на сферы атлантического и сталинского влияния считал неизбежным и не самым худшим вариантом развития событий после Второй мировой войны. В 1950 году, по

замечанию журналиста Дэвида Хэлберстама в его знаменитой книге о корнях Вьетнамской войны «Лучшие и блестящие», Кеннан считал, что люди в администрации, занимающиеся национальной безопасностью, «преувеличили амбиции Советов в Западной Европе и способность НАТО их остановить».

Для понимания позиции Кеннана важен эпизод, когда он снова не был услышан, и надо признать, что игнорирование его аргументов стоило Соединенным Штатам постепенного вовлечения в многолетнюю Вьетнамскую войну. Кеннан написал меморандум Дину Ачесону, в котором, согласившись с позицией своего сотрудника, специалиста по Китаю Джона Пэттона Дэвиса, предостерегал от вмешательства в дела Индокитая.

Кеннан утверждал, что оно не может быть успешным, что угроза балансу сил в мире в случае прихода коммунистов к власти во Вьетнаме преувеличена, что коммунизм — лишь ширма, гораздо важнее и влиятельнее националистические силы, что, цитирую Хэлберстама, «многие из этих сил просто неподконтрольны нам, и, пытаясь их контролировать, мы не только не можем повлиять на них, но и способны, по сути, обратить их против нас самих». Меморандум Кеннана был проигнорирован, и Соединенные Штаты заменили в Индокитае Францию в бесплодной, многолетней, кровавой войне.

Кеннан был последователен. Например, в 1963 году в интервью журналу Look он утверждал: «Мы должны быть готовы к разговору с самим дьяволом, если он контролирует существенную часть мира».

Подходят ли аргументы Кеннана к нынешней эпохе? Безусловно, Владимир Путин хотел бы раздела мира на сферы влияния (реалии, которые Кеннан готов был учитывать). Но такая логика предполагала бы рациональность лидера (когда Путин пришел к власти, Кеннан надеялся на нормальное развитие России), а в действиях автократа такая рациональность отсутствовала.

Томас Теодор Гейне (*Thomas Theodor Heine*). Симплициссимус. 1896

Если еще раз вчитаться в колонку «Роковая ошибка», то мы увидим, что Кеннан допускал проблемное развитие событий. Тогда у власти был Ельцин, а не Путин, это, что бы кто ни говорил, две большие разницы. Но Кеннан, в духе своих самых знаменитых работ, говорил в целом о «русских», «которые обнаружат, что их престиж (а он для них всегда самое важное) и интересы безопасности окажутся подорванными».

Едва ли Кеннан мог предположить, что произойдет 24 февраля 2022 года, скорее, его логика подсказывала появление Путина образца

Мюнхенской речи 2007 года, но сохраняющего сдержанное и прагматическое видение мировой системы и мировых событий.

Это политическая часть проблемы, где возможны различные версии и спекуляции по поводу адекватности позиции Кеннана в контексте сегодняшних экстраординарных обстоятельств. В идеологическом и историческом смысле анализ Кеннана совершенно не устарел, и к нему приходится обращаться, чтобы, перефразируя название знаменитой кеннановской статьи «Истоки советского поведения», разобраться с *the sources of Putin's conduct*, «истоками путинского поведения».

Мистер Икс

Статья «Истоки советского поведения» была включена в качестве главы в книгу Кеннана «Американская дипломатия. 1900-1950», изданную в 1952-м; там же была републикована еще одна важная статья, 1951 года, из *Foreign Affairs* — «Америка и будущее России». Обе они суммируют политическую философию Кеннана, актуальную с точки зрения объяснения действий Кремля и его исторически обусловленной идеологии.

Однако идеальное саммари выводов Кеннана, впервые появившихся в «Длинной телеграмме» 1946 года, а затем отшлифованных в двух статьях для *Foreign Affairs*, содержится в его небольшой работе, опубликованной десятилетие спустя, в 1960 году, — «Советская внешняя политика. 1917-1941». Он пишет о проблемах, создаваемых «русскими» «самим себе» и связанных с самой сутью режима, чья «основная мотивация» — сохранение власти: идеологические предубеждения против Запада, жестокость внутри страны, традиционно присущее России чувство подозрительности и незащищенности по отношению к внешнему миру «и, прежде всего, культивирование во внутривластных целях мифа о враждебном внешнем окружении».

Все это присутствует и в сегодняшней политической линии: «Чтобы оправдать диктатуру, без которой они (советские руководители. — А. К.) считали невозможным сохранить власть внутри страны, они не стеснялись изображать внешний мир более враждебным и угрожающим, чем он был на самом деле, и относились к нему соответствующим образом. Тем самым они не только обременяли себя мнимыми тяготами, не существовавшими в действительности, но и провоцировали реальные страхи и недовольство, которые в противном случае не существовали бы вовсе».

В статье «Америка и будущее России» Кеннан погружается в психологические глубины советской системы и — пророчески — нынешней кремлевской: «Ни одна правящая группа не любит признавать, что она может управлять, исключительно считая народ преступником и обращаясь с ним соответствующим образом. Поэтому всегда существует тенденция оправдывать внутреннее угнетение, указывая на угрожающее

зло внешнего мира. А внешний мир в этих условиях должен быть представлен как предельно злой — злой до карикатурности».

Кеннан продолжает: «Не может быть подлинной стабильности в любой системе, которая основана на зле и слабости человеческой природы, которая пытается жить за счет деградации человека, питаясь, как стервятник, его тревогами, его способностью к ненависти... Только люди с глубоким чувством личной несостоятельности могут найти удовлетворение в том, чтобы делать с другими те вещи, которые всегда связаны с такой системой».

В «Истоках советского поведения» Кеннан подчеркивает, что «советские руководители, пользуясь вкладом современной техники в искусство деспотизма, решили вопрос о повиновении населения». Что создает внутреннюю основу для продолжения внешних враждебных действий — «русские готовы к бесконечной дуэли». Отсюда и самый знаменитый вывод в истории не только американской, но и мировой внешней политики: «...главным элементом любой политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание российских экспансионистских тенденций».

Но вот что важно: в статье «Америка и будущее России» Кеннан действительно задумывается об отдаленных перспективах Советского Союза (России) в эпоху после «сдерживания». Он напоминает, что тоталитаризм не национальный феномен, что им может быть заражена любая нация, не только российская, что «всегда будут существовать области, в которых тоталитарному правительству удастся отождествить себя с народными чувствами и чаяниями». Он пишет даже о том, что нельзя забывать о «величии народа России» и необходимо смотреть на «трагедию России как частично нашу собственную трагедию, на народ России как на наших товарищей и в долгой и тяжелой битве за более счастливую систему человеческого сосуществования».

«Мы можем искать... такую российскую власть, которая, в отличие от той, которую мы знаем сегодня, была бы толерантной, коммуникабельной и откровенной в отношениях с другими государствами и народами» — такую власть нашли при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине. А затем Россия вернулась в привычный мир «длинной телеграммы».

Свое сообщение 22 февраля 1946 года, 80 лет тому назад, Джордж Кеннан закончил предупреждением Соединенным Штатам, как мы понимаем сегодня — совсем не пустым: «Мы должны сформулировать и представить другим странам гораздо более позитивную и конструктивную желательную картину мира, чем та, которую мы представляли

*Тоталитаризм
не национальный феномен,
им может быть заражена
любая нация, не только
российская*

---

*Россия вернулась
в привычный мир
«длинной телеграммы»*

в прошлом. <...> Наконец, мы должны иметь мужество и уверенность в себе, чтобы держаться за свои собственные методы и представления о человеческом обществе. Ведь самая большая опасность, которая может нас подстергать при решении проблемы советского коммунизма, заключается в том, что мы позволим себе стать такими же, как те, с кем мы пытаемся справиться».

P. S.

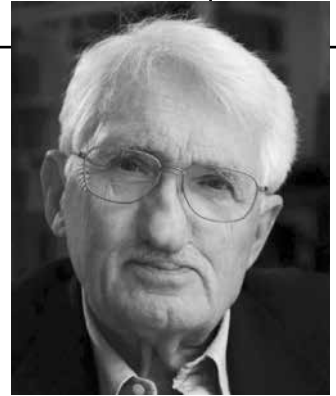
В советских, а затем уже и в нынешних российских традициях — зеркалить супостата. Например, встретился Трамп с пятью президентами центральноазиатских государств — и тут же Путин устраивает грандиозный прием казахстанскому лидеру Токаеву в Москве, а затем отправляется в Кыргызстан. Наложил Трамп лапу на нашего друга Мадуро — российский президент демонстративно звонит бразильскому лидеру (хотя логичнее — мексиканскому), а затем в речи перед иностранными послами обещает помогать Кубе «отстаивать свой суверенитет и независимость».

Так произошло и с меморандумом Кеннана, который в Кремле, разумеется, прочли (кстати, Сталин хвалил русский язык американского дипломата, что, впрочем, потом, когда Кеннан стал послом, не помешало объявить его персоной нон грата).

Молотов дал поручение послу СССР в США Николаю Новикову сочинить аналогичную телеграмму. Что и было сделано к сентябрю 1946-го. В советском документе говорилось и об «империалистических тенденциях американского монополистического капитализма», и о стремлении к «мировому господству», и о спайке между Америкой и Англией, и в противоречии с этим тезисом — об их скверных отношениях (Сталин упорно считал, что капиталистические страны между собой будут конфликтовать), а главное — о готовности США воевать с СССР. В отличие от телеграммы Кеннана, это было коллективное творчество ряда товарищей, включая Молотова. Спустя год Новиков был отозван из Вашингтона — есть версия, что он-то как раз не разделял тезис о стремлении Штатов начать войну с Советским Союзом. За что и поплатился дипломатической карьерой.

Московское интервью*

Юрген Хабермас отвечает на вопросы Юрия Сенокосова для журнала «Вопросы философии», апрель 1989 г.

Юрген Хабермас

Юрий Сенокосов: Как вы оцениваете современную философскую ситуацию на Западе?

Юрген Хабермас: Это сложный вопрос. Оценивая ситуацию в целом, следует отметить: в последнее десятилетие возникает впечатление, что характерные для нашего столетия философские достижения утрачивают свои контуры. Мы живем сегодня скорее в переходную эпоху. Во всяком случае, процессы размежевания обнаруживают себя в большей мере, чем процессы образования новых направлений. Еще недавно можно было говорить о широком распространении феноменологии в ее гуссерлевской или хайдеггеровской интерпретации, аналитической философии, имеющей дело с анализом повседневного языка и теории науки, и, наконец, марксизма, восходящего к раннему Дьёрдю Лукачу, Антонио Грамши и Эрнсту Блоху. Во Франции можно было бы упомянуть еще и структурализм. Однако сейчас эти привычные для нас формы философствования меняются. В лагере аналитической философии была пробита брешь постэмпиристской теории науки, а также контекстуализмом (например, Ричарда Рорти). В результате уже сегодня можно говорить о постаналитической философии.

Что же касается феноменологии, то она еще во времена Жан-Поля Сартра и Мориса Мерло-Понти обнаружила свою открытость по отношению к проблемам марксизма и философской антропологии. Те, кто еще представляет феноменологическое движение, в настоящее время идут на контакты с деконструктивизмом Жака Дерриды или Поля де Мана. В этот водоворот оказался втянутым и классический

* Оубл.: *Вопросы философии*. 1989. № 9. А также в сб.: Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью*. 2-изд. М.: АО «КАМИ» Изд. центр, 1995. С. 103–111.

структурализм Клода Леви-Стросса. В конечном счете и марксизм западного образца стал устанавливать контакты с различными теоретическими направлениями. Уже Люсьен Гольдман обнаружил для себя теорию развития Жана Пиаже, на которую, однако, и сам оказал влияние. Я сам воспринял важные импульсы из теории развития морали Лоуренса Кольберга, теории языковых актов Джона Сёрля, а также теории систем Талкотта Парсонса. Одним словом, современная ситуация в философии стала в меньшей степени обозримой и более диффузной, чем она была в 1950–1960-е годы.

В то время можно было проводить еще достаточно четкое различие между национальными традициями в философии. Так, в англосаксон-

Современная ситуация в философии стала менее обозримой и более диффузной, чем была в 1950–1960-е годы

ских странах господствовала аналитическая философия, в то время как на Европейском континенте в таких странах, как Франция и ФРГ, события развивались скорее асимметрически. Одни имели своего Сартра, другие — своего Адорно, при этом каждая из сторон не обращала серьезного внимания на

другую. Французы вообще стали восприимчивы к внешнему воздействию США и ФРГ только в 1970-е годы.

Мне кажется, что мы в Федеративной Республике, напротив, относительно хорошо воспользовались возможностями побежденной нации; во всяком случае, в течение первых двух послевоенных десятилетий у нас произошла значительная работа по восприятию различного рода внешних импульсов. Для нас это было, однако, несложно, ибо речь шла о восприятии таких импульсов с Запада, часть которых была существенно предопределена немецкими эмигрантами времен нацизма. Так, в 1960-е годы в нашей стране имело место продуктивное в своей напряженности сосуществование нескольких важнейших философских направлений. Герменевтика Ханса-Георга Гадамера представляла собой обширную, связанную с Эдмундом Гуссерлем и Мартином Хайдеггером традицию, развитие которой осуществлялось без каких-либо радикальных потрясений также и во время нацизма. Соперниками этого направления являлись критический рационализм Карла Поппера и развившаяся под влиянием Рудольфа Карнапа теория науки, а с другой стороны, критическая теория Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно, фоном для которой являлись взгляды Блоха. Наряду с этим весьма влиятельным был также конструктивизм Пауля Лоренцена, который выдвинул немецкий вариант аналитической философии, сформировавшийся под влиянием идей Иоганна Готлиба Фихте. Следует, однако, признать, что уже тогда более молодое поколение оказалось в состоянии преодолеть границы существующих философских школ и установить продуктивные связи между ними. Так, мой друг Карл-Отто Апель соединил идеи Людвиг Витгенштейна и Хайдеггера, я сумел провести критическую теорию общества

через нечто подобное лингвистическому повороту, под влиянием югославов появился феноменологический марксизм, а мои коллеги Гюнтер Патциг и Эрнст Тугендхат уже в то время соединили идеи Гуссерля и Готлоба Фреге и примечательнейшим образом повлияли на переход от феноменологии к лингвистической философии.

Мне кажется, что процессы преодоления различий между школами, которые обнаруживаются в настоящее время с такой очевидностью, в Федеративной Республике были подготовлены уже моим поколением.

Ю. С.: *Каковы те актуальные дискуссии, которые происходят в настоящее время на Западе?*

Ю. Х.: Дебаты 60-х годов, в том числе и дискуссия вокруг проблем позитивизма, а также дискуссия между представителями критики идеологии и герменевтики, можно было еще рассматривать как споры между отдельными школами. Сегодня прорисовываются споры вокруг проблем, по отношению к которым размежевание мыслителей происходит иным образом.

Международный резонанс имеют прежде всего дискуссии, вызванные радикальной критикой разума французскими философами, испытавшими влияние Фридриха Ницше и Хайдеггера. Наибольшего влияния этот постструктурализм достиг в США. В Западной Европе возникает дискуссия вокруг вопросов модернизма и постмодернизма между французами и итальянцами (Деррида, Лиотар, Ваттимо), с одной стороны, и немецкими философами (такими, как Апель, Франк, Шнедельбах и Веллмер) — с другой. При этом речь идет о ряде проблем, которые едва ли можно выявить в рамках традиционной оппозиции рационализма и иррационализма, универсализма и контекстуализма, модернизма и постмодернизма. Под различными углами зрения спор, однако, концентрируется вокруг главного вопроса: следует ли нам полностью порвать с традициями Просвещения или мы должны их диалектически развивать?

В области теории морали имеют место плодотворные дискуссии. В США так называемые коммюнитариианцы (Communitarians), или критические неоаристотелевцы, — Чарльз Тейлор, Майкл Сэндел, Бернард Уильямс, а также Аласдер Макинтайр — выступают против так называемых контрактарианцев (Contractarians), которые, как, например, Джон Роулс и Рональд Дворкин, в той или иной форме придерживаются идей морального универсализма XVIII века. В Западной Германии ориентирующиеся на Аристотеля и Гегеля защитники субстанциальной нравственности, которая отличается от сходных концепций англосаксонских стран, образовали неоконсервативный фронт против таких

*Международный резонанс
имеют прежде всего
дискуссии, вызванные
радикальной критикой
разума французскими
философами*

приверженцев этики дискурса, как Апель и я. Не так давно эти дебаты по проблемам этики были продолжены в форме дискуссии о нормативных основах демократии и правового государства. Юбилей Французской революции способствовал тому, чтобы вновь превратить политическую философию в поле интересной полемики.

Имеют место, разумеется, и другие дискуссии. Одна из них сосредоточена вокруг интересной теории субъективности Дитера Хенриха; попытки возврата к метафизическим формам мышления характеризуют другую осязаемую тенденцию современной духовной жизни. В Западной Германии, однако, попытки возрождения метафизики часто реализуются на более или менее реакционном политическом фоне.

Ю. С.: *А ваше личное отношение ко всем этим тенденциям?*

Ю. Х.: Я испытал очень сильное влияние гегелевско-марксистской традиции, хотя первоначально я и получил в университете традиционное, в известной мере специфически немецкое образование. Однако затем я приобщился к традиции Франкфуртской школы, а после стал постепенно освобождаться от влияния предпосылок критической теории. Результатом является теория коммуникативного действия, с помощью

Я рассматриваю современную, несколько неопределенную, но плюралистически открытую ситуацию в философии как продуктивную

которой я хотел бы, с одной стороны, по-новому обосновать теорию рационализации общества Макса Вебера, с другой — прояснить основные вопросы этики, теории языка и деятельности, а также понятие разума и т.п. В центре внимания

этой теории находится понятие коммуникативной рациональности. В то же время она изначально ориентирована на сотрудничество и связь с различными импульсами отдельных научных дисциплин. Именно поэтому я рассматриваю современную, несколько неопределенную, но плюралистически открытую ситуацию в философии как продуктивную. Альтернатива по отношению к великим философским системам не исчерпывается обращением к литературным формам изображения и фрагментарному стилю мышления, иными словами, эстетизацией теории. Я предпочитаю другую альтернативу: такое разделение функций между философией и другими науками, которое ориентировано на решение проблем с точки зрения эмпирического исследования основ познания, языка и деятельности.

Ю. С.: *Как вы оцениваете философию в СССР? Что вообще известно о нашей философии на Западе?*

Ю. Х.: Мне кажется, что есть много философов, которые в большей степени подготовлены к этому вопросу, чем я. Имеются знатоки русской философии, к которым я, однако, не отношусь. Для нас советская русская философия предстает прежде всего в виде докладов, которые

Дорис Сальседо (Doris Salcedo). Без названия. 1989–2008

мы слышим от вас на международных конференциях. Ибо я не читаю по-русски, а с появившимися в ГДР переводами почти не знаком. В первые десятилетия после войны ситуация в советской философии извне представлялась нам достаточно монолитной. Если быть искренним, многие вещи, которые интерпретировались в догматических рамках диамата, казались мне не слишком захватывающими. Нечто совершенно иное — теория языка Выготского, а также новейшие исследования по теории языка, продолжающие эту традицию. Такого рода теория может быть весьма продуктивно соединена с концепцией Джорджа Герберта Мида, с одной стороны, и Жана Пиаже — с другой. Большое влияние на Западе оказывают идеи Михаила Бахтина. При этом речь идет как о его теории культуры, которая содержится в книге о Рабле, так и его теории языка, которую я в большей или меньшей мере рассматриваю как марксистскую интерпретацию взглядов Вильгельма фон Гумбольдта. О философских исследованиях, которые осуществляются в Академии наук, например, здесь, в Москве, мы информированы весьма избирательно. Большое впечатление произвел на меня сборник статей историков философии, которые были изданы проф. Мотрошиловой в нашем издательстве «Зуркамп». Мне вполне импонируют не только широкий спектр этих работ, но и те экзистенциальные и системные импульсы, которые лежат в их основе, а также и уровень аргументации в целом. Во всяком случае, этот том подтверждает, что нам следует сделать более интенсивным обмен философскими работами.

Ю. С.: *Какое место, по вашему мнению, занимает философия в процессе демократизации и осуществлении реформ Михаила Горбачева? Какова вообще, на ваш взгляд, роль философии в обществе?*

Ю. Х.: На этот вопрос вы могли бы ответить лучше, чем я. Здесь, в Москве, в течение нескольких дней мне удалось сформировать первое впечатление об удивительной живости и открытости политических дискуссий. Меня приятно поразили и философские дискуссии, которые, например, происходили после моих выступлений, поскольку они свидетельствовали о наличии живого плюрализма: в атмосфере полной открытости во время этих дискуссий сталкивались самые различные позиции и мнения. Если меня не обманывают эти первые впечатления, мы имеем дело с процессом становления политической общественности (*Offentlichkeit*), в рамках которой при решении настоятельных проблем, усиленных процессами коммуникации, могут играть полезную роль не только историки, с одной стороны, и экономисты — с другой, но и философы. Впрочем, в этом случае я имею в виду философию в неинституциональном смысле. Я думаю, что философия должна освободиться от всякой институциональной привязанности к доктринам партии и государственным идеологиям, прежде чем она может взять на себя действительно продуктивную роль в деятельности политической общественности.

Хотя философия, подобно науке, представляет собой прежде всего своего рода кооперативное предприятие, она в еще большей степени, чем наука, укоренена в отдельных индивидах. Поэтому философы на-

Философия должна освободиться от всякой институциональной привязанности к доктринам партии и государственным идеологиям

ряду с писателями, историками и другими экспертами должны выступать в деятельности общественности (*Offentlichkeit*) в качестве интеллигентов и меньше всего в качестве интерпретаторов, истолкователей какой-

либо одной доктрины. Я думаю, что и в самой философии необходимо четкое представление об определенном распределении ролей. Можно, вероятно, сказать, что философия, как и прежде, является хранительницей рациональности, но эту задачу внутри системы науки она решает иным образом, чем в политической общественной жизни. В нашей профессиональной деятельности мы придерживаемся стандартов профессиональной аргументации, находимся в сферах дискурсов, которые проистекают из дисциплинарного разделения труда и сотрудничества с другими науками. В рамках общественности, однако, мы действуем как граждане среди граждан, как те, кто вне своей профессии может делать свое знание (не исключаяющее возможности ошибок) темой общественного интереса.

Следует проводить различие между философами как учеными, с одной стороны, и представителями интеллигенции — с другой, с тем чтобы обе роли могли выполняться в единстве, но в то же время без излишних иллюзий по поводу того, каким может быть действительный результат.

В настоящий момент мне кажутся крайне важными артикуляция и уточнение того видения, которое определяет характер реформ Горбачева. Нужно четко представлять себе те альтернативы, перед

которыми стоят демократизация и децентрализация бюрократического социализма. В этом случае едва ли достаточной является ориентация на исторический пример нэпа.

Вопрос заключается в том, может ли восприниматься в качестве модели дальнейшего развития более или менее удавшийся компромисс «социального государства», т.е. социал-демократический путь, или должны быть сделаны равноценные поучительные шаги по некапиталистическому пути? Социалистический эквивалент социально-государственного самоусовершенствования развитого капитализма, которое по-прежнему достигается в результате больших усилий и обходится обществу достаточно дорого, может быть обнаружен только на пути проб и ошибок и в рамках сознания, признающего возможность собственных ошибок. Однако такого рода экспериментирование не может являться просто использованием иных средств; экспериментальные проекты следует разрабатывать с учетом возможных альтернатив, для которых в политической общественной жизни необходимо наличие демократического большинства. Именно в этом контексте я вижу роль философов, которые осуществляют диагностику своего времени и которые выступают не в качестве «кадров», а как представители интеллигенции.

*Следует проводить различие
между философами как учеными
и представителями
интеллигенции*

Пер. с нем. А. А. Михайлова

Современное российское государство стремится укрепить самосознание граждан через призму патриотизма и традиционных ценностей, ориентируя общество на приоритет коллективизма и долга и оставляя в стороне индивидуальные либерально-правовые свободы. И большинство населения, согласно социологическим опросам, склонно руководствоваться в своей жизни скорее не буквой закона, а неформальными правилами или соображениями выживания.

Можно ли преодолеть отсутствие правосознания, оставаясь в рамках фактической сословности современного российского общества, то есть правового неравенства и неправового характера сознания российских граждан?

Приглашаем выпускников Школы к дискуссии на эту тему¹.

Об эволюции правосознания

Значит, жизнь победила смерть
неизвестным для меня способом.

Даниил Хармс

По меркам истории мы недалеко ушли от тех времен, когда российское общество было основано на сословной системе. Формально она была отменена 11 (24) ноября 1917 года с опубликованием Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов². Это означает, что еще наши прадеды существенную часть своей жизни прожили в сословном обществе. Кто-то из них был более свободен, кто-то — менее, но суть вопроса состоит в том, что правовое положение подданного Российской Империи в некоторых решающих аспектах их жизни основывалось не на универсальных правах, а на сословных привилегиях и ограничениях.

Были ли следы сословной системы изжиты в СССР? Нет, не были, и примеры таких «пережитков» известны каждому: самый заметный среди них — это неравенство в правовом положении колхозников на протяжении почти всей истории советской власти, вплоть до 28 августа 1974 года, когда было вынесено постановление Совета министров СССР № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР».

Другой общеизвестный пример — привилегии советской номенклатуры, имевшей черты сословия: она формировалась государством и была в известной степени закрытым сообществом. А ведь здесь идет речь уже о поколении, например, моих родителей и отчасти о моем собственном: даже если это можно назвать словом «история», то только в том смысле, в котором она уже находится на границе с актуальной политикой. В социальном смысле все это — «затянувшееся сегодня».

Историки и социологи могут привести и другие примеры советских «сословий»: спортсмены, артисты, ученые, военные. Черты сословий им придает то обстоятельство, что каждой из этих групп в разные периоды власть предоставляла различные стимулирующие преференции и влияла на их формирование. Ни одна из них не возникла в результате спонтанной экономической или общественной активности многих людей. В основном они представляли собой примеры сознательной социальной инженерии со стороны правительства и Коммунистической партии.

Я не хотел бы погружаться в исторические подробности, потому что меня в большей степени волнует текущий, наблюдаемый отрезок эволюционного процесса. Центральный тезис моей работы состоит в следующем: преобладающий стиль рассуждений о праве, обыденное российское правосознание находится в состоянии затянувшегося перехода от мышления в категориях сословных привилегий к категориальному аппарату, связанному с универсальными правами человека. Нет никаких «суверенных ценностей» — есть чрезмерно затянувшееся состояние трансформации, вялой и дискретной. Наблюдение за тем, как этот процесс проявляет себя в динамике, то есть в актуальных реалиях русскоязычных медиа, социальных сетей и самоназначенных «патриотических пропагандистов», собственно, и вдохновило меня на написание этой статьи.

Борису Ельцину, чья деятельность в немалой степени служит ориентиром, разграничивающим историю и актуальную политику, приписывают множество грехов, реальных и мнимых. Я хотел бы заострить внимание читателя на том, что в решающий момент своей политической карьеры он сделал сомнительную ставку на борьбу против партийных привилегий. Я допускаю, что этот выбор был плодом суровой политической реальности второй половины 80-х годов или что у него вовсе не было выбора по этому вопросу. Однако своей борьбой против привилегий, лежавшей в самой основе его карьеры, Борис Николаевич, на мой взгляд, заложил изрядную идеологическую мину под будущее движение за гражданские права. Это была ошибка, возможно, неизбежная, но ошибка.

Я далек от апологии привилегий, полученных благодаря власти. Однако важно учитывать то, какие выводы следуют за констатацией их наличия. Социальная инерция большого общества огромна. Отдельно очень большой инерцией обладает концепция групповых привилегий в их противопоставлении универсальным гражданским правам. Страна, населенная примерно ста пятьюдесятью миллионами очень разных людей, жила правосознанием, во многом основанном на распределении групповых (сословных) привилегий через вмешательство властей.

Нет никаких «суверенных ценностей» — есть чрезмерно затянувшееся состояние трансформации, вялой и дискретной

Ранний Ельцин своей борьбой в конце 80-х только укрепил общество в этих заблуждениях: людям вновь стало казаться, что если у кого-то что-то «забрать», то станет лучше. Мысль о том, что вместо этого следует, наоборот, предоставить равные возможности всем, бледнела на фоне сознательно разжигаемой борьбы с чужими преимуществами, которые сейчас, по прошествии не такого большого по историческим меркам времени, могут вызвать лишь смех.

Такое случалось много раз: те возможности, которые прежде имела лишь узкая группа в качестве привилегий, потом превращались в универсальное право путем завоевания или присвоения этих возможностей все более и более широким кругом лиц. Так было с правом собственности на землю, так было с активным и пассивным избирательным правом. В этом и состоит одна из распространенных ошибок, по крайней

Возможности, которые имела лишь узкая группа в качестве привилегий, превращались в универсальное право путем завоевания или присвоения

мере, идеологических: в отсутствии склонности видеть в чужих привилегиях зерно своих собственных будущих прав. Не отбирать возможности у других, а требовать такие же себе — вот как выглядит росток будущего правозащитного движения. Однако

для его культивации требуется как минимум, чтобы лидеры этого движения мыслили уже в категориях индивидуальных прав, а не групповых привилегий.

Возможность перемещения по миру, которая была в СССР элитарной привилегией, стала общим правом после открытия границ. Ценность права частной собственности стала более понятна публике по мере экономического роста: у большего количества людей появилось значимое имущество. Однако правосознание, осмысление обществом социально-правовой природы этих явлений существенно отставало от скорости происходивших изменений: общество просто не успевало отразиться, осмыслить происходящее.

В реальности все вышло так, как вышло — виновен ли в этом абстрактный «дух эпохи» или известное презрение Бориса Николаевича к пропаганде. Когда пришла пора отстаивать вновь обретенное право частной собственности (скорее дарованное сверху в результате централизованных рыночных реформ), общественные настроения были уже вполне готовы к тому, чтобы считать его всего лишь сословной привилегией группы олигархов (которые вдобавок были подозрительно похожи на переодетую советскую номенклатуру). По большому счету, это было начало конца эпохи либералов ельцинского призыва.

Они не смогли объяснить людям, что частная собственность универсальна и она в первую очередь про то, что у фермера не могут отобрать корову, а малого предпринимателя не могут лишить его постройки. Не сумели дать понять гражданам, что юридическая защита права частной

собственности понадобится скорее фермеру и малому предпринимателю, а не олигарху. Что олигарх, в конце концов, вполне может удовлетвориться контролем над крупной государственной структурой — политическая олигархия вообще необязательно следует за правом частной собственности и уж точно не вытекает из него логически. А может быть, просто инерция большой страны, все еще не остывшей от «борьбы против привилегий», оказалась сильнее группы младореформаторов.

Дальнейшая политическая судьба либерального движения была решена именно в тот момент: не гарантируя большинству избирателей личной безопасности и прав частной собственности, выборы не выигрывают нигде, ни в одной стране мира. Приход к абсолютной власти Путина только оформил собой застревание публичного дискурса в сословных категориях групповых привилегий, в их противопоставлении и предпочтении универсальным правам.

Равноудалая от себя сословие олигархов, Путин как бы дал обществу, значимая часть которого все еще мыслила в сословных категориях, иллюзию выигрыша простого человека³. Мысль о том, что раз право на судебную защиту, право частной собственности и свобода слова теперь не гарантированы даже для могущественных предпринимателей и больших медиаструктур, то у обычного человека их и подавно отберут, не могла возникнуть в головах людей, которые рассуждали в категориях сословий. Для этого требовалось, чтобы шаг к правосознанию в категориях универсальных прав и свобод был сделан раньше, но он не был сделан. Граждане еще слишком хорошо помнили, что в основе новой власти лежит отрицание привилегий власти предыдущей.

Политически либералы в России проиграли, и я лично признаю свое поражение вместе с ними. Отдельный вопрос: проиграли кому? Как можно описать политический портрет победителей, весело пирующих теперь в нашей общей стране? Они — консерваторы? Я бы так не сказал, потому что вряд ли можно назвать консерваторами сторонников легкомысленного переписывания Конституции. Они — социалисты? Нет, для этого они слишком вяло критикуют современный капитализм (хотя он им и не нравится).

Я назвал бы наличествующих в данный момент политических победителей универсальными лоялистами-государственниками. Это такая разновидность этатистов, готовых поддержать любую текущую власть без выдвижения каких-либо встречных политических условий, отчасти ради своего личного комфорта. Это короткоживущая политическая порода, но в эру нефтяного изобилия она могла процветать, торгуя одной лишь демонстрацией своей лояльности.

*Не гарантируя большинству
избирателей личной
безопасности и прав частной
собственности, выборы
не выигрывают нигде*

Петр Боклевский. Иллюстрация к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». 1890-е гг.

Потеряна ли Россия для либерализма? Отнюдь нет.

Идейная, идеологическая пустота путинизма — это общее место. Вопрос на самом деле следует ставить иначе: к чему, к каким концепциям обратятся сами победители, столкнувшись с необходимостью урегулировать неизбежно возникающие социальные противоречия? Исходя из каких принципов они будут их урегулировать? Производит ли на самом деле текущая интеллектуальная элита суверенные общественные принципы и ценности — такие, которые не просто отличались бы от европейских, но давали бы преимущества при принятии оригинальных неевропейских управленческих решений? Давайте разберем это на паре региональных кейсов:

Пример 1. В Хабаровске есть рынок, который местные жители называют «Дачным» или «Рассадным». Земля, на которой он расположен, стала предметом конфликта между малыми предпринимателями и фермерами, с одной стороны, которые требуют сохранить профиль торгового объекта, и администрацией города, с другой стороны, которая намерена использовать ее по своему усмотрению.

Среди политиков и общественных деятелей, выступивших на стороне предпринимателей, оказался Сергей Миронов, председатель партии «Справедливая Россия — За правду». Миронова ни по каким признакам нельзя отнести к либералам, и стоит обратить внимание на его риторику:

Какие у меня эмоции? Все очень просто. Президент говорит, что нужно поднимать сельское хозяйство, что людям надо дать возможно кормить себя. Многие десятилетиями работают на этом рынке. Мне сказали, что четыре тысячи хабаровчан подписались в поддержку этих садоводов. Они покупают их продукцию, она им нужна. Логистика здесь такая, что всем очень удобно. Если кто-то считает, что можно одним махом все порушить, то этот человек идет против президента. В связи с этим уверен, что врио губернатора задумается о решении этой проблемы. Нужно заботиться о людях в первую очередь. Это ведь не бизнес даже, пенсионеры что-то зарабатывают в основном. Здесь не только продают товар, но и советом помогают⁴.

В первую очередь бросается в глаза гибридный характер приведенного высказывания. Федеральный политик, с одной стороны, откровенно боится констатировать наличие у граждан каких-либо свобод, в осуществление которых чиновничество не вправе вмешиваться, и ссылается на «волю президента», на «коллективное обращение с подписями», на «логистику», на что угодно — только не на гражданские свободы и их границы. С другой стороны, в том же абзаце он как бы сквозь зубы признает за людьми наличие некоего, не проговариваемого вслух собственного интереса, который нельзя не учитывать. При этом апелляции к техническим нюансам наподобие «удобной логистики» — трюизмы на грани утраты ими смысла: если бы рынок был неудобен для покупателей, продавцы не собирались бы там в течение десятилетий. Все вопросы с «логистикой» люди решили сами, задолго до вмешательства властей.

Во всем, что окружает этот конфликт, царит некая межеумочность, которая иллюстрирует собой исходный тезис моей статьи: с одной стороны, политик уже не видит возможности сказать, что привилегия торговать на этом месте дарована конкретной группе людей по божественному наитию лично царем Путиным (хотя ему, возможно, хотелось бы так сказать). С другой стороны, его еще пугает даже сама мысль о том, что у людей могут быть неотчуждаемые права, которые власть обязана уважать, в том числе и при распределении земли. Здесь я не веду речь о том, какими нормативными актами регулируются отношения в данном конкретном случае, я говорю о правосознании, которое демонстрируют известные участники спора — оно застыло в затянувшемся прыжке от сословных привилегий к универсальным правам.

Впрочем, Сергей Миронов — высокопоставленный, но не самый удивительный персонаж этой истории. Куда более экзотично выглядит другой публичный оратор из лагеря защитников рынка: в поддержку предпринимателей в своем телеграм-канале решительно выступил хабаровский общественный активист Андрей Никонов. Он имеет вполне определенную репутацию и известен в городе своими симпатиями к

*Федеральный политик
ссылается на что угодно —
только не на гражданские
свободы и их границы*

НОД⁵. Демонстрируя типичный для нодовцев подход к вопросам суверенитета и внешней политики, Никонов в то же время проявил необычайное публичное рвение в защите интересов торговцев с рынка. Я не вижу смысла в цитатах, тем более что телеграм-канал активиста открыт и общедоступен, но отмечу, что его риторика по этому поводу местами куда более ясная и освежающая, чем риторика Миронова.

Здесь я предлагаю обратить внимание, что догматика и риторика державности, соборности и «симфонии властей» не способны дать ответа на вопрос, кто прав в описанном выше споре. С державной точки зрения на месте рынка вообще должна находиться пусковая площадка межконтинентальной баллистической ракеты «Булава», но такие требования почему-то так и не были выдвинуты в реальности. Не имея собственных внятно артикулируемых принципов, державники закономерно и неизбежно заимствуют их из тех доктрин, которые они сами маркируют не просто как чужие, а как вражеские. Либерализм — одна из таких доктрин.

Пример 2. В 2025 году в Новосибирске развернулись дебаты по поводу истечения с 1 января 2026 года моратория на демонтаж нестационарных объектов. Значительная часть владельцев торговых павильонов не могла по разным причинам выполнить полученные ими ранее предписания, и их имущество оказалось под угрозой сноса.

В защиту малого бизнеса выступил исполняющий обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей Новосибирской области Андрей Панферов: «Предпринимательское сообщество обращается, бьется, ставит вопросы перед мэрией. Но, к сожалению, вопросы решаются так, что никакого исхода нет. Поэтому давайте мы сейчас, не затягивая, приступим к делу».

«Уполномоченный озвучил данные, полученные в конце 2024 года региональным Минэкономразвития в ходе аналитической работы: за последние 9 лет число киосков и павильонов в Новосибирске сократилось более чем на 2000. Это привело к потере 8,5 тысяч рабочих мест и недополучению бюджета почти 400 млн рублей ежегодно. По словам Андрея Панферова, ситуация усугубится в 2026 году, когда закончится мораторий на снос НТО»⁶.

Чиновник «по защите прав предпринимателей» в своей аргументации ожидаемо подходит ближе всех к концепции индивидуальных прав. Он смелее других признает за людьми существование у них неких личных интересов, с которыми власти обязаны считаться (по крайней мере, с его точки зрения, люди могут «ставить вопросы» перед властью по этому поводу). Однако на стороне владельцев уличных объектов выступают и более неожиданные, на первый взгляд, деятели. Среди них заместитель председателя комитета Законодательного собрания Новосибирской области по бюджетной, финансово-экономической политике и собственности Андрей Любавский, который заявил: «Предприниматели

всегда шли навстречу властям, но новые требования зачастую невозможно выполнить физически».

«Он привел статистику и выделил ключевые проблемы, ведущие к сносу объектов и сложностям в работе малого бизнеса. В 2022 году при заключении 14 договоров было снесено 725 объектов, в 2023 году — 12 договоров против 471 сноса. В 2024 году было заключено 32 договора при 305 снесенных киосках. За текущий период 2025 года заключено 9 договоров, при этом снесено 696 объектов. По словам Андрея Любавского, такое соотношение между сносом существующих и созданием новых точек привело к снижению доходной части городского бюджета от размещения нестационаров практически в два раза»⁷.

Андрей Любавский — коммунист, политик с устойчивой репутацией в своем регионе. Местное общество рассматривает его как приверженца классической программы КПРФ с акцентом на социальную справедливость и хозяйственный порядок. Неудивительно, что такого рода деятель видит в предпринимателях не людей, а цифирь в губернском бюджете и монолитный коллектив. В каком-то смысле удивительно то, что коммунист вообще становится едва ли не во главе защитников малого бизнеса. Такую ситуацию я склонен оценивать как еще одну иллюстрацию к центральному тезису этой работы: нет никаких суверенно-державных ценностей и методов управления, ни где в мире доселе не виданных. Есть трусливое и слишком медленное переползание власти и общества от сословных ценностей и соответствовавших им методов управления к правосознанию, основанному на индивидуальных правах.

*Удивительно, что коммунист
вообще становится едва ли
не во главе защитников
малого бизнеса*

«Куда смотрят либералы?»

Даже самые ярые сторонники державности бывают склонны переходить на либеральный язык, когда дело касается практических сторон человеческой деятельности. Я неслучайно вывел в качестве главных примеров сугубо локальные, «глубинные» истории. Те примеры, которые попали в общую русскоязычную ленту, строятся по похожей логике. Известный Z-пропагандист Роман Алехин, который в прошлом всегда проклинал либералов и «буржуазный западный миропорядок», недавно несколько раз повторил, что «надеется на независимость» российского суда, когда попытался оспорить статус иноагента, который ему присвоило российское Министерство юстиции.

Казалось бы, вся его публичная карьера, вся риторика, все написанные им тексты свидетельствовали о том, что Алехин искренен в убеждении, что привилегия критиковать начальство не может принадлежать кому попало — и уж точно, что не существует такого права для всех. До этого момента он, вроде, крепко стоял на вполне сословных позициях.

Так откуда взялось это малодушное воззвание к европейским ценностям перед лицом российского суда от человека, который отрекался от этих ценностей всеми своими поступками?

Я могу только предположить, что ему даже неизвестно о подлинных суверенных альтернативах. А ведь, казалось бы, сама история нашей страны дает в руки любому желающему примеры радикально неевропейского и антилиберального судоустройства: тут вам и раннесоветская классовая «революционная целесообразность», и суд, который по Конституции 1924 года входил в состав ЦИК. Да и сторонники более поздней «социалистической законности» знали, что сказать против буржуазной концепции независимого суда.

Однако в конкретной современной ситуации самый, казалось бы, мотивированный идеологический борец, имея богатое советское идейное наследие, вдруг обращается к тому кругу концепций, который вернулся

*Публичные прокламации
Z-пропагандистов о защите
свободы слова стали
общим местом*

к нам в 90-е годы вместе с остальными европейскими ценностями. Он считает, что у него, как у частного человека, есть право оспорить в суде генеральную политическую линию, которая вдруг повернулась против него! Что это, как не

свидетельство гибридного правосознания, когда человек уже не может ссылаться на групповые привилегии, но еще не готов открыто признавать универсальные права?

Публичные прокламации Z-пропагандистов о защите свободы слова к тому вечеру, когда я окончил писать эту статью, стали таким общим местом, что приводить конкретные примеры уже не имеет смысла — тексты подобного рода читали все, кто умеет читать по-русски и хоть что-то слышал про СВО и Z-пропагандистов. Кажущиеся противоречивыми эти многочисленные воззвания раскрывают весь свой смысл, если посмотреть на них с точки зрения тезиса, который выдвинут выше: они звучат изнутри логики сословных привилегий.

Все это не исторический анекдот, а часть продолжающегося процесса: когда либералов клеймили иностранными агентами, это сопровождалось радостным улюлюканьем этактистской общественности. Многим показалось, что начальство сейчас наконец-то разберется и отберет возможность критиковать себя у одних людей, но оставит ее (эту возможность) другим людям.

В момент радостного возбуждения от празднующих ускользнул один нюанс: если власть вольна отбирать у одних людей возможности и даровать их другим людям, то такие возможности называются не правами, а привилегиями. Что люди, которым властью дарованы привилегии, которых лишены другие люди, должны быть готовы вести себя не как граждане, а как сословие. А члены сословия должны знать свой шесток и проявлять лояльность начальству — в этом состоит их добродетель.

В какой-то момент Z-пропагандистам показалось, что это именно они сформировали из себя служивое сословие, которому царь-батюшка даровал привилегию критиковать нерадивых «бояр». Думаю, их ждет разочарование — в природе не существует никаких средств для удержания за ними групповой монополии такого рода, а «бояре» со своей стороны демонстрируют достаточную сплоченность уже в силу своей служебной субординации.

Возможно, это прозвучит странно, но общественная дискуссия ближе всего продвинулась к логике защиты прав в современном смысле этого слова, когда речь зашла о проблемах сибирских фермеров, у которых власти отобрали скот под предлогом карантинных мероприятий. Z-сторона была неотличима от либералов в том, что частная собственность индивидуальных крестьянских хозяйств должна охраняться не хуже, чем собственность агропромышленных холдингов. Но эта история — одна из поздних по времени. Оптимистически говоря, процесс перехода от привилегий к универсальным правам идет поступательно, хотя и медленно.

Я полагаю, что логика, предложенная в этой статье, универсальна: например, не имеет большого значения ситуация, когда вчерашний Z-пропагандист внезапно раздражается длинной антипутинской тирадой, как это недавно сделал одиозный Илья Ремесло. Как правило, такие возгласы не содержат в себе ничего нового по содержанию и бессмысленно будоражат публику, заглушая негромкий голос разума. Все это не имеет отношения к продвижению в сторону новых ценностей. В какой-то мере такие пробудившиеся вчерашние пропагандисты даже опасны: они перекрикивают, засоряют шумом медийное пространство, заглушая людей, которым действительно есть что сказать.

*Не имеет большого значения
ситуация, когда вчерашний
Z-пропагандист внезапно
раздражается длинной
антипутинской тирадой*

Спорно будет выглядеть долговременная политическая программа, в которой чрезмерный акцент делается на разоблачении привилегий элиты: над значительной частью этих привилегий публика все равно будет смеяться в обозримой перспективе. Так получилось с привилегиями по выезду за границу или по доступу к иностранной литературе: не нужно ограничивать универсальные свободу передвижения и свободу собирать информацию — не заведутся и зловредные привилегии. Не стоит делать слишком большой акцент на этом в политических программах.

Зато в фокусе внимания неизменно должна сохраняться общая тенденция: постепенная эволюция правосознания от логики сословных привилегий к логике универсальных прав человека и основных свобод. Очевидно, что либеральное движение заинтересовано не в новом издании классовой борьбы, а в максимально возможном расширении равных возможностей, в идеале — на все общество.

Примечания

¹ См. ссылки на книги специалиста по неосословности в России Симона Кордонского:

<https://www.livelib.ru/author/152969-simon-kordonskij?ysclid=mp2qn8tyyg39507842>;

а также его интервью на «ПостНауке» «Когда государство создает группу с преференциями, оно создает сословие»:

<https://postnauka.org/talks/156352>

² Ст. 1. Все существовавшие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются. Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики.

³ В современном политическом языке «равноудалению олигархов» начала 2000-х годов присвоен устойчивый статус «политического принципа». Найдете ли вы его в Конституции среди основных принципов российской государственности? Я не нашел...

⁴ Приводится по публикации новостного портала DVHAB.RU:

<https://www.dvnovosti.ru/khab/2024/06/29/169959/>

⁵ НОД (Национально-освободительное движение) — провластное общественное объединение ультраэтатистского толка, выступающее за предоставление Владимиру Путину чрезвычайных полномочий для противостояния ЕС и США, которые, с точки зрения участников движения, посягают на суверенитет России.

⁶ Приводится по публикации новостного портала «Континент Сибирь Online»:
<https://ksonline.ru/591100>

⁷ Там же.

Послесловие. Светлая книга о темном опыте

...все дело в том, чтобы понять и выразить истинное
не как субстанцию только, но равным образом
и как субъект

Гегель. Феноменология духа

Жанр послесловия к книге предполагает *последнее слово*, в котором книга получает окончательную завершенность. Однако история, свидетельствовани-ем которой является книга о. Владимира Зелинского, еще не произнесла своего последнего слова и не подвела черту, отделив от нас и поместив тем самым в *законченное прошлое* эпоху, начало которой было положено в октябре 1917 года. История включает в себя определенные константы, которые зачастую не видны за чередованием исторических декораций, включая смену политических лидеров и олицетворяемых ими режимов. Как *длящееся событие* история есть куда более долгое время и никак не может поэтому измеряться ни продолжительностью отдельной человеческой жизни, ни даже продолжительностью жизни нескольких поколений.

В этом смысле мы продолжаем жить в историческом времени, отмеченном страшным господством над умами и душами людей того мифа, который зародился, казалось бы, в самых отвлеченных философских эмпириях, но затем обрел социальную плоть в виде небольшой, но прекрасно организованной политической партии, захватившей в октябре 1917 года власть в бывшей Российской империи, а затем превратился в Молоха, поглотившего в своем чреве миллионы человеческих жизней. Книга о. Владимира Зелинского ценна не только несомненной высотой философского постижения, позволяющего увидеть в самых абстрактных философских построениях истоки страшной трагедии, произошедшей в России в XX веке и поныне там продолжающейся, но и глубиной духовного проникновения в саму ее суть.

Сквозь всю книгу о. Владимира Зелинского проходит ясно прочерченная им линия, на которой отмечено превращение *идеологии в идеократию*, распорядительно обращающуюся не только с умами и душами людей, но и с их телами, превращая их в часть системы ГУЛАГа как формы предельно рационализированного труда. В свою очередь идеократия неотделима от *идолократии*, представленной пантеоном бессмертных

Владимир Зелинский
«Вслед иных богов», или
Загадка социального
солипсизма. München:
Im Werden Verlag, 2026.

вождей, этих новых богов, пристально и ревниво наблюдающих, что думают, что чувствуют и как ведут себя обычные смертные, простые советские люди. Это неоязычество с невиданной ранее силой проявилось снова в первой четверти века XXI, но уже не под прикрытием коммунистической ортодоксии, а в ризах «православной духовности», представ ужасом движущихся кладбищ — шествиями «бессмертных полков».

Каким же образом идеология, казалось бы, разоблаченная Карлом Марксом в качестве ложного сознания, то есть превратного отражения в сознании людей действительных социальных процессов, предстала, подобно оборотню, в виде «марксистско-ленинской идеологии» как «единственно верного учения», освещающего человечеству дорогу к коммунизму как подлинной цели развития общества и человеческой истории как таковой? Ведь в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса, в которых еще чувствуется этический посыл кантовского кате-

*Сквозь всю книгу
о. Владимира Зелинского
проходит прочерченная
им линия, на которой
отмечено превращение
идеологии в идеократию*

горического императива, впоследствии почти полностью у Маркса исчезнувший, а у Ленина ставший объектом грубых насмешек, Маркс пишет: «Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»¹. Маркс еще ясно отдает

себе отчет в том, что коммунизм, ставший *целью* развития общества, потребует расходного *человеческого материала* как необходимого *средства* для достижения этой цели. Как же получилось, что коммунизм из «энергического принципа ближайшего будущего» превратился в конечную цель человеческой истории, путь к которой оказался вымощен костями миллионов государственных рабов?

Как убедительно показано в книге о. Владимира Зелинского, философским истоком будущей тоталитарной идеологии является абсолютный субъект гегелевской диалектики, в котором субстанция истории, представляющая собой, согласно Гегелю, последовательность «отчуждений» и их «снятий», приходит к полному самосознанию и, тем самым, к завершению. Однако, в результате произведенного Марксом «переворачивания» Гегеля, поставленного по его мысли с головы на ноги, субъектом истории, в полном согласии с философской грамматикой, становится «родовая сущность» человека, от которой, однако, человек отчужден *в акте его эксплуатации человеком же*. Тем самым, по мысли Маркса, буржуа и пролетарий противостоят друг другу в современном ему обществе как *части* целостной, но распавшейся родовой сущности человека. Но как части этой родовой сущности буржуазия и пролетариат образуют *классы*, будучи в равной степени наделены *классовым*, то есть *частичным*, оторванным от родовой сущности сознанием². Получается, что идеология как ложное сознание есть сознание классовое,

преодолением которого станет бесклассовое общество, восстановившее человека в его родовой сущности³. Поэтому в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», заключающих в себе *исток и тайну* марксистской философии, коммунизм мыслится Марксом как процесс «реинтеграции» человека, знаменующий его *возвращение* в свою родовую сущность, объединяющую людей в подлинно человеческие отношения⁴. Однако именно эту постулируемую Марксом родовую сущность и следует рассматривать как матрицу, из которой разовьется тоталитарное сознание, поглотившее человека, обращенного им в «человеческий материал».

Поскольку, по словам самого Маркса, оружие критики буржуазного общества уступает место критике его оружием, а субстанцией истории объявляется классовая борьба, то последним актом революционного апокалипсиса может быть только пролетарская революция, в результате которой пролетариат утвердит себя как коллективный субъект истории. Завершая историю, которая есть не что иное как история классовой борьбы, пролетариат упраздняет и политическую надстройку общества как продукт ложного сознания правящих классов⁵. Однако марксистское мышление не избегает при этом очередного «диалектического» противоречия, заключающегося в том, что пролетариат как класс наделен лишь классовым, т. е. частичным и потому ложным сознанием.

Следовательно, поскольку пролетариат и сам отчужден от родовой сущности, то это последнее в истории отчуждение может быть «снято» лишь в наивысшем синтезе, результатом которого является уже не класс, а *партия* как выразительница политической воли класса. Именно партия становится для пролетариата родовой сущно-

*Маркс отдает себе отчет
в том, что коммунизм,
ставший целью развития
общества, потребует
расходного человеческого
материала*

стью. Партия — это подлинное сознание класса, самого по себе таким сознанием не обладающего. Поэтому, объявляя себя плотью от плоти рабочего класса, коммунистическая партия должна при этом строго отличать себя от него *по духу*, и коль скоро, по известному ленинскому определению, партия явлена в триединстве «ума, чести и совести», то собственно рабочий класс сводится лишь к *рабочей силе*, которая, согласно экономическому учению Маркса, пригодна лишь для извлечения из нее прибавочной стоимости⁶. Партия — это не класс, поскольку только лишь она наделена истинным сознанием, будучи вооружена «единственно верным» учением, в котором полностью раскрыт смысл всей предшествующей истории и указана единственно верная дорога в будущее⁷. Поглощенный сугубо частными экономическими интересами пролетариат легко поддается «мелкобуржуазным» влияниям, от которых его бдительно стережет партия, ибо она неотделима от истинного вероучения, представляя собой своего рода церковь, ответственную за грехи своей паствы⁸.

Таким образом, партия представляет собой не что иное, как *принцип идеократической диктатуры*, маскирующейся под «диктатуру пролетариата», о тождестве с которым партия может говорить только, если она в то же время отделяет себя от него. Именно здесь, в этой двусмысленности «классового сознания», которое, чтобы быть сознанием истинным, а не ложным, должно стать сознанием не класса, а партии, не только та-

Именно партия становится для пролетариата родовой сущностью. Партия – это подлинное сознание класса

ится исток *тоталитарного сознания*, но и априори закладывается вся его структура. Эта апория партии как будто бы *истинного классового сознания*, неразрешимая уже ни в каком диалектическом синтезе противоречий, заключается в

том, что сама партия есть часть (*partis*), но такая часть, которая *выдает себя за целое*⁹. Мы полностью поймем смысл этой атории, если будем исходить из предложенного самим Марксом понимания идеологии как ложного сознания, отчужденного от своей родовой сущности и поэтому обреченного быть лишь сознанием класса как части этой фрагментированной в буржуазном обществе родовой сущности человека. В таком случае партия, как часть, выдающая себя за целое, оказывается ничем иным как *возгонкой ложного сознания класса*, которое перестает быть характеристикой только лишь класса и *возводится в тотальность*. Это объясняет ту чудесную метаморфозу, в процессе которой идеология превращается в советском обществе в *единственно верное учение*, выражающее «мировоззрение рабочего класса», самого по себе никакого «мировоззрения» не имеющего. Можно сказать, что известная в логике фигура *pars pro toto* — часть вместо целого — выражает вместе с тем и структуру тоталитарного сознания.

Партия, как принцип идеократической диктатуры, утверждает себя в *принципе партийности*, представляющим собой настоящую сублимацию части до целого. Действительно, все сферы жизни советского

Идеология превращается в советском обществе в единственно верное учение, выражающее «мировоззрение рабочего класса»

общества, от партийных собраний до литературы и искусства, должны были быть подчинены принципу партийности, цементирующему воедино все свободные и автономные области жизни в такое целое, в котором уже нет и не может быть ничего самого по себе ценного

и значимого и где маленькая книжечка немецкого натуралиста Геккеля и вопрос о структуре электрона в равной степени становятся орудиями классовой борьбы. Эта новая, невиданная ранее тотальность, устраняющая из своего состава все, что не вписывается в *totum*, формируется задолго до того, как за несколько десятилетий она уничтожила в сотни, если не в тысячи раз больше людей, чем испанская инквизиция за все столетия своего существования. Поэтому зачатие этой тотальности

Рон Мьюек (Ron Mueck). Массы. 2016–2017

мы можем видеть не только в склоке межпартийных и внутрипартийных споров большевиков с меньшевиками и эсерами, не в одной лишь нескончаемой борьбе большевиков против «экономистов», «легальных марксистов», «ликвидаторов», «отзовистов», «оборонцев» и т. д., в которой выковывалась их партийная ортодоксия, но и в философских битвах с «махистами», «эмприокритицистами», «эмпириомонистами», «энергетистами», ибо новейшая философия, будучи «столь же партийна, как и две тысячи лет тому назад» (Ленин), также является ареной классовой борьбы, где, по словам того же Ленина, бой абсолютно неизбежен.

Поэтому и «Философские тетради» Ленина следует рассматривать отнюдь не как собрание конспектов классиков философской мысли, перемежающихся собственными размышлениями, которые политический деятель вполне может позволить себе в краткие периоды затишья политической борьбы, а как лабораторию по созданию грядущей идеократии. Примечательно, что идеократия рождается в процессе ленинского чтения Гегеля *материалистически*, то есть, как он сам пишет, «выкидывая большей частью боженьку, абсолют, чистую идею». Однако отвергнутая Лениным гегелевская чистая идея возвращается уже как «свое иное» — воплощенное в партии чистое классовое сознание, причем диалектика раскрывается теперь в невиданной мистерии превращения идеи в вещь, выдавая себя за логику самих вещей. Таким образом, утверждаемое Лениным тождество диалектики, логики и теории познания (знаменитое «не надо 3-х слов») выступает настоящим философским обоснованием

идеократии. Именно отсюда исходит и набирает силу всепроникающая власть ложного сознания, для которой нет и не может быть ничего сокрытого и сокровенного, личного, интимного. В грядущем идеократическом государстве невозможна никакая «вещь в себе», ускользающая от пресловутого тождества из трех слов и тем самым остающаяся вне контроля со стороны партийного Слова, собирающего и организующего в своем составе все сущее, без остатка.

Отсюда понятна та поистине классовая ненависть, с которой Ленин обрушивается в своем «Материализме и эмпириокритицизме» на «вещь в себе» Канта, будто бы навсегда сокрытую от нас за пеленой «яв-

*Утверждаемое Лениным
тождество диалектики,
логики и теории
познания выступает
настоящим философским
обоснованием идеократии*

лений». Простого ализарина, химического вещества, которое, как на это торжествующе указывал Энгельс, было миллионы лет «вещью в себе», покуда его не извлекли из природы, превратив тем самым в «вещь для нас», для Ленина уже явно недостаточно, и для характеристики «вещи в себе» он с трудом находит более или менее приличные

печатные выражения¹⁰. Ленинская ярость вполне понятна. Каким-то особым «классовым» инстинктом Ленин угадывает в «вещи в себе» *нуменальное измерение*, откуда к человеку обращен призыв быть как в лице самого себя, так и в лице всякого другого *только лишь целью и никогда средством*. Т.е. тот самый кантовский категорический императив, эхо которого еще можно расслышать в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса, но который абсолютно несовместим с идеократической диктатурой, где лишь она является целью сама по себе, тогда как все остальное — лишь средство. Однако главное для Ленина — то, что «вещь в себе» не позволяет мышлению сомкнуться с бытием в невиданном доселе тождестве, осуществив таинственную алхимию овеществления идеи, когда мышление, поглотив бытие и полностью растворив его в себе, идеологически, как в *саега obscura*, представляет себя как производное от бытия. В целом это создает царство идеологического зазеркалья, где господство идеологии как ложного сознания выступает в облики материалистической доктрины, а вторичность мышления в отношении поглощенного им «бытия» утверждается как непоколебимый догмат. Господство идеологии может быть понято только как результат перверсии, вследствие которой «идея» поглощает вещь, но только лишь затем, чтобы выдать себя за силу самих вещей. В этом тождестве, отторгающем и уничтожающем все иное, формируется *режим идеократического солипсизма*, удивительным образом озвучиваемый аутизмом речей его вождей, подобных бульканью горячей воды в герметически запаянном сосуде. По сути это тот же самый «бобок» Достоевского, булькающие речи мертвецов, голоса из загробного мира идеологического зазеркалья.

Таким образом, наиболее важный тезис, который мы находим в книге о. Владимира Зелинского, заключается в том, что идеократия есть *нечто большее*, чем тоталитаризм, анализ которого был дан во многих исследованиях и прежде всего в классической работе Ханны Арендт. Не бывает тоталитаризма без идеологии, однако невозможно осмыслить феномен идеократии, оставаясь на уровне анализа политических обстоятельств и понимая при этом идеологию лишь как совокупность идей, принятых на вооружение правящим классом в качестве орудия его господства.

Идеократия — это не просто идеология как орудие господства в чьих-то руках, а само по себе господство, подчиняющее себе и правящих¹¹. Исток идеократии не в ницшеанской «воле к власти», а в поврежденности духовного начала в человеке, открытом лишь для сердечного

ведения и поэтому недоступного для познания, оперирующего сугубо внутримирскими сущностями и полагающего в качестве причины тоталитаризма искаженную социальность, но упускающего при этом из вида то, что и сама эта искаженная социальность есть лишь следствие поврежденной духовности. В свою очередь, кульминацией этой поврежденной духовности является фигура «идеократического посредника», своего рода коллективного «великого инквизитора», возникающего как результат утрамбовки масс овладевшей их «идеями», повергшей их в коматозное состояние и ставшей навязчивым призраком, избавиться от которого можно лишь трезвением и *наукой со-человечности*, о которой о. Владимир Зелинский говорит в своей книге.

Только лишь проникновение в духовный смысл произошедшей в XX веке катастрофы помогает понять, почему и как стала возможной реинкарнация, казалось бы, умершего мифа, унесшего за собой миллионы человеческих жизней, и как понесший все эти неисчислимые потери народ смог вновь поверить «в возвышенность тиранства и в благо вечных голод» (Давид Самойлов); каким образом ложное сознание идеократии, сбросив с себя оболочку материалистической доктрины, предстало уже в облике *чистой духовности*, противопоставляемой безбожному «материализму» Запада; и, наконец, как, напивавшись, подобно вампиру, кровью миллионов погибших в самой страшной войне прошлого столетия, этот миф обернулся мифом «великой победы», вытеснив саму совесть как *память* о той войне и потребовав уже новой крови и новых жертв во имя *каиновой войны* против народа, ранее называемого братским.

*Господство идеологии
может быть понято только
как результат перверсии,
вследствие которой «идея»
поглощает вещь*

---

*Проникновение в духовный
смысл произошедшей
катастрофы помогает
понять, почему стала
возможной реинкарнация
умершего мифа*

И последнее. Для меня, читателя, эта книга окружена атмосферой свободы, которой дышишь при ее чтении и которая побуждает к собственным размышлениям. Чтение ее доставляет радость, вопреки, казалось бы, тем отнюдь не радостным вещам, о которых в ней говорится. Но разве радость не приходит всегда вопреки обычным обстоятельствам, в которых «не дано нам развернуться от сил и сердца полноты» (Борис Пастернак)?

*Руслан Лошаков,
доктор философских наук*

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955–1974. Т. 42. С. 127.

² Важно отметить, что, критикуя в «Экономическо-философских рукописях» «грубый» коммунизм, «отрицающий повсюду личность человека», Маркс трактует его как «последовательное выражение частной собственности», то есть как возведенную в тотальность частность.

³ Жан-Поль Сартр как-то заметил, что буржуа видит мир через призму тех прав, которыми обладает. Но, скажем мы, в таком случае пролетарий видит мир через призму тех прав, которых он лишен. Оба взгляда являются социально и политически обусловленными и, следовательно, частичными.

⁴ Интересно, что коммунизм как «ближайшее будущее» полагается Марксом в ретроспективе возвращения человека в свою родовую сущность, т. е. в модусе прошлого. Вместе с тем Маркс не может сказать ничего определенного о том, что же представляет собой эта родовая сущность. Осмелимся предложить следующее решение этого вопроса: родовая сущность человека есть неповрежденный, целостный человек, то есть Адам до его грехопадения.

⁵ Поэтому Энгельс в самом конце своей брошюры «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» объявляет душеприказчиком этой философии немецкое рабочее движение.

⁶ Джордж Оруэлл очень пронизательно заметил это разделение на партию и пролетариат, показав в своей знаменитой антиутопии «1984» тоталитарное общество, поделенное, с одной стороны, на членов «внешней» и «внутренней» партии, а с другой стороны — на массу «пролов». И совсем удивительным является это разделение на класс и партию у Владимира Маяковского. Отвечая в своем стихотворении на смерть Есенина тем, кто усматривал причины самоубийства поэта в недостатке классового воспитания, Маяковский пишет: «...заменить бы вам богему классом, / Класс влиял на вас, и было б не до драк. / Ну, а класс-то жажду заливает квасом? / Класс — он тоже выпить не дурак». Однако для партии у Маяковского находятся совсем другие слова: «Мозг класса, сила класса, слава класса — вот что такое партия».

⁷ Именно поэтому в целом ошибочным является толкование партийной советской номенклатуры как нового класса, которое мы находим в известной книге М. С. Восленского «Номенклатура».

⁸ Джорджо Агамбен в своей очень глубокой книге «Оставшееся время» представляет партию как церковь, экспроприировавшую не только экспроприаторов, но и мессианское время. Агамбен пишет: «Когда *ekklesia*, то есть мессианское сообщество призванных, захотела придать себе организацию, отличную от самого сообщества, — и в то же самое время желая с ним совпасть, — проблема верного и непогрешимого учения (то есть проблема догмы) точно так же стала определяющей» (Агамбен Д. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 50).

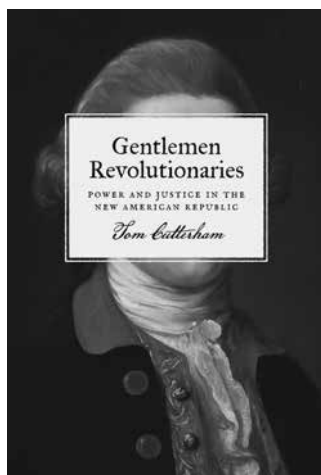
⁹ Понимая греческое слово *ἀπορία* в исходном его значении как безвыходное место, можно сказать, что внутри этой апории разворачивается вся политическая история СССР, в годы «перестройки» полностью истощившего себя в попытках выйти из апории.

¹⁰ Во второй главе «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин пишет: «Решительно никакой разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится “по ту сторону” явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), — это все пустой вздор, *Schrulle*, выверт, выдумка».

¹¹ Именно в этом отличие советского тоталитаризма от нынешнего российского политического режима, для которого идеология является лишь набором «ценностей», оппортунистически используемых для обоснования и укрепления собственной власти.

Максим Горюнов,
философ

Cutterham T. *Gentlemen Revolutionaries: Power and Justice in the New American Republic*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.

Другие берега

Как отмечают политологи, у русскоязычных читателей не так много возможностей увидеть, как демократия функционирует на практике. До революции в России существовала Государственная Дума с партиями, дебатами и т. д. К сожалению, этот опыт не лег в основу сколько-нибудь заметного художественного осмысления. Дума, появившаяся на свет после распада СССР, также осталась незамеченной писателями. Полки книжных магазинов, где могли бы стоять исторические романы о первых парламентских спорах в новой России, по-прежнему пустуют.

При этом можно годами читать на русском языке блестяще написанные объемные художественные тексты о тирании, боли и страдании. Как известно каждому школьнику, русская литература располагает целой библиотекой произведений о жалкой жизни на фоне масштабных злоупотреблений властью. И рядом с ней другая, не менее внушительная библиотека — о безнадежной борьбе с этими злоупотреблениями.

Когда учебник по литературе *de facto* превращается в хронику кривого и искаженного правления, это задает определенный тон. Более того, такая оптика сужает воображение, в том числе и политическое.

После русской литературы чтение книг о революции в Америке может вызывать затруднения. Порой требуется своего рода культурный перевод с условного «американского» на условный «российский», прежде всего потому, что этот опыт почти не сопоставим. Британский король не вполне сопоставим ни с российским царем, ни с советским генеральным секретарем; американские революционеры — не Ленин и не большевики.

Юристы против народа

В книге молодого британского историка Тома Каттерхэма «Джентльмены-революционеры: власть и справедливость в новой американской республике»*, как представляется, почти нет сюжетов, знакомых по российской литературе.

Автор утверждает, что революция в Америке была делом рук джентльменов: финансово независимых белых мужчин, как правило, с юридическим образованием, интересом к философии Просвещения и опытом того, что в России называют административной работой.

Что еще интереснее, их главными оппонентами после победы в Войне за независимость были те, кого трудно было назвать джентльменами: белые мужчины без состояния, репутации, собственности и образования — «народ», если переводить на постсоветский язык. Противостояние юристов и «народа» как ключевой сюжет революционных преобразований — поворот, непривычный для читателя, у которого в арсенале только один язык, русский. Как пишет автор, у юристов и «народа» были разные представления о справедливости и о том, какой должна быть новая страна.

Для джентльменов слово «демократия» несло негативные коннотации и означало власть некомпетентных граждан, ведомых популистами. Простые люди, в свою очередь, не всегда могли отличить новых людей в административных офисах от старых. С их точки зрения, глава штата, назначенный королем, и тот, кто якобы выиграл выборы, принимали подозрительно схожие решения, особенно в том, что касалось главного вопроса англосаксонской жизни — налогов.

*Автор утверждает,
что революция в Америке
была делом рук джентльменов:
финансово независимых
белых мужчин*

В начале книги представлены два портрета обычных американских джентльменов: известный всему миру Александр Гамильтон (человек с десятидолларовой банкноты) и его приятель Джон Лоуренс. Гамильтон родился в датском форпосте в Карибском море. Его родители умерли рано, и его воспитанием занимался коммерсант (по слухам, его внебрачный отец). Когда ему исполнилось двадцать лет, опекун снабдил юношу рекомендательными письмами и средствами и отправил учиться на север, в Бостон и Нью-Йорк. Гамильтон принял активное участие в революционных действиях и довольно скоро занял место помощника Джорджа Вашингтона, будущего первого президента страны. При Вашингтоне он близко сошелся с Джоном Лоуренсом, сыном влиятельного работорговца и владельца бескрайних рисовых плантаций в Южной Каролине.

---

* *Cutterham T. Gentlemen Revolutionaries: Power and Justice in the New American Republic. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.*

Благодаря финансовой поддержке семьи Лоуренс посещал юридические курсы в Лондоне, созданные для сыновей самых амбициозных колониальных семей. Гамильтон был куда беднее и образование имел далеко не столь блестящее. Оба знали французский и исполняли обязанности переводчиков — только французский Гамильтона был родом из карибского детства, тогда как Лоуренс мог позволить себе учить французский в Европе, у настоящих учителей. Несмотря на ощутимую разницу в финансовом положении, оба молодых человека считали себя джентльменами. Почему? Потому что оба придерживались определенных правил поведения.

Американский джентльмен бережно относился к своей репутации надежного человека. Прежде всего это касалось долгов и обязательств: долг должен быть отдан, взятые обязательства — выполнены. Ущерб репутации — например, слухи о том, что кто-то не возвращает долги — при необходимости можно было смыть на дуэли. Джентльменство — публичная роль, без публики в ней нет смысла, она требует постоянной

Джентльменство – публичная роль, она требует постоянной оценки и признания другими джентльменами

оценки и признания другими джентльменами. В каком-то смысле Гамильтон и Лоуренс постоянно находились на сцене, демонстрируя окружающим готовность жить по правилам. Гамильтон оказался рядом с Вашингтоном в

том числе потому, что его перу принадлежало несколько анонимных политических памфлетов. Он был талантливым полемистом — способность убеждать словом входила в обязательный перечень умений джентльмена.

Репутация имела и вполне практическое значение. Джентльмены дорожили добрым именем, поскольку без ононого они лишались доступа к по-настоящему высокодоходной деятельности. Во второй половине XVIII века банки выдавали кредиты, предварительно наведя справки о репутации человека в обществе. Также поступали и компании в поисках тех, кто способен выполнить контракт. История выплаченных кредитов и выполненных контрактов тесно переплеталась с семейной репутацией, с добрым именем отца, деда и прадеда, с тем, как часто джентльмен посещал церковь, кофейни и т.д. В мире, где знания о человеке были ограничены, оценивалась вся доступная информация.

Автор отмечает, что у американцев было одно принципиальное отличие: американский джентльмен должен был участвовать в коммерческой деятельности. Юрист, врач, военный, священник, управляющий — но только не работа руками. Британские правила были еще строже: нужно было владеть землей, жить за счет ренты, не зависеть от жалования. В идеале британский джентльмен не работал вовсе. Он мог пойти в армию, в церковь или заняться политикой, но не ради заработка, а следуя призванию. Превращать призвание в источник дохода считалось неприличным.

Пожалуй, самая яркая история противостояния американских джентльменов и их соперников из «народа» рассказана в третьей главе книги и касается конфискации имущества сторонников короля. Далеко не все жители британских колоний поддерживали независимость и тем более республику. И на юге, и на севере были те, кто оставался верен британскому королю и британскому парламенту. Лоялисты не были пассивны: у них имелись собственные вооруженные отряды, они воевали на стороне британской армии — и, как отмечают современные исследователи, их методы порой были шокирующе жестокими.

Когда британская армия ушла, вопрос возмездия стал одним из главных. Помимо очевидного желания расправиться с бывшими врагами, надо было решать еще и экономические проблемы. Например: может ли солдат армии Вашингтона, чью ферму сжег отряд роялистов, получить компенсацию, продав собственность соседа-роялиста, бежавшего в Канаду?

Не менее остро стояли вопросы международных военных долгов. Годы борьбы за независимость обошлись американцам в громадную сумму, которую нужно было отдавать. Повышать налоги в стране, чья экономика разрушена — заведомо непопулярная мера, Особенно когда в каждом штате имеются сотни владений сторонникам короля. Идея покрывать государственные долги за их счет многим казалась естественной. В самом начале революции джентльмены тоже считали конфискацию приемлемой практикой: лишение имущества было важным инструментом наказания тех, кто помогал британской армии.

Однако после победы, по мере того как идея конфискаций набирала популярность среди рядовых американцев, ситуация изменилась. Наиболее дальновидные задумались о том, что будет, если в новой стране утвердится механизм лишения собственности за политическую нелояльность? Можно ли оставаться собственником, когда в любой момент тебя могут лишить прав на свой дом за то, что твои взгляды или поступки не понравились согражданам?

Угроза оказаться в ситуации постоянных конфискаций казалась вполне реальной. Автор приводит слова Джона Адамса о том, насколько неуправляемыми стали колонии после революции: рядовые американцы готовы были разрушать даже те устои, которые казались незыблемыми для общества. У революционных настроений, как выяснилось, долгое эхо. Даже когда в американских правительственных зданиях не осталось ни одного британца, желание перевернуть мир никуда не делось.

Для джентльменов право собственности было священным. Само их решение поддержать революцию основывалось на убеждении, что

*Американцы готовы были
разрушать даже те устои,
которые казались незыблемыми.
У революционных настроений
долгое эхо*

британский парламент не считает их полноправными собственниками, отказывая им в праве голоса при обсуждении налогов. Когда угроза институту собственности стала очевидной, начался любопытный процесс: сторонники революции, многих из которых король в свое время обещал повесить, встали на защиту прав своих недавних врагов. Справедливости ради, эти недавние враги, как правило, были им родней: двоюродными, троюродными братьями, женатыми на сестрах и т.п. С точки зрения рядовых американцев, такая защита выглядела как прямое предательство. Люди одного социального круга, с одинаковыми библиотеками в дорогих домах на лучших улицах, великодушно прощали друг другу лояльность королю, тогда как простые американцы, занятые выживанием, должны были платить все новые и новые налоги. Справедливо ли это?

Автор приводит в пример показательную историю — судебный процесс «Ратгерс против Уоддингтона» (*Rutgers v. Waddington*) в Нью-Йорке. Ратгерс была хозяйкой пивоварни, когда в порт вошли военные корабли короля. Будучи сторонницей республики, она бежала из города вместе с другими патриотами. Ее пивоварню захватил уроженец британских островов Уоддингтон. Он жил в ее доме и получал доходы с ее пивоварни все время, пока Нью-Йорк был под оккупацией. Когда в город вошла континентальная армия, Ратгерс вернулась и обнаружила свою пивоварню работающей и приносящей доход, а свой дом занятым роялистом. Уоддингтон не уплыл обратно в Лондон. Благодаря своим джентльменским связям он делал карьеру в молодой республике. Вместе с упомянутым Гамильтоном он стал директором недавно созданного Банка Нью-Йорка.

Мнение рядовых горожан было однозначным: публично поддерживая короля, Уоддингтон воспользовался бегством хозяйки, годами получал прибыль и должен за это заплатить. Ратгерс подала в суд, требуя астрономическую сумму в 8000 долларов, и горожане поддержали ее требование. Защитой Уоддингтона в суде занялся сам Гамильтон, в

*Штаты появились,
когда была подписана
конституция*

итоге хозяйка получила всего 800. Обвиняемый остался в городе, продолжил строить карьеру и вырастил десятерых детей. Его потомки занимали лучшие должности в городе на протяжении следующих ста с лишним лет.

Как бы двусмысленно это ни выглядело, Гамильтон и его сторонники были убеждены: в долгосрочной перспективе разорение Уоддингтона причинило бы республике больше вреда, чем пользы.

В центре книги американского историка Джозефа Дж. Эллиса с интригующим названием «Квартет: Организация Второй американской революции, 1783–1789 гг.»* тоже противостояние новых элит и рядовых жителей колоний. В отличие от британского автора, Эллис описывает сюжет, более знакомый российскому читателю. Четыре человека,

* *Ellis J. J. The Quartet: Orchestrating the Second American Revolution, 1783–1789. First Large Print ed. New York: Random House Large Print, 2015.*

пользуясь своим положением, шаг за шагом ведут молодую страну в направлении, которое не всегда понятно остальным. Эти четверо — Вашингтон, Джей, Гамильтон и Мэдисон — по сути, устраивают революцию после революции.

По мнению автора, нынешние Соединенные Штаты появились не в 1776 году, когда была объявлена независимость от короля, и не в 1783 году, когда король признал независимость тринадцати колоний. Штаты появились в 1789 году, когда была подписана конституция. Дорога к конституции заняла шесть лет, и если бы не эти четверо, она вряд ли была бы пройдена.

Против конституции выступала партия, которую Эллис называет конфедералистами. С их точки зрения, первая революция избавила американцев от обязанности платить налоги монарху, и теперь, после подписания мирного договора, можно было вернуться в свой штат и жить свободно, без центральной власти.

Для конфедералистов тринадцать колоний — это тринадцать суверенных государств со своими отдельными интересами и национальными характеристиками. Во время войны они держались

Четыре человека шаг за шагом ведут молодую страну в направлении, которое не всегда понятно остальным

вместе перед лицом общей угрозы. Когда империя отказалась от своих претензий, каждый штат стал сам по себе. Конфедералисты считали, что цель революции — возможность для каждого штата жить отдельно, без вмешательств со стороны, с минимальными налогами, с регулярными выборами, практически без армии и без банков. Тезис о том, что победа над британцами принесла свободу в том числе и от банков, находил отклик прежде всего на юге. Мерой богатства там была земля, которая давала урожай или кормила скот. Денежные операции, сложные кредиты и все, что с ними связано, ассоциировались с британцами.

Как нетрудно догадаться, конфедералисты представляли интересы скорее не джентльменов. Люди, занятые ручным трудом, требовали снизить налоговое бремя до минимума, а лучше убрать его совсем. Жизнь на фронтире в окружении девственного леса была слишком тяжелой и непредсказуемой; «излишки» могли пригодиться завтра. С их точки зрения, было вполне допустимо, например, игнорировать военный долг. Отдельные штаты, следуя пожеланиям своих налогоплательщиков, раз за разом уклонялись от выплат, тем более что у столицы не было инструментов принуждения. Когда кредиторы спрашивали у послов США, когда же их республика расплатится за военные поставки, тем приходилось скрывать тот факт, что Штаты просто не могли заставить своих граждан платить.

Такое положение дел устраивало тех, кто находился на нижних этажах экономической лестницы. Отсутствие налогов — вот как они представляли себе свободу на практике. Для тех же, кому приходилось иметь

пределами своего штата. Если федеральная столица станет сильнее, где гарантии, что со временем она не превратится в новый Лондон? И даже если в этой столице будут представители, которых ты сам выбрал, в вопросах доверия расстояние имеет значение. Представитель, который проводит большую часть времени вдали от тех, кого представляет, рано или поздно забудет о своих обязательствах.

По словам автора, согласие генерала Вашингтона принять участие во второй революции имело принципиальное значение. Он привел армию тринадцати штатов к победе, сделав все возможное, чтобы избежать обвинений в намерении узурпировать власть. Он был воплощением революционного духа, стоящего над всеми партиями. И он же, как следует из архивов, как никто другой видел слабости нового государства. В ходе войны ему пришлось уговаривать своих офицеров, которым годами не платили жалованье, не поднимать мятеж. Денег не было, потому что гражданские власти были слишком слабы, чтобы найти необходимые средства. В итоге жалованье американским борцам за свободу выплачивал король Франции. Этот факт многое говорит об искусстве и удачливости первых американских дипломатов и одновременно намекает на проблемы общества, чья революционность зашла слишком далеко.

«Квартет» не устроил заговор, но начал долгую кампанию по убеждению избирателей в необходимости сильного центра и новой конституции. Кампания длилась годы, и ее главный тезис сводился к тому, что у американцев есть только два варианта. Либо все остается как есть — и тогда в следующие десятилетия народные восстания и неизбежное вторжение заморской армии поставят точку в американском эксперименте. Либо штаты собираются еще раз, принимают конституцию, учреждают министерства и департаменты по образцу Великобритании и Нидерландов, выбирают президента — и тогда у них есть будущее.

У их соперников была масса весомых возражений. К примеру, оказавшись в более тесном союзе, штаты смогут облагать друг друга налогами. Допустим, граждане Вирджинии не одобряют новый налог, а двенадцать других штатов одобряют. Что тогда? Граждане Вирджинии окажутся обязаны платить налог, введенный без их согласия кем-то за границами их родного штата. Чем эта ситуация принципиально отличается от налогов, которые налагал на американцев британский парламент? По словам автора, это и многие другие возражения Вашингтон и остальные предпочли обойти стороной. Действуя в логике наименьшего зла, они считали разумнее жить с противоречиями, чем однажды потерять все.

Согласие Вашингтона принять участие во второй революции имело принципиальное значение. Он привел армию к победе

Иван Беляев, журналист

«Ты, сеятель, храни свою соху...»

Сравнительные размышления к юбилеям Анджея Вайды и Вацлава Гавела

К интеллигенции принадлежит лишь тот, кто мучается подлинностью своего отношения к правде.

Ян Паточка

Если вам кажется, что в какой-то момент правильнее вести себя как Гус — ведите себя как Гус. Покажется ли, напротив, что эффективнее вести себя как Швейк — ведите себя как Швейк!

Вацлав Гавел, август 1968 года

Сейчас, когда я пишу эти слова, сторонники компромисса добились некоторого перевеса над фракцией непреклонных.

Збигнев Херберт (пер. Алексея Цветкова)

6 марта Анджею Вайде исполнилось 100 лет, польский Сенат объявил его одним из культурных «покровителей» этого года. 5 октября будет отмечаться 90 лет со дня рождения Вацлава Гавела — годовщина, которая также явно не останется без внимания в Чехии.

Они были знакомы лично, Гавел приглашал к себе Вайду вскоре после бархатной революции. Позже случалось им встречаться и в Польше. «Его точка зрения на мир, точка зрения на справедливость основана на том, что только интеллигентный человек может противостоять злу, что только интеллигентный человек может противостоять тоталитаризму, что единственное, чего не может выдержать тоталитаризм, — это интеллигентность и чувство юмора», — говорил Вайда о пьесах Гавела¹. «Я восхищался свободомыслящим польским духом и тем особым героизмом, который веял на меня из польской культуры и который где-то в глубине души был мне милее, чем вечный скептицизм, а порой даже культ посредственности и приниженности, которые так часто проявляются в чешской литературе», — отвечал Гавел с трибуны польского Сейма, признаваясь, что несколько раз пересматривал вайдовский «Канал»².

Насколько уместен разговор об этих двух фигурах в одном контексте? Вайда в первую очередь человек кино и театра, хотя поддерживал и «Солидарность», и переговоры за Круглым столом, а в 1989 году сам стал сенатором и рассматривался на должность министра культуры Польши. Гавел, безусловно, человек театра (в юности, кстати, мечтавший и о кино), но силой истории вынесенный в диссидентское движение, потом попавший в тюрьму, а потом и в большую политику. Рядом с фигурой Гавела чаще всего ставят

*Вот два творческих интеллигента,
каждому приписывают вклад
в победу над коммунизмом. Одного
диктатура держала в тюрьме,
другого официально выдвигали
на «Оскар»*

Леха Валенсу как лидера протестов, героя политической трансформации, первого некоммунистического президента. Но Валенса — человек совершенно иного склада и иной биографии. Сложно представить себе Гавела лидером миллионного профсоюза и организатором забастовок. А режиссером чехословацкой новой волны, наоборот, намного проще.

С одной стороны, перед нами два творческих интеллигента, каждому из которых приписывают вклад в победу над коммунизмом. С другой стороны, когда одного из них коммунистическая диктатура держала в тюрьме, другого — тоже живущего при диктатуре — официально выдвигали на «Оскар»... Но теперь обо всем этом подробнее.

Анджей Вайда на десять лет старше. Эта разница с годами нивелируется, но в начале жизни важна: Вайда в совершенно сознательном возрасте застал Вторую мировую войну. Формально он даже был бойцом Армии Крайовой, хотя подполье прошел по касательной, о чем потом часто вспоминал. Он писал в дневниках и не раз говорил в интервью, что его первые фильмы о том, что ему самому пережить не довелось, в том числе Варшавское восстание. Гавелу же даже в самом конце войны еще не было и девяти лет, к тому же немецкая оккупация Чехии и Польши несравнима с точки зрения жестокости и вторжения в людские судьбы.

В конце сороковых Вайда поступает в Академию изящных искусств в Кракове, Гавел учится в престижном лицее в Подебрадах, кстати напрямую связанном с историей кино: там же учились Милош Форман и — как сын польских дипломатов — будущий сценарист и режиссер Ежи Сколимовский, соавтор Вайды по «Невинным чародеям». Среди пятидесятих: Вайда уходит из живописи в кино и снимает свои первые фильмы, которые быстро приносят ему славу, награды и репутацию выдающегося режиссера; Гавел дебютирует как поэт и литературный критик.

В это время их дороги могли бы сблизиться: Гавел пытается поступить в чешскую киношколу FAMU, но его не берут из-за «буржуазного происхождения». Мало того, что его отец был преуспевающим

девелопером, так еще и его родной дядя — кинопродюсер Милош Гавел, стоявший у истоков чешского кино еще в тридцатые, а затем сотрудничавший с нацистами. Послевоенный кинематограф во многом создавался руками бывших коллаборационистов, но сразу после войны нужны были показательные жертвы, и одной из них стал дядя Гавела. К слову, заметим, Вайда — сын офицера, попавшего в советский плен и там убитого, курьер Армии Крайовой. Тем не менее никаких серьезных преград на его карьерном пути не было: он спокойно учился в Кракове и так же спокойно перешел в лодзинскую киношколу, где быстро пошел в гору.

Центральная и Восточная Европа медленно отряхивается от сталинского наследия и ищет новые формы существования внутри советского блока. В Польше этот поиск воплощается в фигуре Владислава Гомулки и событий октября 1956 года. Начинается оттепель, на волне которой как

*Миф Пражской весны во многом
заслонил предшествовавшие ей
чехословацкие 60-е*

раз были сняты «Канал» и «Пепел и алмаз». В Чехословакии период квазисталинизма тянулся дольше, здесь реальная оттепель начинается в 1960 году и связана с именем

Антонина Новотного. «Это была исторически очень интересная эпоха, когда в нашей части света впервые начала раскручиваться карусель надежд и разочарований, половинчатых исправлений ошибок и половинчатых отмен этих же исправлений, карусель возрождаемых идеалов и их новых предательств», — вспоминал Гавел гораздо позже³.

В начале шестидесятых у Вайды случается первый серьезный творческий кризис: «Лётна» и «Невинные чародеи» не так успешны, как его предыдущие фильмы, и он сам недоволен результатом. Вацлав Гавел, напротив, входит в первый период большого профессионального признания: его пьесы с успехом ставятся в Праге, начинают переводиться, он много путешествует по Европе.

Нельзя сказать, что Чехословакия в этот момент свободнее Польши, но важно само направление движения: в Польше политические достижения октября откатываются назад, а Чехословакия открывает себе и миру. Миф Пражской весны во многом заслонил предшествовавшие ей чехословацкие шестидесятые — хотя Новотный мог казаться (а скорее, просто был) ригидным социалистическим бюрократом, это был отрезок подлинной оттепели, в том числе и в культуре. Отношения Пражской весны и эпохи Новотного скорее диалектичны: 1968 год отвергал многое из того, что считал косным и устаревшим, но сам прорастал из этой оттепели.

Интересен здесь перелом шестидесятых-семидесятых. Гавел охотно цитировал Джона Леннона, называвшего семидесятые дерьмом. Эпоха нормализации, пришедшая после военной интервенции стран Варшавского договора, выбивает его из круга официальной культуры, его вещи исчезают с подмостков больших чехословацких театров (они при этом

Кадр из фильма Анджея Вайды «Человек из железа». 1981

шли в Польше, спектакль по его автобиографическим пьесам поставил в Варшаве кинорежиссер Феликс Фальк — один из пионеров «кино морального беспокойства»). Во второй половине семидесятых на свет рождается главное детище чешской интеллектуальной оппозиции — «Хартия-77», но вскоре Гавел дважды попадает в тюрьму, причем второй раз — на четыре года.

Для Вайды семидесятые — время творческого взлета, увенчанного экранизацией «Земли обетованной», по сей день признанной критиками лучшим фильмом в истории польского кино, а затем — «Человеком из мрамора», вместе с еще несколькими фильмами открывшим новую страницу в остросоциальном польском кинематографе.

Этот рассинхрон, конечно, вновь не чисто биографический. В Чехословакии господствует нормализация, олицетворяемая Густавом Гусакком. В Польше кровопролитие декабря 1970 года лишило власти Гомулку и вознесло на высший пост в стране Эдварда Герек, человека еще относительно молодого, слабо связанного со старыми элитами сталинских времен, долго жившего во Франции и Бельгии. Герек уже много лет был секретарем партии в Верхней Силезии — большом промышленном регионе, где заслужил себе славу руководителя-технократа, а не идеолога.

Его подход к управлению распространяется на всю страну. Власти говорят об экономике и качестве жизни, в Польше строится рекордное количество жилья, начинают массово выпускать легковые автомобили.

Правящая партия расширяет пространство частной жизни и свободы творчества. В отличие от последних лет правления Гомулки, когда власти ПНР находились в состоянии острого противостояния с католической церковью, напряжение заметно ослабевает и здесь.

Нельзя сказать, что Польша не переживает серьезных потрясений. В 1976 году сразу в нескольких городах пылают партийные комитеты. В той самой Лодзи, где Вайда снимает «Землю обетованную», успешно бастуют текстильщицы. Тем не менее по-настоящему втягивает Вайдю в политику появление «Солидарности». Летом 1980 года после коротких обсуждений с товарищами режиссер решает, что нужно срочно ехать в Гданьск. На бастующей судовой верфи его узнают, пропускают внутрь, хва-

Результат этих переговоров для большинства стран соцлагеря немислим: несколько фильмов лягут на полки, но их позволяют доснять

лят «Человека из мрамора». Якобы уже тогда в толпе рабочих прозвучало название будущего фильма — «Человек из железа». 10 сентября Вайда конспектирует в дневнике свое обращение к иностранным гостям гданьского

кинофестиваля: «Случившееся не было сюрпризом. Мы были к этому готовы... Вспомните наши фильмы как объяснение того, что случилось: “Защитные цвета”, “Кунг-фу”, “Провинциальные актеры”, “Кинолюбитель”, “Человек из мрамора”... Это попытка не ухода, а возвращения к социализму в Польше»⁴.

Но «карнавал “Солидарности”», сбросивший с вершины власти «технократа» Герека, длился в Польше недолго. В конце 1981 года генерал Ярузельский вводит в стране военное положение. Трудно сказать, можно ли сравнивать этот период с первыми днями операции «Дунай», но настроение у наших героев в это время разное. Вторжение застало Гавела в городе Либерец, где он несколько дней вел эфиры на местной радиостанции, призывая к гражданскому сопротивлению. Он не терял надежды и в ближайшие месяцы, тем более что участь реформ в Чехословакии не казалась окончательно предрешенной, а лидеры Пражской весны формально еще оставались на своих местах.

Вайда в 1981 году погружен в уныние. «Страна лежит как человек с перебитым позвоночником, из ее уст доносится только какое-то неразборчивое бормотание. Научится ли она снова говорить? Сегодня один разумный совет: оставить ее в этом положении, не трогать, не умножать страданий... Но кто сможет ее вылечить?» — пишет он в дневнике⁵. С другой стороны, как художественный руководитель кинообъединения он вынужден вести переговоры с властями: необходимо отстоять еще незаконченные фильмы своей студии. И результат этих переговоров для большинства стран соцлагеря просто немислим: хотя несколько фильмов лягут на полки, но их позволят доснять, в том числе, например, отчаянно антисталинский «Допрос» Рышарда Бугайского.

До второй половины восьмидесятых Вайда живет в режиме полуэмиграции: снимает кино в Германии и Франции, мало времени проводя в Польше. К слову, почти тогда же Гавел мог получить американскую театральную стипендию и поехать в Нью-Йорк — под эту договоренность власти Чехословакии были готовы выпустить его из тюрьмы, но он отказался подписывать прошение о помиловании и остался за решеткой. Вайда же в 1983 году записывает во Франции такие строчки: «Остаться тут... С какой перспективой? Производство фильмов может остановиться в любой день. Остается телевидение в руках левых интеллектуалов, для которых я трус, который, не понимая исторической ситуации, бежит из собственной (социалистической, как бы то ни было) страны. Для чего бы меня пожалели — ради польской культуры, моего значения для нее? В конце концов, я сам все это перечеркнул, став на стороне бунтующих... Был интеллектуалом и должен был знать, что бунт — сопротивление самой истории»⁶. До волны 1989 года, которая уничтожила в Центральной и Восточной Европе режимы «народной демократии», оставалось тогда пять с небольшим лет...

Может, в этой точке биографии наших героев могли бы сблизиться? Но нет, фактически их пути разошлись еще сильнее: Вайда был сенатором один срок, но больше политикой не занимался и остался тем, кем был, — режиссером театра и кино. Гавел стал президентом Чехословакии, потом, после небольшого перерыва, Чехии и пробыл им до 2003 года. За всю оставшуюся жизнь после бархатной революции он напишет всего одну пьесу. Ниже выдержка из интервью с Вайдой.

Еще один вопрос. Взаимоотношения искусства и власти, политики. Поход интеллигенции или людей культуры во власть. Это хорошо или плохо? Может, это может смягчить нравы?

Анджей Вайда: У нас нет такой проблемы, поскольку у нас демократия. А демократия нуждается в том, что посредственно. Она выбирает среднее. Единственным исключением в европейской политике был Гавел. Прекрасное стечение обстоятельств, которое показало, что чехи намного более организованный народ. Все перемены произошли под его зонтом. У нас в Польше этого бы не получилось⁷.

Чуть выше уже было сказано, что разница между поступками наших героев и их жизненным выбором часто диктовалась духом времени, а не только темпераментом и характером. Порассуждаем об этом еще немного, взяв за основу цитату из статьи польского историка Дариуша Столы:

«Первичная ПНР» — это советские образцы организации государства, экономики и общественной жизни в целом, которые особенно интенсивно навязывались Польше во времена правления Берута. Сталин однажды сказал, что нет смысла навязывать Польше коммунизм, потому что это было бы все равно что седлать корову. Следуя этой метафоре, можно сказать, что позже он все-таки оседлал корову, а поскольку седло не подходило, он

подогнал под него корову, обтесав ее топором. В постсталинский период отказались от самых жестоких методов приспособления, но седло осталось (хотя и несколько ослабленное)... Так называемое одомашнивание коммунизма было процессом взаимного приспособления: наряду с ограниченными реформами режима шло приручение и принятие того, что представлялось неизменным и неизбежным. Именно так сформировалась «вторичная ПНР» — формы и правила общественной жизни, возникшие непреднамеренным образом в реакции на «первичную ПНР», нередко вопреки ей или рядом с ней, но всегда связанные с ней, характерные для жизни в «реальном социализме»⁸.

Но почему «вторичная ПНР» при этом оказалась — по крайней мере, на большинстве отрезков своей истории — более либеральной и инклюзивной, чем «вторичная ЧССР»?

Стоит вспомнить, что принадлежность к социалистическому лагерю Польше была навязана силой, когда сам этот лагерь еще даже толком не появился, фактически еще до окончания Второй мировой войны. Че-

Разница между поступками наших героев и их жизненным выбором часто диктовалась духом времени, а не только темпераментом и характером

хословакия же несколько лет колебалась на краю железного занавеса, чтобы только в 1948 году ступить на его восточную сторону, причем к этому привела весьма весомая общественная поддержка коммунистов. Кстати, полноценный сталинизм в

Польше, как вспоминают, начался примерно в 1949 году, то есть тогда, когда окончательно оформился раздел Германии и сделала свой коммунистический выбор Чехословакия.

Еще задолго до войны обе страны имели принципиально разный опыт взаимодействия с Россией. У поляков позади была полуторавековая история разделов, угнетения и подавленных восстаний, чехи же ни с чем подобным не сталкивались. В XIX веке пророссийское славянофильство в чешских землях было в порядке вещей. Ситуация осложнилась между мировыми войнами с возникновением образа коммунистической угрозы, но и тогда в Чехословакии не появилось ярко выраженных антирусских настроений. В конце Второй мировой просоветская позиция часто формулировалась при помощи панславистских лозунгов.

После войны коммунистическая партия быстро стала самой многочисленной и влиятельной в стране; в 1946 году она на самом деле выиграла парламентские выборы. Поляки, приехавшие работать в ЧССР еще в шестидесятые, удивлялись тому, как много в Чехословакии социалистической символики и лозунгов, посвященных дружбе с Советским Союзом, и одновременно бытового русофильства⁹. По-настоящему решительным ударом по этому русофильству стало лишь вторжение 1968 года.

В Польше исторический опыт разделов и восстаний, а также связанный с ним дискурс никуда не исчезали. В не вошедшем в фильм «Пепел и алмаз» диалоге из романа Ежи Анджеевского один из героев, старый социалист, с горечью говорит о захватническом духе русского империализма и о том, что через несколько лет Польши уже не будет. А один из сквозных мотивов фильма Вайды — неустанно марширующие по городу советские солдаты, ни во что не вмешивающиеся, но вездесущие.

Неслучайно для поляков в годы оттепели важен был определенный символический уход от русского и советского, включая, например, изгнание с поста министра обороны маршала Рокоссовского. Но вот непреложный факт: польская интеллигенция шла на сотрудничество с новым режимом даже в его худшей сталинистской версии

У поляков позади была полуторавековая история разделов, угнетения и подавленных восстаний, чехи же ни с чем подобным не сталкивались

на переломе сороковых-пятидесятых. Дело здесь вовсе не в идеологическом ослеплении, о котором писал в «Порабощенном разуме» Чеслав Милош. В стране, скорее, оживала в новой форме традиция позитивизма XIX века.

Здесь стоит подчеркнуть, что сама концепция «второй» или аналогичной оккупации сомнительна морально и слаба исторически. В Польше многие со страхом и тревогой воспринимали пришествие советской власти, но абсолютное большинство отдавало себе отчет в том, что эта власть не равна нацистской. Ученики историка Тадеуша Мантейфеля повторяли его слова о том, что пришло время создавать университеты, а не партизанские отряды¹⁰. «Даже в семнадцатой республике кто-то должен будет строить мосты и преподавать биологию», — говорит герой вайдовского «Перстенька с орлом в короне».

«Слонимские и Ивашкевичи работают над тем, чтобы в Польше уже никогда не было ни Слонимских, ни Ивашкевичей. Это философия евреев, которые помогали жечь в крематориях других евреев в надежде, что так спасутся от истребления», — со злостью писал об этом из Лондона публицист Юлиуш Мерошевский¹¹. «Должны ли мы были не создавать нашего кино, раз оно служило коммуне? Для настоящего артиста нет плохого времени. Соцреализм не повредил Врублевскому, а, может, как раз усилил его. Военное положение не помешало Кесьлевскому создать “Декалог”», — в каком-то смысле полемизирует с ним через десятилетия Вайда¹².

В 2019 году вышла любопытная книга «Психология Круглого стола». В нее вошла большая панельная дискуссия с участием нескольких историков и непосредственных участников событий. И вот что профессор Януш Рейковский, участник переговоров со стороны правительства, говорит там о природе победившего в Польше компромисса (для краткости оставляем два пункта из перечисленных им четырех):

Во-вторых, эти люди отчетливо хранили в памяти военный опыт, в особенности поражение Варшавского восстания и его последствия... Они отдавали себе отчет, что события эти стали результатом специфического, мартирологического мышления о польских делах, убеждения, что для блага Польши нужно пролить как можно больше крови и это ее единственное спасение. Стратегия, возникшая из этого способа мышления, привела к огромной национальной катастрофе. Нужно было сделать все, чтобы это не повторилось.

В-третьих, люди эти помнили также и о гражданской войне, которая стоила жизни тысячам поляков, а еще многим жизнь поломала. Одной из важнейших ее причин была неспособность реалистично взглянуть на положение нашей страны. Неспособность понять, что другой Польши просто нет, а в ее жизненных интересах — не новое кровопролитие, а концентрация энергии поляков¹³.

Заметим, что эти слова звучат в унисон Вайде. Вот выдержка из интервью с режиссером к очередной годовщине выхода «Канала»:

Я был среди тех людей, которые окружали Леха Валенсу в августе 1980 года, и знаю, как многие пытались подтолкнуть его к конфронтации — уговаривали «взять коммуну за горло». Однако Лех своим крестьянским умом понимал, что прежде всего «у нас нет пушек». Я пытался показать в своем фильме о Валенсе, насколько последовательно он проводил свою точку зрения. И в результате благодаря этой последовательности мы одержали бескровную победу и не понесли тех страшных потерь — тысяч молодых людей, сотен тысяч жителей Варшавы и разрушения города. 4 июня 1989 года — это исключительная дата в нашей истории¹⁴.

И вот парадокс: коммунистическая власть в Польше отдавала себе отчет, что союз интеллигенции с ней — вынужденный и холодно-рациональный, именно это обуславливало более гибкую тактику со стороны партии. В Чехословакии же, где после войны настроения мастеров культуры были преимущественно прокоммунистическими, а через очарование социализмом прошли даже такие в будущем его непримиримые критики, как Павел Когоут или Милан Кундера, отношение власти

*Стратегию Гавела
можно свысока назвать
рафинированной.
Стратегию Вайды —
конформистской*

к интеллигенции оставалось неизменно высокомерным. Сложно представить в Польше чехословацкую «Антихартию» — ситуацию, когда власти заставили сотни, а в случае с менее известными именами — даже тысячи деятелей культуры открыто присягнуть на лояльность и громко осудить отщепенцев.

Можно сказать, что в Польше никогда не было того, что Вацлав Гавел в «Открытом письме Густаву Гусаку» назвал «чехословацким политическим апартеидом»¹⁵. И в то же время, когда он писал это письмо и эссе «Сила бессильных», Анджей Вайда советовал Даниэлю Ольбрыхскому не подписывать протестных петиций, мотивируя это тем, что тот может больше сделать в качестве актера.

Сцена из пьесы Вацлава Гавела «Охота». 2010

«Жизнь в правде» как форма протеста человека против навязанного ему положения является альтернативной попыткой вернуть себе свою собственную ответственность, что есть, безусловно, акт нравственный. Не только потому, что человеку приходится так дорого расплачиваться за него, а прежде всего потому, что это не сулит никакой конкретной выгоды: так сказать, «окупиться сторицей» в виде оздоровления общей обстановки этот акт может, но не обязательно; в этом смысле речь идет, как я уже заметил, об «игре ва-банк», и едва ли можно представить, чтобы трезвомыслящий человек включился в нее только в расчете на ту ренту, какую завтра принесет его сегодняшняя жертва — пусть даже в виде общей благодарности («Сила бессильных»)¹⁶.

Итак, перед нами два выдающихся интеллектуала Центральной (или Восточной) Европы. Стратегию Гавела можно свысока назвать рафинированной. Стратегию Вайды — конформистской. Гавел пишет о «жизни в правде» как концепции отрицания любой политической лжи. Вайда признается в неискренности сам: «Подлинная и личная тема Катяни — согласие с советской интерпретацией. У меня убили отца, а я ничего. И этой ценой живу. Боролся как мог, но Гомулку не хватил инфаркт от просмотра “Пепла и алмаза”, а Герек — от того, что он увидел Валенсу в “Человеке из железа”»¹⁷.

Легко заметить, что эволюция Гавела в значительной степени диктовалась внешними обстоятельствами, и он искал форму высказывания, адекватную этим обстоятельствам. Не он уходил из поля легальной культуры, его оттуда выдавил режим нормализации. Сам же Гавел

пользовался всеми доступными ему трибунами — как, например, зимой 1969 года, когда он выступил на еще отчасти свободном телевидении после самосожжения Яна Палаха, — в соответствии с собственными словами, сказанными в одном из радиообращений из Либереца: в одних ситуациях ведите себя как Гус, а в других как Швейк. Много лет спустя Гавел с гордостью вспоминал, что в 1989 году, за полгода до бархатной революции, многие чешские артисты, ранее не боровшиеся с режимом, открыто выступили против его ареста. Гавел считал это доказательством того, что не был изолирован в диссидентской башне из слоновой кости и хорошо устанавливал связи с далекими от политики людьми. Важно здесь отметить и то, что в девяностые годы оба наших героя выступали против попыток делить общество на лучших и худших, на смелых и трусливых: Гавел пытался наложить вето на закон о люстрации, а Вайда открыто критиковал польский Институт национальной памяти.

«Только за одним из нас может быть правда», — говорит герой Адама Павликовского в «Пепле и алмазе», прощаясь со своим уже бывшим другом и напарником. Но, как писал Иосиф Бродский в «Остановке в пустыне»: «Ты, сеятель, храни свою соху, а мы решим, когда нам колодиться». Трагический символизм «Пепла и алмаза» и гавеловский театр абсурда, острый социальный анализ «кино морального беспокойства» и диссидентский этос «Хартии-77» — лишь способы сохранить эту соху. Разные, но не взаимоисключающие.

Примечания

¹ <https://wajda.tvp.pl/89584254/andrzej-wajda-o-vaclavie-havlu>

² <https://archive.vaclavhavel.cz/File/Show/157117>

³ <https://archive.vaclavhavel.cz/File/Show/156869>

⁴ *Wajda A. Notesy 1942–2016. Wybór.* Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2024. T. 2 (1979–1988). S. 94.

⁵ *Ibid.* S. 197.

⁶ *Ibid.* S. 266–267.

⁷ <https://rg.ru/2004/02/25/vaida.html>

⁸ <https://archiwum.rp.pl/artukul/750546-Pozytki-z-osiedlania-krowy.html>

⁹ *Bocznymi drogami. Nieoficjalne kontakty społeczeństw socjalistycznych 1956–1989.* Warszawa: Trio, 2010. S. 301.

¹⁰ *Kierys A. Paweł Jasienica — próba portretu intelektualnego // Sensus Historiae.* 2019. No. 4. T. XXXVII. S. 52.

¹¹ *Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 170.

¹² *Wajda A. Notesy 1942–2016. Wybór.* Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2024. T. 3 (1989–1999). S. 467.

¹³ *Psychologia Okrągłego Stołu.* Sopot: Smak Słowa, 2019. S. 98–99.

¹⁴ <https://dzieje.pl/filmy/wajda-kanal-pokazal-jak-daleko-ludzie-sa-zdecydowani-zajsc-dla-idei>

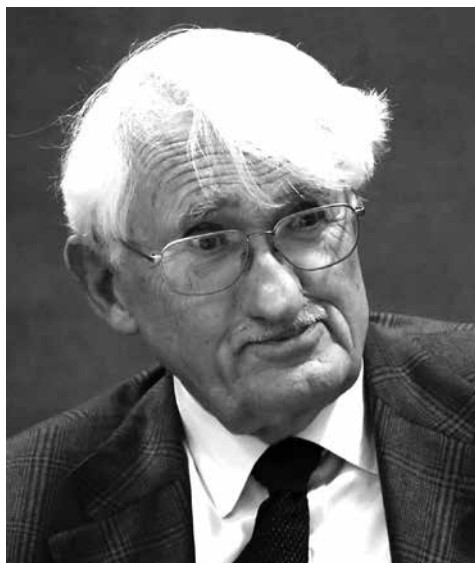
¹⁵ <https://archive.vaclavhavel.cz/File/Show/156865>

¹⁶ <https://old.inliberty.ru/library/181-sila-bessilnyh>

¹⁷ *Wajda A. Notesy 1942–2016. Wybór.* Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2024. T. 4 (2000–2016). S. 197.

Юрген Хабермас

(1929–2026)

В апреле 1989 года 60-летний Юрген Хабермас впервые приехал в Москву, где в Институте философии прочитал несколько докладов, а затем вместе с женой и своим переводчиком и другом Анатолием Михайловым пришел к нам в гости — мы жили тогда на Кутузовском проспекте рядом с гостиницей «Украина». Вскоре после этих событий мы стали основателями просветительского проекта — Московской школы политических исследований (МШПИ), а Анатолий Михайлов — основателем образовательного проекта, частного Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) в Минске.

То есть фактически одновременно в Москве (1990) и Минске (1992) были реализованы в качестве насущного ответа на потребности общества две инициативы в сфере трансформации гуманитарного образования, которое наиболее сильно пострадало от тоталитарной идеологии. И обе эти инициативы нашли активную поддержку в западных странах.

После закрытия ЕГУ белорусскими властями в 2004 году университет продолжил свою работу в Вильнюсе, а МШПИ после принудительного включения в 2014 году в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (наше несогласие с этим статусом было опубликовано тогда же в журнале Школы) получила новое название — Школа гражданского просвещения.

*Лена Немировская,
Юрий Сенокосов*

Михаил Минаков,
доктор философских
наук

Незавершенный проект и незатянувшаяся рана

Памяти Юргена Хабермаса

Умолкший голос

Я помню его голос. Не лекции (их содержание я восстановил позже по книгам), а именно голос: чуть гнусавый из-за врожденной расщелины неба, торопливый, словно мысль обгоняла артикуляцию и нетерпеливо тянула ее за собой. Берлин и Франкфурт, середина девяностых. Аудитории Гумбольдтовского и Гетевского университетов, переполненные теми, кто пришел не столько слушать, сколько присутствовать. Для тогдашнего меня, молодого студента-философа из только что возникшей Украины, для которого слово «модерность» было не теоретической абстракцией, а обозначением мира, в который мы отчаянно пытались войти заново, после советского эксперимента, присутствие Хабермаса ощущалось как присутствие самого Просвещения, упрямо продолжающего верить в себя вопреки всем основаниям для критики и отчаяния.

14 марта 2026 года, в субботу, Юрген Хабермас умер в Штарнберге. Ему было 96 лет. Издательство Suhrkamp, публиковавшее его с шестидесятых годов, сообщило об этом скупно — так, как он сам, вероятно, одобрил бы: без патетики, как факт. Но факт этот — из тех, что меняют ландшафт. С его уходом оборвалась последняя живая нить, связывавшая нас с Франкфуртской школой, с тем грандиозным интеллектуальным предприятием, которое попыталось осмыслить катастрофу XX века, не отказавшись от разума. Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Вальтер Беньямин — все они были уже историей. Хабермас оставался современником. Теперь и он — в чертогах Клио, достояние истории.

Но что это за история? Вопрос не праздный. Хабермас принадлежит к тому редкому разряду мыслителей, которые соединяют столетия. Рожденный в

1929 году в Дюссельдорфе, в протестантской бюргерской семье, он был ребенком Веймарской республики, подростком Третьего рейха, юношей разрушенной Германии и зрелым человеком того послевоенного порядка, который на несколько десятилетий убедил Европу, что демократия, права человека и рациональный дискурс — не прекраснодушные абстракции, а работающие институты. Он нес в себе опыт страшного (в буквальном, непереносном смысле слова) прошлого и передавал его мудрость настоящему, которое, как мы теперь видим, медленно, но неумолимо сползает в новый хаос: войны на континенте, подъем авторитаризма, эрозия публичной сферы в усталых демократиях и вездесущее торжество цинизма, маскирующегося под реализм.

Еще в ноябре 2025 года, за четыре месяца до смерти, Хабермас опубликовал в *Süddeutsche Zeitung* эссе с характерным названием *Von hier an müssen wir alleine weitergehen* («Отсюда мы должны идти дальше одни»)¹. Он подверг ревизии одну из своих центральных идей, идею Запада как нормативного проекта, и сделал это с тем редким мужеством, которое требуется, чтобы на девяносто шестом году жизни усомниться в том, чему посвятил жизнь. Теперь нам действительно идти одним. Но в каком направлении?

Я пишу эти строки не как историк идей и не как некрологист. Я пишу их как философ-ученик, кому посчастливилось слышать Мастера, несколько раз говорить с ним и, что не менее важно, с ним не соглашаться. Хабермас оставил нам не доктрину — доктрины стареют и окостеневают. Он оставил нам способ мышления: убежденность в том, что разум не исчерпывается инструментальной калькуляцией, что язык — не только средство манипуляции, но и среда взаимопонимания, что критика возможна, потому что истина — не чья-то собственность, а горизонт, к которому мы движемся вместе, пусть и никогда его не достигая. И он оставил нам незавершенный спор, который обязывает нас не оплакивать потерю, но продолжать незаконченный проект.

Это эссе — попытка продолжения.

Мыслитель между двумя катастрофами

Да, биографию Хабермаса можно рассказать как историю философской карьеры — блестящей, отмеченной десятками премий, переводами на сорок языков, кафедрами во Франкфурте, Гейдельберге, Беркли, директорством в Институте Макса Планка. Но такой рассказ упустит главное. Хабермас — мыслитель, чья философия и философский активизм рождались не из академического любопытства, а из раны. Точнее — из двух ран, нанесенных двумя катастрофами, между которыми пролегла его жизнь.

*Хабермас принадлежит
к тому редкому разряду
мыслителей, которые
соединяют столетия*

Первая катастрофа была катастрофой начала. В 1929 году, когда Хабермас появился на свет, Веймарская республика доживала последние годы. Его отец, коммерческий директор торгово-промышленной палаты в Гуммерсбахе, вступил в НСДАП в 1933-м — не как фанатик, а как «попутчик», один из миллионов, чья податливость и сделала нацизм возможным. Мальчик рос в Гитлерюгенде (не по выбору, а по принуждению); в 1944-м, пятнадцатилетним, был призван на Западный вал. Но подлинным первым травмирующим потрясением для него стал не сам

*Он оставил нам
незавершенный спор,
который обязывает
нас не оплакивать
потерю, но продолжать
незаконченный проект*

нацизм — ребенок, выросший внутри режима, не имел точки отсчета для его оценки. Потрясением стал конец: Нюрнбергский процесс, кадры из концентрационных лагерей, внезапное осознание того, что мир, в котором ты жил и который казался нормальным, был, по словам самого Хабермаса, «политически преступной системой»². Это переживание, в

котором смешаны и шок узнавания правды, и запоздалый стыд за себя и отца, определило всю его последующую мысль. Разум, для Хабермаса, никогда не был чем-то само собой разумеющимся. Разум был задачей, тем, что нужно отвоевывать у варварства снова и снова, без гарантий окончательной победы.

Именно здесь — исток его спора с учителями, Хоркхаймером и Адорно. В «Диалектике Просвещения»³, книге, написанной в калифорнийской эмиграции, под грохот мировой войны, Хоркхаймер и Адорно вынесли Просвещению приговор: разум, призванный освободить человека от мифа, сам превратился в миф; инструментальная рациональность, подчиняющая природу, с той же логикой подчиняет людей; Освенцим — не случайность, а закономерный итог проекта модерности. Диагноз был страшен — и на первый взгляд безупречен. Но Хабермас увидел в нем «перформативное противоречие»: Хоркхаймер и Адорно использовали разум для того, чтобы объявить его бессильным; они обращались к читателю с рациональными аргументами, одновременно утверждая, что те — орудие господства. Если это так, то на каком основании они сами критикуют? На каком основании вообще возможна критика?

Этот вопрос породил всю его философскую программу. Нужно было спасти критический потенциал разума, не закрывая глаза на его катастрофические злоупотребления. Нужно было найти другой разум — не инструментальный, не калькулирующий, не подчиняющий, — и показать, что он укоренен в самой структуре человеческой коммуникации. Этим Хабермас занимался следующие шесть десятилетий. Результатом стала «Теория коммуникативного действия», но о ней речь впереди.

После первой катастрофы пролегли годы, которые немцы называют «послевоенным консенсусом»: конституционный патриотизм, социальное рыночное хозяйство, европейская интеграция, медленное,

мучительное примирение с прошлым. Хабермас был не просто наблюдателем этого процесса, он был его соавтором. В 1953 году, двадцати-четырёхлетним журналистом, он опубликовал в Frankfurter Allgemeine Zeitung статью, обличающую Мартина Хайдеггера за невычеркнутую фразу о «внутренней истине и величии» национал-социализма — жест необычайной дерзости для молодого человека, бросившего вызов живому классику. В 1986-м, уже признанным мэтром, он спровоцировал Historikerstreit, «спор историков», выступив против попыток консервативных историков, прежде всего Эрнста Нольте, релятивизировать Холокост, представив его как «ответ» на большевистский террор. Хабермас настаивал: Холокост уникален; его нельзя «уравновесить» другими преступлениями; немецкая демократия стоит на признании вины и рухнет без него. Это был не академический диспут: это было сражение за душу Федеративной Республики.

А в 2004 году — неожиданный поворот. В Баварской католической академии в Мюнхене Хабермас встретился с кардиналом Йозефом Ратцингером, будущим Бенедиктом XVI, для диалога о вере и разуме⁴. И тот, кого привыкли считать апологетом секулярного проекта, произнес нечто удивительное: он признал, что религиозные традиции сохраняют моральные и антропологические содержания, которые секулярный разум не сумел полностью заместить. Это признание, сделанное, как подчеркнул Хабермас, с позиции «методологического атеиста», не было капитуляцией. Это был жест интеллектуальной честности: даже самый последовательный защитник модерности способен увидеть ее пределы, не отказываясь от нее. Готовность пересматривать собственные позиции — а Хабермас делал это неоднократно — была, пожалуй, его самым глубоким уроком.

Вторая катастрофа, в которой мы живем сейчас, разворачивалась на его глазах: распад послевоенного порядка, кризис Европейского союза, война в Украине, подъем авторитарного популизма, превращение публичной сферы в арену манипуляций и ненависти. Хабермас не дождался ее развязки. Но он успел поставить ей диагноз и в своем последнем тексте, по существу, произвести ревизию собственного наследия. Философия Хабермаса родилась между двумя катастрофами: той, из которой он вышел, и той, в которую мы входим. Именно это делает ее не музейным экспонатом, а рабочим инструментом: потрепанным, неидеальным, нуждающимся в починке, но незаменимым.

Философ-активист: терапия, а не революция

Есть философы кабинетные — и это я говорю без тени упрека: Кант никогда не покидал Кенигсберга, но из своего кабинета перевернул метафизику. Есть философы-пророки, грезящие о тотальном

*Нужно было найти
другой разум —
не инструментальный,
не калькулирующий,
не подчиняющий*

преобразовании мира — от Платона до Маркса. А есть, и этот тип встречается реже всего, философы-терапевты: те, кто не предлагает рецептов спасения, а создает условия, при которых общество может само себя излечить. Хабермас принадлежал к последнему разряду, и именно в этом, на мой взгляд, состоит его уникальное величие.

Он был философом-активистом в самом точном и строгом смысле этого слова. Не кабинетным теоретиком, который лишь изредка, снисходительно, опускает взгляд на грешную землю политики. Не револю-

*Он успел поставить
диагноз и в своем
последнем тексте
произвести ревизию
собственного наследия*

ционером, для которого мысль — лишь подготовка к радикальному действию. Хабермас вмешивался в политическую жизнь постоянно, систематически, аргументированно — и делал это на протяжении семи десятилетий, от ранней статьи о Хайдеггере до последнего эссе о крахе западного порядка. Historikerstreit, объединение

Германии, распад Восточного блока, Югославская война, конституция Европейского союза, Иракская война, пандемия, война против Украины — не было крупного политического события в послевоенной Европе, на которое Хабермас не откликнулся бы развернутой, тщательно аргументированной реакцией.

Но вот что принципиально: его активизм никогда не переходил в утопическое насилие. Хабермас, прошедший через увлечение студенческим движением шестидесятых, очень рано — раньше многих — распознал опасность радикализации. Уже в 1968 году он предупреждал об угрозе «левого фашизма» — формула, за которую его яростно атаковали тогда и которая, увы, оказалась пророческой. Он видел, как благие намерения

*Его активизм никогда
не переходил в утопическое
насилие*

превращаются в террор, как жажда справедливости — в жажду мести, как критическая теория, попав в руки фанатиков, становится орудием подавления. И он сделал из этого вывод, определивший всю

его дальнейшую позицию: задача философа — не перестраивать мир по чертежу, а создавать и защищать пространство, в котором люди могут разговаривать друг с другом без принуждения. Не утопия, но и не капитуляция: терапия.

Это слово я использую намеренно. Хабермас не лечил общество, как врач лечит пациента: сверху, авторитетно, следуя рецепту. Он действовал так, как психотерапевт помогает больному: создавая условия, при которых тот сам способен осознать свои искажения и проработать их. «Идеальная речевая ситуация», одно из его ключевых понятий, это не описание реальности и не утопический идеал. Это терапевтический масштаб: мы знаем, когда наш разговор искажен ложью, манипуляцией, насилием, и именно потому, что знаем, мы можем стремиться к иному.

Философ-активист Хабермас не говорил людям, что думать. Он показывал, как можно думать вместе, и настаивал на том, что это «вместе» необходимо.

Здесь мне хотелось бы посмотреть на Восток Европы, на тот мир, из которого я когда-то пришел на лекцию к Хабермасу и в который, неся его уроки, вернулся.

Слово «активизм» в Восточной Европе — и в нынешних постсоветских странах в особенности — имеет совсем иную коннотацию, нежели в немецком контексте Хабермаса. Здесь и сейчас активизм является именем болезни, а не лекарства. Я говорю не о тех мужественных людях, которые в наших странах рискуют свободой и жизнью ради отстаивания элементарных прав, — их подвиг неоспорим. Я говорю о другом явлении: о хунвейбинах гражданского общества, самозванных стражах морали и памяти, которые с энергией, достойной лучшего применения, разрушают то немногое, что еще связывает наши общества, наши поколения в единое целое. Культурная и социальная ризома — живая ткань

*Хабермас обязывает нас,
восточноевропейских
интеллектуалов, к болезненной,
но необходимой самокритике*

неформальных связей, традиций, солидарностей, которая позволяет обществу быть обществом, а не скоплением враждующих индивидов, — растерзана с двух сторон: милитаризованными правительствами и антисвободными политиками сверху, и «активистами», превратившими борьбу за справедливость в перманентный трибунал, снизу.

Активизм-как-болезнь — это активизм, утративший терапевтическое измерение. Он не создает публичное пространство, он его захватывает. Он не стремится к диалогу, он выносит приговоры. Он не ищет консенсуса, он клеймит несогласных. Он подменяет аргумент — обличением, критику — доносом, мысль — лозунгом. Хабермас, с его верой в «ненасильственное принуждение лучшего аргумента» («zwangloser Zwang des besseren Arguments») показывает, что активизм может быть другим. Не демонтажем, а исцелением. Не чисткой, а разговором. Не революцией, а, если угодно, бесконечной реформой, которая никогда не завершается, потому что завершение означало бы смерть свободы.

Разумеется, Хабермасу можно возразить (что и делали многократно), что его модель слишком западна, идеальна, далека от реальности обществ, в которых само понятие публичной сферы остается фикцией: где разговор заглушается бомбами, подкупается олигархами или блокируется цензурой. Это возражение серьезно, и я к нему еще вернусь. Но именно потому, что условия коммуникации в наших обществах катастрофически искажены, хабермасовский идеал имеет особую силу — не как описание того, что есть, а как критерий того, чего нет, но что необходимо. Врач нужнее всего там, где больше больных. Терапевт — там, где глубже травма.

Хабермас обязывает нас, восточноевропейских интеллектуалов, к болезненной, но необходимой самокритике: умеем ли мы, те, кто считает себя борцами за свободу, вести разговор, а не войну? Способны ли мы слышать аргументы, а не только выкрикивать свое мнение? Или мы, сами того не замечая, воспроизводим логику насилия, которую якобы преодолеваем?

Эти вопросы Хабермас нам не задавал; он задавал их немцам, своим соотечественникам, своей Федеративной Республике. Но в том и состоит сила подлинной философии, что она способна странствовать — переселяться в иные контексты, высвечивать иные проблемы, ставить иные диагнозы. Задача ученика — не повторять учителя, а продолжать его мысль на языке собственного опыта. И первое, что восточноевропейский перевод Хабермаса обнаруживает, — это зияющую пропасть между терапевтическим активизмом Мастера и разрушительным активизмом, который мы наблюдаем и от которого страдаем у себя дома.

Коммуникативное действие и кризис легитимации: в чем суть?

Прежде чем спорить с Хабермасом (а я намерен этим заняться ниже), необходимо изложить то, с чем предстоит спорить. Хабермас оставил громадный корпус текстов; перечисление одних только монографий заняло бы страницу. Но в ядре этого корпуса лежат две теоретические конструкции, без понимания которых все остальное рассыпается. Первая — теория коммуникативного действия⁵. Вторая — теория кризиса легитимации⁶. Я постараюсь изложить обе так, чтобы они стали доступны читателю, далекому от профессиональной философии, не упрощая, но и не запугивая жаргоном.

Коммуникативное действие: другой разум

Макс Вебер, один из отцов современной социологии, еще в начале XX века диагностировал болезнь модерности — рационализацию. Мир становится все рациональнее, но это рациональность особого рода — инструментальная. Она спрашивает: «Какими средствами достичь данной цели?» И никогда не спрашивает: «А стоит ли эта цель того?» Калькуляция вытесняет смысл. Бюрократия вытесняет спонтанность. Эффективность вытесняет человечность. Вебер назвал это «железной клеткой» рационализации и не видел из нее выхода. О ее жутких последствиях затем писали и Хоркхаймер с Адорно.

*Хабермас принял
веберовский диагноз,
но отверг его фатализм*

Хабермас принял веберовский диагноз, но отверг его фатализм. Да, инструментальный разум — реальная и разрушительная сила. Но это не единственный тип разума, которым располагают люди. Наряду с ним существует, и всегда существовал, коммуникативный разум: рациональность, встроенная не в одинокое целеполагание субъекта, а в самую

структуру человеческого языка. Когда мы говорим друг с другом по душам, а не манипулируем, не приказываем, не обманываем, то есть именно говорим, стремясь к взаимопониманию, мы уже пользуемся этим другим разумом. В каждом акте серьезной речи, утверждал Хабермас, опираясь на теорию речевых актов Остина и Сёрла, неявно содержатся четыре притязания: на истинность (то, что я говорю, соответствует фактам), на правильность (то, что я говорю, уместно в данном нормативном контексте), на правдивость (я действительно думаю то, что говорю) и на понятность (мои слова имеют смысл для меня и других). Мы можем нарушать любое из этих притязаний, что часто и делаем, но само нарушение распознается именно потому, что мы знаем, каким должен быть неискаженный разговор.

Отсюда — знаменитая «идеальная речевая ситуация» (*ideale Sprech-situation*): воображаемое состояние коммуникации, в которой нет принуждения, все участники имеют равный доступ к аргументам и единственной действующей силой остается сила лучшего аргумента. Это не утопия — Хабермас прекрасно понимал, что реальные разговоры всегда искажены властью, деньгами, страхом, предрассудками и страстями. Это — критический масштаб, позволяющий измерить степень искажения и работать над его уменьшением. Мы никогда не достигнем идеальной речевой ситуации, но мы способны приблизиться к ней, и мы знаем, когда удаляемся от нее.

Из этого выросла грандиозная двухтомная архитектура «Теории коммуникативного действия», в которой Хабермас выстроил двухуровневую модель общества. На одном уровне — «система» (*System*): экономика и государственная бюрократия, координируемые безличными «медиа» — деньгами и административной властью. На другом — «жизненный мир» (*Lebenswelt*): горизонт повседневных смыслов, разделяемых ценностей, культурных традиций, личных отношений, то, что координируется через язык и взаимопонимание. Модерность, по Хабермасу, — это процесс, в ходе которого «система», первоначально вырастающая из «жизненного мира», обретает автономию и начинает его колонизировать: заменять живое общение бюрократическими процедурами, солидарность — монетарными отношениями, смысл — функцией. Человек перестает быть гражданином и становится клиентом; перестает быть участником разговора и становится потребителем информации. Это и есть «колонизация жизненного мира», формула, которая, как мы увидим, нуждается в существенном расширении при столкновении с восточноевропейской реальностью.

Кризис легитимации: почему государства теряют доверие

Второй ключевой текст, «Проблемы легитимации позднего капитализма», в определенном смысле предшествует «Теории коммуникативного действия» и готовит для нее почву. Здесь Хабермас задает

простой, но разрушительный вопрос: почему современные демократические государства испытывают хронические трудности с обоснованием собственной власти?

Ответ выстроен как каскад кризисов. Позднекапиталистическое государство берет на себя все больше функций, от регулирования экономики до обеспечения социальных гарантий, и тем самым попадает в ловушку. Экономические сбои (инфляция, безработица, неравенство) оно вынуждено компенсировать политическими средствами, но политические ресурсы не безграничны. Возникает кризис рациональности: государство не справляется с задачами, которые само на себя взвалило.

Полвека спустя эта схема поражает своей актуальностью, причем по обе стороны бывшего железного занавеса

Этот кризис порождает кризис легитимации: граждане перестают верить, что «система» заслуживает их лояльности. А за ним следует кризис мотивации: разрушаются те культурные и моральные

ресурсы (трудовая этика, гражданский долг, доверие к институтам), которые обеспечивали добровольное подчинение. Государство, неспособное обосновать свою власть аргументами, прибегает к манипуляции или принуждению, чем еще глубже подрывает собственные основания.

Полвека спустя эта схема поражает своей актуальностью, причем по обе стороны бывшего железного занавеса. Западные демократии переживают именно тот каскад, который описал Хабермас: экономическое неравенство ведет к неспособности государства его компенсировать, что ведет в свою очередь к утрате доверия, а она — к подъему популизма и дальнейшей эрозии институтов. Но, и здесь начинается мой спор с Мастером, в постсоветских обществах этот каскад протекает иначе: не потому что «система» слишком сильна и колонизирует жизненный мир, а потому что «система» недостаточно эффективна и в ответ на свою колонизацию оказывается колонизирована сама «жизненными мирами» Восточной Европы, то есть клановыми группами, патрональными отношениями и прочими неформальными практиками, которые подчиняют формальные институты приватным интересам. Но этот аргумент — предмет следующего раздела. Сначала о том, как мир простился с Хабермасом.

Три прощания: как немцы, россияне и украинцы провожали Хабермаса

Философа можно оценить по его текстам. Но состояние мира, в котором он жил, можно оценить по тому, как этот мир его провожает в чертоги Клио. Реакции на смерть Хабермаса, последовавшие в течение сорока восьми часов после сообщения Suhrkamp, различались столь разительно, что сами по себе заслуживают анализа. Я остановлюсь на трех — немецкой, российской и украинской — не из географического

Никколо дель Арка (Niccolò dell'Arca). Оплакивание Христа (фрагмент скульптурной группы). Ок. 1435–1494 гг.

педантизма, а потому что каждая из них представляет собой диагноз: не Хабермасу, а самим прощающимся обществам.

Германия: нация прощается с собственным зеркалом

Масштаб немецкой реакции был и беспрецедентен, и ожидаем. Бундеспрезидент Франк-Вальтер Штайнмайер назвал Хабермаса «великим просветителем» и заявил, что Германия «бесконечно многим ему обязана». А премьер-министр Гессена Борис Рейн — «величайшим мыслителем нашего времени». Frankfurter Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Die Zeit, Spiegel, TAZ — все центральные издания напечатали многостраничные некрологи. Сейла Бенхабиб вспомнила свои франкфуртские годы; Ева Иллуз, Херфрид Мюнклер, Иван Крастев опубликовали мемориальные тексты; на Perlentaucher.de, главном агрегаторе немецкоязычного фельетона, обзор реакций занял несколько экранов.

Neue Zürcher Zeitung со своим взглядом извне, швейцарским, чуть более трезвым, заметила главное: Германия прощалась не столько с философом, сколько с собственным самописанием. Хабермас десятилетиями поставлял нации образ самой себя — образ общества, которое разрешает конфликты аргументами, в пространстве публичности, с опорой на разум. Современный немецкий Уленшпигель, которого еще и с Гегелем сравнивают... Прощаясь с ним, Федеративная Республика невольно проверяла: верит ли она еще в этот образ? Или он стал ритуальной формулой, которую произносят по инерции, пока реальные решения принимаются в иных местах и иными способами?

С пугающей символической точностью за два дня до смерти Хабермаса философ Вольфрам Айленбергер опубликовал в Die Zeit статью под заголовком *Wer steht noch auf Posten?* («Кто еще на посту?»)⁷. Айленбергер обличал в ней молчание интеллектуалов, их равнодушие к вызовам вре-

*Прощаясь с ним,
Федеративная Республика
невольно проверяла: верит
ли она еще в этот образ?*

мени, паралич аналитической философии, захватившей немецкие кафедры. Смерть Хабермаса превратила этот вопрос из риторического в приговор. На посту стоял он, теперь пост вакантен. Йозеф Фрюхтль, автор некролога для Philosophie Magazin,

нашел для этого точную формулу: Хабермас оставил нам не «уверенность», а «требование» — *Zumutung*. Требование продолжать верить в разум и демократию, не имея для этого достаточных оснований.

Немецкое прощание было величественным, искренним и, неизбежно, нарциссическим: нация оплакивала не только мыслителя, но и тот, возможно, уже несуществующий мир, в котором его мысль имела значение.

Россия: инструментализация мертвого

Российская реакция была другой — не по масштабу лишь, но по самой своей природе. «Ведомости», РИА «Новости», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» — все откликнулись в течение нескольких часов. Но формат был один и тот же: информационная заметка на три-пять абзацев, справка об основных трудах и неперемный акцент на том, что Хабермас в последние годы критиковал позицию Запада по Украине и призывал к переговорам с Россией. РИА «Новости» вынесло

*В стране, ведущей войну,
для коммуникативного
разума не осталось места*

это в заголовок. URA.RU выразилось еще прямолинейнее: «Всемирно известный философ, который критиковал позицию Запада по Украине, скончался». Философ, посвятивший жизнь коммуникативному разуму

и защите публичной сферы, в российском медиапространстве был за несколько часов сведен к функции: к полезному западному авторитету, подтверждающему правоту Кремля.

Философского осмысления ни в государственных, ни в оппозиционных СМИ не последовало. Профессиональное философское сообщество в РФ — подавленное, разобщенное, поредевшее из-за эмиграции и во многом замолчавшее — пока не подало голоса. Это молчание — не случайность и не лень. Это симптом: в стране, ведущей войну, для коммуникативного разума не осталось места. Там, где публичная сфера разрушена, смерть ее теоретика — событие не философское, а информационное. Факт, лишенный мысли.

Впрочем, я пишу это эссе спустя два дня после смерти Мастера и, скорее всего, пассажиры философского парохода из РФ в Европу 2022 года скоро дадут свой ответ и анализ, благо свободный ветер Запада это еще позволяет.

Юрген Хабермас во Франкфуртском университете. 1969

Украина: обида вместо рефлексии

Украинская реакция оказалась, пожалуй, самой болезненной и самой поучительной. Ведущие медиа — колумнисты и журналисты «Украинской правды», УНИАН, НВ — построили некрологи почти по единому шаблону: биографическая справка, перечисление заслуг и затем развернутый пассаж о том, как Хабермас в 2022–2023 годах выступал против поставок тяжелого вооружения Украине и призывал к переговорам с Путиным. Центральной цитатой, кочевавшей из текста в текст, стали слова одного украинского дипломата, назвавшего Хабермаса «позором немецкой философии» и заявившего, что от подобных позиций «Кант и Гегель перевернулись бы в гробу».

Философ Андрей Баумейстер, один из немногих украинских мыслителей, содержательно откликнувшихся из-за рубежа, написал на российском эмигрантском портале «Эхо» горький текст, в котором отметил, что украинские интеллектуалы «продолжают снисходительно поучать» Хабермаса даже после его смерти, «посылая свои претензии и морализаторские сентенции в вечность, туда, куда ушел неутомимый искатель Истины»⁸. И задал вопрос, который повис в воздухе: «После ухода Хабермаса — кто же остался на посту?»

Украинский гнев понятен. Человеку, чей город бомбят, не стоит предлагать сесть за стол переговоров с тем, кто бомбит. В украинской реакции на его смерть обида полностью вытеснила рефлексия. Ни одной публикации, которая бы всерьез спрашивала: почему аппарат

коммуникативного действия оказался бессилён перед лицом вооружённой агрессии? Что это бессилие говорит о границах теории, и какие новые теоретические ресурсы необходимы? Где именно Хабермас прав, даже когда его конкретная позиция по Украине кажется настолько обидной? Вместо этого — знакомый жест: свести мыслителя к его худшему высказыванию и закрыть дело.

Три симптома — и четвёртый путь

Три прощания — три диагноза. Немецкое: нарциссическое оплакивание общества, каким оно себя мыслило, но, возможно, никогда не было.

В украинской реакции на его смерть обиды полностью вытеснила рефлексия

Российское: инструментализация мертвого в интересах военной пропаганды. Украинское: подмена философской работы ресентиментным обвинением. Ни одна из этих реакций не делает того, чего требует наследие Хабермаса: продолжить мысль.

Именно это я и попытаюсь сделать — продолжить мысль Хабермаса, не подчиняясь ей слепо. Войти в спор с Мастером на его языке, признавая его правоту там, где он прав, и обозначая белые пятна там, где они есть — те самые белые пятна, которые заполняет восточноевропейский опыт.

Точки расхождения с Мастером: Восток Европы и двойная колонизация

Спорить с профессором — привилегия и обязанность ученика. Привилегия — потому что лишь тот, кто научился языку мастера, способен на этом языке ему возражать. Обязанность — потому что мысль, не встречающая сопротивления, костенеет. Хабермас это понимал лучше многих: вся его философская биография — это цепь продуктивных конфликтов, от раннего разрыва с пессимизмом Адорно до полемики с Хансом-Георгом Гадамером о герменевтике и идеологии, от спора с Жаком Деррида до диалога с Ратцингером. Спорить с Хабермасом — значит быть верным его собственному проекту.

Моя оппозиция касается двух пунктов. Первый, эпистемологический: вопрос о том, способен ли Восток Европы порождать новые идеи, а не только заимствовать западные? Второй, теоретический: вопрос о направлении колонизации — о том, только ли «система» колонизирует «жизненный мир» или возможен обратный процесс?

«Никаких новых идей с Востока»: тезис и его опровержение

В 1990 году, по горячим следам бархатных революций, Хабермас опубликовал эссе *Die nachholende Revolution* («Догоняющая революция»)». Его центральный тезис звучал отрезвляюще: события 1989 года, при всем их драматизме, не породили ни одной новой политической

идеи. Восточная Европа не предложила миру ничего, кроме стремления присоединиться к тому, что Запад уже имел: демократия, правовое государство, рыночная экономика, права человека. Революция была «догоняющей» в том смысле, что она лишь восполняла разрыв, созданный советским экспериментом.

В контексте девяностых этот тезис был отчасти справедлив. Адам Михник, Вацлав Гавел, даже диссиденты, обладавшие мощным нравственным авторитетом, в конечном счете апеллировали к ценностям, сформулированным до них и вне их опыта — к послевоенному либеральному конституционализму, к новому европейскому проекту и даже к кантовскому космополитизму. Восточная Европа была, в оптике Хабермаса, страницей, на которой Запад мог перечитать собственные идеалы, но не поставщиком новых страниц.

Три с половиной десятилетия спустя этот тезис подлежит решительному пересмотру. Не потому, что Восточная Европа вдруг родила великую философскую «систему» — пока не родила, да и не в системах дело. А потому что опыт, накопленный нашими обществами, — опыт системной коррупции, «патрональной демократии», «умных автократий», демодернизации, «военных операций», экспериментов с памятью и языком, массовой миграции, разрушения и пересоздания идентичностей, — ставит вопросы, на которые западная теория не имеет готовых ответов. Ирония горька, но продуктивна: именно страшное настоящее Востока Европы стало источником философского вдохновения — не в том циническом смысле, что чужое страдание живописно, а в том строгом смысле, что предельные ситуации обнажают структуры, невидимые в нормальных условиях. Война в Украине, распад российского общественного договора, демонтаж демократии в Беларуси, авторитарный дрейф в Грузии — все это не «отклонения» от нормы модерности, а ее варианты, требующие своего теоретического языка в духе теории Шмуэля Эйзенштадта о «множественности модернов»¹⁰. Больше об этой линии несогласия я писал в книге «Постсоветский человек»¹¹.

*Страшное настоящее
Востока Европы стало
источником философского
вдохновения*

Взаимная колонизация: когда «жизненный мир» пожирает «систему»

Но главный пункт моего спора с Мастером касается самой архитектуры хабермасовской социальной теории — и здесь я перехожу к аргументу, который развиваю в своей книге «Диалектика современности в Восточной Европе»¹².

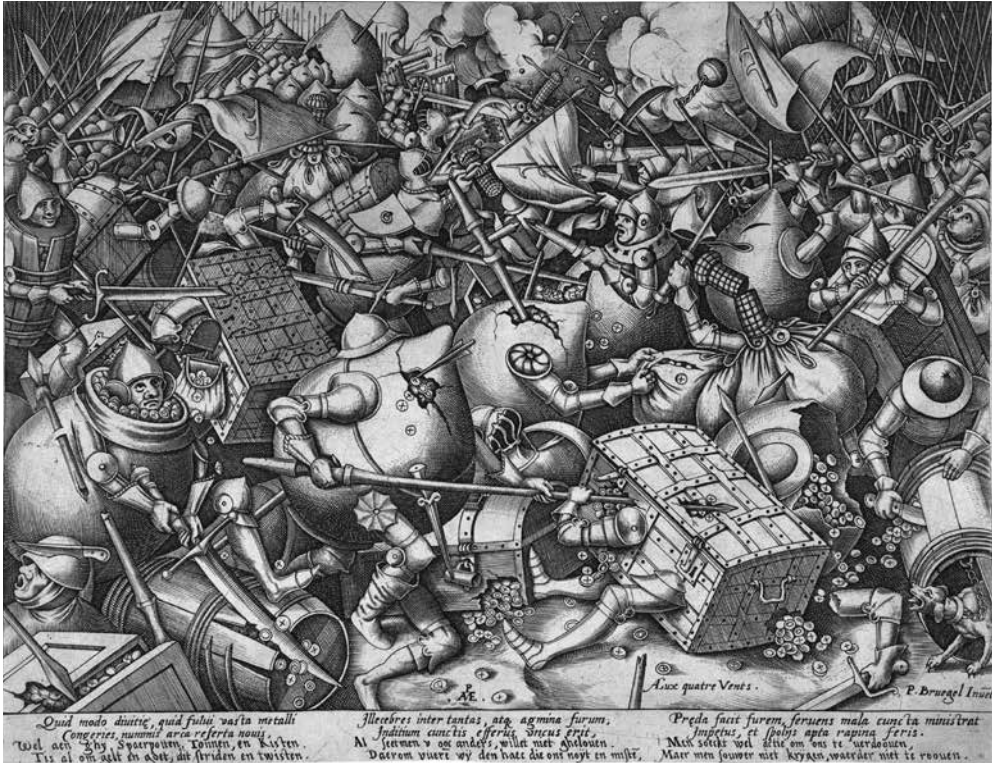
Напомню ключевую схему: в «Теории коммуникативного действия» и ряде других работ Хабермас описывает колонизацию «жизненного мира» «системой». Деньги и административная власть, то есть «медиа» экономической и бюрократической подсистем, вторгаются в те сферы

жизни, которые координируются языком, традициями и взаимопониманием, и подменяют собой живую коммуникацию. Диагноз убедителен — для обществ, в которых «система» работает: для Германии, Британии, Франции и стран Скандинавии. Для обществ, в которых формальные институты достаточно сильны, чтобы навязать свою логику повседневности.

Но что происходит там, где «система» работает не столь эффективно? Там, где государство — не мощная бюрократическая машина, а «в меру эффективное» образование, пронизанное неформальными сетями и подчиненное частным интересам? Постсоветский опыт демонстрирует процесс, который я называю «взаимной колонизацией»: не только «система» вторгается в «жизненный мир», но и «жизненный мир» со своими клановыми структурами, патрональными связями и личными лояльностями захватывает «систему», подчиняя формальные институты неформальной логике.

Как это выглядит на практике? Со времен первой бюрократической волны при Николае I, затем в период реформ Александра II, во времена большевистского, сталинского и постсталинского режимов «система» разрушила сельскую общину, уничтожила большую семью, создала индустриальные городские культуры, подорвала среды обитания диких форм жизни и сотворила особого современного человека с развитым инструментальным разумом и выученной политико-правовой беспомощностью. Тут колонизация зашла, бесспорно, далеко. Но и стойкие «жизненные миры» сумели отомстить «системе». Государственные должности распределяются не по компетенции, а по принадлежности к «кругу своих». Законы существуют, но применяются избирательно — в зависимости от того, кто их нарушил. Суды работают, но их решения predeterminedены телефонным звонком. То, что внешний наблюдатель описывает как коррупцию, на самом деле есть системное явление: не отклонение от нормы, а иной принцип организации, при котором формальные институты служат фасадом для неформальных отношений. Генри Хейл назвал это «патронажной политикой»¹³, а Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович разработали целую типологию посткоммунистических режимов, в которых неформальные сети конституируют политический порядок, а не подрывают его¹⁴.

На языке Хабермаса это означает: «жизненный мир» колонизирует «систему» так же, как и она его. Но сам Хабермас этого не видел в доступном для него политическом опыте. Приватные сговоры, клановые солидарности, личные обязательства — все то, что должно оставаться в сфере повседневного общения, вторгается в госинституты, предназначенные для безличного, процедурного координирования. Результат — не «железная клетка» рационализации, от которой предостерегал Вебер, а нечто противоположное: хаос партикулярностей, замаскированный под государственный порядок. Малоэффективные государства,

Питер ван дер Хайден (Pieter van der Heyden) по рисунку Питера Брейгеля Старшего.
Битва кошельков и сундуков. После 1570 г.

неспособные к автономному функционированию. Общества, в которых консенсус невозможен потому, что «система» поглощена борьбой с «жизненными мирами», каждый из которых навязывает свою «правду» и ограничивает структуры эффективности «системы».

В постсоветских обществах обе стрелки хабермасовской схемы работают одновременно. Постсоветские бюрократии и новые формальные институты колонизируют «жизненный мир» — через бюрократизацию, военную мобилизацию, пропаганду. Но и «жизненный мир», со своей стороны, колонизирует «систему» — через патронаж, клановость, «системную коррупцию». Два вектора не нейтрализуют друг друга; они усиливают деструкцию, порождая общества, застрявшие в порочном круге: слишком формализованные, чтобы быть живыми, и слишком неформальные, чтобы быть функциональными.

Поступок, который я здесь совершаю, — это не отвержение Мастера, но дополнение его проекта. Западноевропейская модерность, в которой «система» сильна, а «жизненный мир» страдает от ее экспансии, — лишь один случай. Восточноевропейская модерность, в которой «система»

Смерть мыслителя не завершает проект. Она перекладывает ответственность с того, кто начал, на тех, кто остался

слаба, а «жизненный мир» сам становится агрессором, — другой. Оба — варианты одной и той же диалектики. Но для осмысления второго нужен теоретический аппарат, которого у Хабермаса нет и который нам предстоит создать.

Незавершенный проект и наша ответственность

Das unvollendete Projekt der Moderne («Незавершенный проект модерности») — так Хабермас в 1980 году назвал свою речь при вручении ему премии Адорно (поучительная ирония истории, принимая во внимание их давний конфликт), и эта формула стала его философским девизом. Модерность — не исчерпанный проект, как полагали постмодернисты, и не порочный план, как настаивали антимодернисты. Модерность — проект незавершенный: его лучшие обещания еще не выполнены и не отменены; его потенциал не реализован и не утрачен. Задача состоит не в том, чтобы оплакать его провал или праздновать его преодоление, а в том, чтобы продолжать работу.

Смерть мыслителя не завершает проект. Она лишь перекладывает ответственность с того, кто начал, на тех, кто остался. Что означает эта ответственность для нас — восточноевропейских философов, мыслящих из опыта войны, коррупции, эмиграции, разрушенных и воссоздаваемых идентичностей? Она означает, прежде всего, необходимость двойного жеста: принять хабермасовскую грамматику критической теории и применить ее в рефлексии о нашем опыте. Взаимная колонизация, патрональная политика, чрезвычайная легитимность, солидарность боли — все эти категории, намеченные в предыдущих разделах, суть не отказ от Хабермаса, а его продолжение другими средствами. Они возникают там, где его карта обрывается и где начинается наша территория.

Но есть и второе измерение ответственности — более личное и более трудное. Три прощания в «национальных контекстах» — немецкое, российское, украинское — при всем своем различии объединены одним: ни одно из них не продолжило Хабермаса. Немцы оплакали его как символ; россияне присвоили как инструмент своей пропаганды; украинцы отвергли как обидчика. Все три реакции — способы закрыть проект, а не открыть его заново. Ответственность, которую я здесь отстаиваю, — это ответственность за четвертый путь: путь сотрудника, который чтит начинателя, продолжая с ним спор и общее дело.

Юрген Хабермас родился в год начала Великой депрессии и умер в год, когда послевоенный порядок, которому он посвятил жизнь, трещал по швам. Между этими датами — почти столетие работы, которая не завершена и не может быть завершена, пока остается хотя бы один человек, готовый отвоевывать пространство разумного разговора и достижения консенсуса у сил насилия и лжи. Модерность — незавершенный проект. И эта незавершенность — повод для слаженной работы. Ведь незавершенность — это другое имя свободы.

Примечания

- ¹ *Habermas J.* Von hier an müssen wir alleine weitergehen // *Süddeutsche Zeitung*. 21 November 2025. Электронный ресурс: <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/rede-juergen-habermas-eu-autoritarismus-usa-e353079/?reduced=true>
- ² *Habermas J.* The German idealism of the Jewish philosophers // *Religion and rationality: Essays on reason, God, and modernity* / Ed. E. Mendieta. MIT Press, 2002. P. 37–59.
- ³ *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб., 1997.
- ⁴ *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации: О разуме и религии. М.: Библейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006.
- ⁵ *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности. Т. 1: Рациональность действия и социальная рационализация. Т. 2: К критике функционалистского разума. М.: Весь мир, 2022.
- ⁶ *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
- ⁷ *Eilenberger W.* Zeitgenössische Philosophie: Ist da noch jemand wach? // *DIE ZEIT*. 14 March 2026. Электронный ресурс: <https://www.zeit.de/2026/12/zeitgenoessische-philosophie-universitaet-gegenwart-wolfram-eilenberger>
- ⁸ *Баумейстер А.* После ухода Хабермаса это место остается вакантным // ЭХО. 15 марта 2026. Электронный ресурс: <https://echofm.online/opinions/posle-uhoda-habermasa-eto-mesto-ostaetsya-vakantnym>
- ⁹ *Habermas J.* Die nachholende Revolution: Kleine politische Schriften VII. Suhrkamp, 1990.
- ¹⁰ *Eisenstadt S. N.* Multiple modernities // *Daedalus*. 2000. № 129(1). P. 1–29.
- ¹¹ *Минаков М.* Постсоветский человек и его время. Опыт философского осмысления постсоветской эпохи. Рига: Школа гражданского просвещения, 2024.
- ¹² *Минаков М.* Диалектика современности в Восточной Европе: Опыт социально-философского осмысления. Киев: Лаурус, 2020.
- ¹³ *Hale H. E.* Paternal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge University Press, 2014.
- ¹⁴ *Magyar B., Madlovics B.* A concise field guide to post-communist regimes: Actors, institutions, and dynamics. CEU Press, 2022.

*Анатолий Михайлов,
доктор философских
наук, член Европейской
академии наук, искусств
и литературы*

Памяти Мыслителя

Умер Юрген Хабермас — последний из тех, кто внес весомый вклад в формирование духовного ландшафта прошлого столетия и кто был призван нести и воплощать этот дух в первой четверти XXI века.

Мне посчастливилось впервые встретиться с ним в 1989 году, когда я организовывал его приезд с докладами в Москву. Это было время, когда многое из прежде запрещенного постепенно становилось возможным, а страна с немалым трудом выходила из долгой изоляции и многолетнего идеологического контроля, осуществлявшегося под лозунгом борьбы с «буржуазной идеологией».

Помню, как в частной беседе Хабермас с удивлением говорил мне, что он, будучи, казалось бы, близок к творческому переосмыслению марксизма, неожиданно столкнулся с сопротивлением своему приезду в Советский Союз. Тогда как так называемые буржуазные философы, например Поль Рикёр, уже перестали считаться персонами нон грата и получили возможность приезжать в СССР, общаться и выступать перед все еще немногочисленной, но готовой к таким встречам философской аудиторией. Я пытался объяснить ему, что именно его близость к марксизму воспринималась как более серьезная угроза, чем сама «буржуазная идеология», поскольку любое иное, неканоническое прочтение марксизма считалось недопустимым посягательством на его «чистоту» и осуждалось как ревизионизм. Нынешнему поколению трудно представить себе атмосферу тех лет, когда даже уже в заметно изменившихся условиях возможность приглашения таких мыслителей, как Рикёр, еще приходилось оправдывать тем, что их визиты должны были снова и снова демонстрировать мощь общества, не боящегося столкновения с «классово ограниченным мировоззрением» буржуазного общества. Даже в 1989 году сохранялись препятствия: в Москве возникали трудности с одобрением конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Мартина Хайдеггера.

Хорошо помню, каких невероятных усилий мне стоил перевод выступлений Хабермаса в Институте философии Академии наук в Москве. В его последнем, третьем докладе не было заранее подготовленного текста: он практически импровизировал, говоря о проблемах, которые нашей аудиторией тогда были еще малоизвестны.

Книга, которую он мне подарил во время своего приезда, — «Структурная трансформация публичной сферы», — вышла еще в 1961 году и с тех пор воспринималась как энциклопедическое исследование жизни

западного общества XX века в ее целостности. Спустя шесть десятилетий после выхода своего ставшего классическим труда Хабермас вновь обратился к этой теме в книге *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics* (2023), которая

Близость к марксизму воспринималась как более серьезная угроза, чем сама «буржуазная идеология»

по-прежнему нуждается в прочтении и осмыслении, как и его двухтомник того же года *Also a History of Philosophy. The Project of a Genealogy of Postmetaphysical Thinking*.

Я напомнил о себе Хабермасу около двух десятилетий назад, когда мой бывший студент Владимир Фурс попросил меня содействовать тому, чтобы Хабермас взял на себя руководство его стажировкой во Франкфурте-на-Майне. Ответ пришел очень быстро: Хабермас сообщил, что уходит на пенсию и по формальным причинам не может выполнять эту роль, но обещал позаботиться о том, чтобы Владимиру была оказана необходимая помощь. Было приятно узнать, что он сдержал свое слово.

В одной из своих последних книг — «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?» — Хабермас выражал тревогу по поводу опасности генетического вмешательства в природу человека, способного, по его мнению, изменить всю структуру нашего морального опыта (Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. С. 40).

Продолжая мысль Достоевского о том, что человеку необходимо «выделаться» в человека, и перекликаясь с Ницше, называвшим человека еще не определившимся животным (*das noch nicht festgestellte Tier*), Хабермас пишет: «Так как в биологическом смысле человек рождается “недоделанным” и на протяжении всей своей жизни остается зависимым от помощи, внимания и признания со стороны своего социального окружения», столь насущный для человека процесс его «индивидуации» рискует быть нарушенным в результате воздействия на него факторов социализации (там же. С. 46).

Примечательно, что Хабермас в своей правомерной озабоченности «будущим человеческой природы» начинает свою книгу с упоминания романа Макса Фриша «Штиллер» и цитирования слов прокурора, вглядывающегося в героя романа и задающего ему вопрос: «Как распоряжается этот человек своим временем?» (там же. С. 11). Вопрос далеко не

праздний для каждого из нас, особенно сегодня, когда трансформация публичной сферы под воздействием современных коммуникационных технологий все чаще заслоняет саму проблему человеческого существования и подменяет осмысление отношения ко времени простым времяпровождением.

Это означает, что, при всей неизбежности влияния социальной среды на формирование личности, ответственность за то, кем мы становимся в жизни, в конечном счете лежит на нас самих. «Ведь подобные этические вопросы, — заключает Хабермас, — о собственном благопо-

Трансформация публичной сферы подменяет осмысление отношения ко времени простым времяпровождением

лучию и страданию ставятся в контексте определенной истории жизни или особой формы жизни. У них много общего с вопросами идентичности: как нам следует понимать самих себя, кто мы такие и кем хотим быть? Отсюда следует, что на эти вопросы, очевидно, не существует отве-

та, независимого от соответствующего контекста, иначе говоря, общего, в равной мере касающегося всех лиц» (там же. С. 13).

Хабермас вспоминает при этом о том, что еще Сёрен Кьеркегор в своем произведении «Или — или» «поразительно новаторски обновил этический вопрос», который потребовал «от отдельного человека *собраться* и освободить себя от навязываемых средой, подавляющей индивида. Человек должен *решиться* осознать свою индивидуальность и свою свободу» (там же. С. 16). Здесь уместно вспомнить и о том, что Кьеркегор предвосхитил феномен публичного пространства в своем небольшом тексте *The Present Age* (1845), долгое время остававшемся недооцененным.

В конце 2025 года я решил напомнить о себе и написал Хабермасу письмо, в котором, ссылаясь на его книгу о будущем человеческой природы и продолжая его размышления об опасностях генетического манипулирования, я обратил его внимание на то, что современные технологии общения и коммуникации с ранних лет формируют поведение человека и без всякого искусственного вмешательства в генную структуру. По понятным причинам ответа я так и не получил.

Процессы обезличивания и утраты человеком прежних качеств, связанных с разумом и самостью, остро осознавались на протяжении всего XX века: «человек без свойств» у Музиля, *das Man* у Хайдеггера, «человек-масса» у Ортеги-и-Гассета, «человек без содержания» у Агамбена. В конечном счете на вопрос Абрахама Хешеля «Who is Man?» мы слишком часто отвечаем с помощью стандартных языковых формул и что Джордж Стайнер называл «лживым, неточным и политически извращенным языком» (*Steiner G. The Poetry of Thought. From Hellenism to Celan. New York: A new Directions Book, 2011. P. 158*).

Юрген Хабермас в своем кабинете. 1981

В другой своей книге, *The Real Presences*, Стайнер говорит о постепенной утрате непосредственного, экзистенциального опыта встречи человека и мира и задается драматическим вопросом: «Is there anything in what we say?» (*Steiner G. Real Presences. Is There Anything in What We Say? London: Faber and Faber, 1989*).

В результате мы оказываемся перед утратой самой возможности подлинного воздействия общества на индивида: такое воздействие все чаще ведет не к формированию личности, а к ее обезличиванию и превращению в посредственность, несущую в себе социальную опасность (*Седакова О. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М.: Никая, 2022. С. 311–336*). На примере творчества Ионеско, особенно его пьесы «Носороги», хорошо видно, к каким последствиям приводят подобные процессы разрушения публичного пространства.

Следует отметить, что Хабермас принадлежал к редкому типу ученых, которого нельзя назвать просто «мыслителем по профессии», если воспользоваться формулой Ханны Арендт. Как и сама Арендт, он не только писал о публичной сфере, но и до последних дней жизни участвовал в ней, откликаясь на самые острые темы и события.

*Процесс утраты человеком
прежних качеств, связанных
с разумом и самостью,
осознавался на протяжении
всего XX века*

Существует серьезная опасность, что со смертью Хабермаса нам еще сильнее угрожает наступление предсказанной в свое время Гессе «фельетонистической эпохи» (*Гессе Г. Игра в бисер*. М.: Художественная литература, 1969. С. 346).

*Со смертью Хабермаса
нам угрожает наступление
«фельетонистической эпохи»*

В этом случае, как пророчески замечает Гессе, «безо всякого сомнения, возобладает воинственная идеология, она с особой силой завладеет молодежью, возоб-

ладает мировоззрение лозунгов, ...просвещение и культура духа лишь постольку будут иметь право на существование, поскольку они могут служить целям войны» (там же. С. 351).

С горечью приходится признать, что с уходом Юргена Хабермаса мы утратили последнего борца за идеи рационального воздействия на публичную сферу, которая в наше время все чаще становится разрушительной для личности.

Библиография

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Darmstadt und Neuwied: Luchterhand, 1984.

Habermas J. Also a History of Philosophy. The Project of a Genealogy of Postmetaphysical Thinking. Cambridge: Polity, 2023.

Habermas J. A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics. Cambridge: Polity, 2023.

Heschel A. J. Who is Man? Stanford: Stanford University Press, 1965.

Kierkegaard S. The Present Age // Two Ages. The Age of Revolution and the Present Age. A literary Review / Ed. and transl. H. V. Hong, E. H. Hong. New Jersey: Princeton University Press, 1978. P. 68–112.

Steiner G. Real Presences. Is There Anything in What We Say? London: Faber and Faber, 1989.

Steiner G. The Poetry of Thought. From Hellenism to Celan. New York: A new Directions Book, 2011.

Гессе Г. Игра в бисер. М.: Художественная литература, 1969.

Седакова О. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М.: Никея, 2022.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002.

Роберт Скидельски (1939–2026)

Выступление Р. Скидельски на семинаре Школы в подмосковном Голицыно.
Слева направо: Л. Немировская, Р. Скидельски, Р. Брейтвейт, Р. Файнс. Июль 2009 г.

25 апреля 2026 года на 87-м году жизни скончался постоянный эксперт и друг Школы, профессор политической экономии университета Warwick, член Палаты лордов и Британской академии, сэр Роберт Скидельски.

Роберт родился в Харбине, в семье выходцев из Российской империи, в 1942 году переехал в Великобританию, где окончил Брайтон-колледж и Оксфордский университет.

В 1967 году он опубликовал свою первую книгу *Politicians and the Slump*, а в 1991-м получил пожизненное рыцарское звание и место в Палате лордов за свой фундаментальный труд, посвященный Кейнсу. Посвятив два десятилетия написанию биографии выдающегося британского экономиста XX века, Скидельски сделал это делом всей своей жизни. Он переехал в дом Кейнса в Сассексе, чтобы проникнуться нужной атмосферой, и обустроил кабинет так, как он выглядел в 1930-х годах. Он писал за тем же столом, которым пользовался Кейнс. Эта книга была переведена на русский язык и издана Школой (*Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель: В 2 кн. М.: Московская школа политических исследований, 2005*).

Помимо академической работы, Скидельски оказал значительное влияние на британские дискуссии по вопросам государственной политики. Он был одним из основателей и председателем Фонда социального рынка и много писал об экономике, фискальной политике и политических последствиях технологических изменений.

Роберт Скидельски стал близким другом и экспертом Школы еще в 1990-е годы и оставался с нами на протяжении всех лет нашей деятельности. Этим летом мы ждали его на наш семинар в Сеговии, но он, увы, уже не придет...

*Лена Немировская,
Юрий Сенокосов*

TABLE OF CONTENTS

No. 2 (101) 2026

TO THE READER

- The Little Ones — and Those Who Still
Haven't Realised It
Alex Yusupov 5

FEATURE ARTICLE

- What Hungary Can Learn from Poland
Sławomir Sierakowski 9
- What Awaits the World After the
American Hegemony Ends?
Robert Skidelsky 13

IN SEARCH OF UNDERSTANDING

- How Will America Treat Russia?
Maria Snegovaya 19

THE PROBLEM WITH AI

- Tested with the Intellect
Zelimkhan Yakhikhanov 36

HISTORIC EXPERIENCE

- Telegram for You!
Andrey Kolesnikov 40

FROM OUR ARCHIVE

- The Moscow Dialogues
Y. Senokosov Interviews J. Habermas 49

DISCUSSION

- On the Evolution of Legal Awareness
G. Kuydin 56

BOOKS

- Postscript. A Light-filled Book that
Describes Dark Experience.
Ruslan Loshakov 67
- The Counterpoint
Maxim Goryunov 76

NOTA BENE

- “Thou, sower, take good care of thy
plow...”
Deliberations on the Occasion of
Andrzej Wajda's and Václav Havel's
Anniversaries
Ivan Belyayev 84

IN MEMORIAM

- Jürgen Habermas
A Project Unfinished, a Wound
Unhealed. Remembering
Jürgen Habermas
Mykhailo Minakov 96
- In Memory of a Thinker
Anatoli Mikhailov 114
- Robert Skidelsky 119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Максим Горюнов

Василий Жарков

Иван Краснев

Руслан Лошаков

Елена Лукьянова

Михаэль Мертес

Анатолий Михайлов

Александр Морозов

Нил Муйжниекс

Диана Пинто

Кирилл Рогов

Мария Снеговая

Михаэль Сульман

Нина Хрущева

Энн Эпплбаум

Алекс Юсупов